ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ДРОН

№2 (5) 2023

В.М. Васнецов «Ковёр-самолёт»

Белгород

Прости, Господь, что в звездопад
Загадывал свои желанья,
Что звёзды умирали над
Душой, не знавшей состраданья.
Прости, Господь, за мрак души,
Поверившей и в прах, и в тленье...
Прости, Господь, и сокруши
В душе последнее сомненье...

Юрий Шумов

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДРОН

№2 (5) 2023

Белгород • Литературный караван • 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Литературный Дрон
Полуюбилей 3

Белгородская черта

Людмила БРАГИНА
Родной обычай старины 4

Олег РОМЕНКО
Пример для подражания 12

Александр ТУХТАРОВ
Книжный червь 26

Илья ЧЕСНОКОВ
Стройбат 30

Города и веси

Марина СТРУКОВА
Среди добрых людей 64

Евгений МИРМОВИЧ
Одинаковые пули 71

Иван КАТКОВ
Пассажир 80

Дмитрий ЕРМАКОВ
Колобок 95

Михаил ГРИШИН
Последняя зима 99

Вячеслав КИЛЕСА
Попутчица 104

Алёна РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ
Глазами собаки 118

Грани самоцветов

Марина ВОЛКОВА
Растерянно безмолвствует народ... 58

Надежда СМАГЛИЙ
И вьётся сомнений мучительных нить... 92

Ольга БОРИСОВА
Есть надежда, что будет рассвет... 111

В тридесятом царстве

Олег РОМЕНКО
Похищение 121

Атлантида

Ирина МИЛЧЕВСКАЯ
Потомки хана Аспаруха. Болгарская сага 128

Живая вода

Юрий ШУМОВ
Моя душа — живой родник... 170

Всадник без головы

Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕНКО
Маленький мальчик играл в волонтёра... 183

Нескучный юмор

Александр ПОНОМАРЁВ
Прогноз благоприятный 190

Авторы номера 195

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДРОН

ПОЛУЮБИЛЕЙ

Летом 2021 года мы отдыхали в прекрасном парке посёлка Дубовое и наблюдали такую идиллию: на солнечной лужайке, на расстеленном покрывале расположились молодые родители и маленький мальчик лет шести, который с пульта управлял игрушечным дроном. Беспилотник парил над верхушками деревьев, а запрокинутые вверх лица членов этого счастливого семейства, светились лучезарными улыбками. Тогда и появилась идея назвать наш будущий литературный журнал — «Дрон».

Время быстро идёт по маршруту, и вот перед вами, дорогие читатели, пятый выпуск литературного «Дрона». Для нас это маленький юбилей. На данный момент авторами журнала стали шестьдесят пять современных российских писателей, а на нашем сайте отсортирована по рубрикам и постоянно пополняется новыми произведениями электронная библиотека «Дрона».

Мы внимательно изучаем регулярно поступающие в журнал рукописи, много читаем из новейшей периодики, и у нас складывается ощущение, что современная русская литература — это, фигурально выражаясь, не надземная, а подземная река. Она словно ушла с лица земли, и ей, требующей внимания и вдумчивости, будто и нет места в умопомрачительном ритме полувиртуальной жизни.

Но порой мы видим, как она пробивается наружу чистейшими родниками, живой водой, необходимой не званым, но избранным, духовной жаждою томимым. И мы припадаем к ней и приветствуем её словами из знаменитой песни: «Живи, родник, живи...»

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Людмила БРАГИНА

РОДНОЙ ОБЫЧАЙ СТАРИНЫ

Лида с облегчением сбросила тяжёлый ранец на тумбочку в прихожей. На ходу уперевшись носком в пятку сняла туфельки, в ванной на всю открыла воду, и, не замечая её колючего холода, сполоснула руки. А потом, заскочив на кухню, громко воскликнула:

— Бабуль, давай скорее пообедаем, а то скоро сказка начнется!

— Залетела, как вихрь, сказка… тапочки надень!

Быстренько обувшись и вернувшись за стол, Лида склонилась над тарелкой, как гонщик над рулём. Она ещё хлебала суп, а мысленно уже включала Первую программу на их чёрно-белом «Рекорде», стоявшем на высоких ножках за стенкой в комнате.

По-стахановски управившись с обедом, чмокнула бабушку в щёку, крикнула «спасибо» и уже через минуту устраивалась поудобнее в любимом уголке дивана напротив экрана телевизора.

С первых нот, звучащей серебристыми капельками мелодии, у Лиды сладко замерло сердце.

Если вы не так уж боитесь Кощея
Или Бармалея и Бабу Ягу,
Приходите в гости к нам поскорее,
Там, где зеленый дуб на берегу.

На заставке сиял и переливался волшебный цветок, и Лиде казалось, он цветёт и распускается под чарующую музыку у неё внутри, заполняя теплом и радостью.

Вот на экране появилась любимая ведущая Валентина Леонтьева, которую вся детвора Советского Союза называет тётя Валя. Лицо у неё доброе, голос такой мягкий и ласковый, и Лида уверена, что она обращается именно к ней и её семье: «Здравствуйте, дорогие ребята и уважаемые товарищи взрослые».

Лида просто обожала «В гостях у сказки». Благодаря этой передаче она посмотрела и полюбила навсегда столько, поразивших её воображение и покоривших её сердце, фильмов — «Конёк-горбунок», «Садко», «Каменный цветок», «Варвара-краса длинная коса», «Королевство кривых

зеркал»... Поэтому с особым трепетом она ожидала, что же покажут сегодня.

Тётя Валя начала с рассказа об Александре Сергеевиче Пушкине и его няне и вдохновительнице Арине Родионовне. Бесчисленное количество народных песен, поговорок и пословиц, «преданий старины глубокой», которые она сказывала и пела великому поэту, превращались потом в его знаменитые и любимые читателями произведения.

— Вот, представьте, ребята, — улыбнувшись, продолжала тётя Валя, — простая, деревенская светлица, за окном поздний вечер, в красном углу под образами, стол, покрытый домотканой скатертью, на столе уютно пыхтит-поёт самовар, а за столом сидят юный Саша Пушкин и его «мамушка». Как вьётся сизый причудливый дымок над самоваром, так слово за словом течёт, сказывается сказка: «Вот что чудо: у моря-лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт – сказки сказывает, вниз идёт – песни поёт...» Узнали, какая поэма начинается с чудесного Лукоморья? Конечно же, это пролог к поэме «Руслан и Людмила», фильм по которой снял режиссёр Александр Птушко, и сейчас вы его увидите, дорогие наши телезрители!

После титров и героически-раздольной музыки из сумрака времён появляется книга с профилем великого поэта, перелистываются пожелтевшие страницы и торжественно звучит пушкинская строка: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой…» И вот уже послышалось конское ржание и топот хищно скачущей на Русь пёстрой и дикой орды степняков, ощетинившихся копьями и стрелами. Затем темнолицые воители, падающие ниц и бьющие поклоны в мольбе о жизни. И над ними, на фоне черных клубящихся туч, благородное, открытое лицо Руслана. Он весь озарён светом, доспехи сверкают, белый конь под ним чутко прядет ушами, за ним грозная верная дружина, победно рдеют знамёна с золотым солнышком: «Я отпущу вас, печенеги, но помните наш уговор…» На Лиду повеяло духом русской старины, и полностью захватила романтическая и таинственная атмосфера сказки.

Когда закончилась первая серия, Лида даже не стала смотреть традиционное завершение передачи - выставку детских рисунков и поделок, чтобы не нарушить и не спугнуть потрясающее впечатление от фильма. Она была в восторге, и всю неделю её не покидало ощущение волшебства, сердце сладко томилось в ожидании второй серии. Всю неделю она думала лишнее, как будет смотреть продолжение о новых приключениях и испытаниях, выпавших на долю героев. Она ждала, когда снова распахнётся дверь в удивительный чарующий мир, как в другое измерение, где торжествуют любовь и добро, и она войдёт и ….

Час пролетел, как один миг. Так же, как и в начале фильма, красивый низкий голос завершил повествование: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Перевёрнута последняя счастливая страница поэмы, закрыт пушкинский томик с золотым тиснением. Тётя Валя приглашает телезрителей через неделю на новую сказку. А Лида сидит и не может опомниться.

Проходили дни, а перед внутренним взором продолжали являться фантастические и красочные картины, которые разворачивались и сменяли друг друга. Лида жила в обыкновенной и привычной маленькой комнатке с потёртым плюшевым ковриком над кроватью, на котором резвились утренние мишки, и одновременно среди туманных полей и долин, коварных волшебников и храбрых героев, пируя вместе с весёлыми гостями в княжеских палатах и жадно впитывая ароматы пенных медов и звуки звонких гуслей.

Ей хотелось говорить об этом фильме, обсуждать его с одноклассниками, подружками и мальчишками во дворе. Он понравился абсолютно всем. Девчонки восхищались богатством княжеского убранства и нарядами Людмилы, секретничали и грезили о доблестных витязях, смеялись и фантазировали, что бы они сделали, будь у них шапка-невидимка. А пацаны, с видом знатоков разбирали бой Руслана с Головой, битву с печенегами и какие подвиги совершили, если бы у них был меч-кладенец.

Но Лиду же больше всего её восхитил эпизод, о котором почему-то никто не вспоминал — воскрешение убитого витязя. Когда старый колдун Финн, получив от горлицы весть, что Руслан погиб от руки Фарлафа, набирает в два сосуда из волшебных ключей воду и спешит к нему на помощь: «Водою мёртвой и живою кроплю тебя, чтоб полный сил ты ожил, встретился с княжною и вражьи силы разгромил».

Лида снова и снова пересматривала в памяти эту сцену. А поскольку это было так живо и ярко, она безоговорочно верила видению. И у неё появилась мечта.

Их встреча случилась около гастронома, куда они с бабушкой пришли за продуктами.

Он лежал посреди своих ярко-красных собратьев в большой плетеной корзине, стоявшей на земле, и его чёрные глаза-бусинки были безутешно грустными. Лида почувствовала это всем своим маленьким сердцем и спросила бабушку, почему он такой красивый и печальный.

— Так рака смерть красит. Он бы лучше буреньким остался, да живым.

И поэтому, глядя на горькую участь этого несчастного, Лида сразу вспомнила про ключи с мёртвой и живой водой, и ожившего, бодрого, полного новых сил Руслана...

И во что бы то ни стало, решила попытаться.

— Бабушка, купи мне его, пожалуйста.

Он стоил рубль. Это было безнадёжно дорого. Три бутылки молока и буханка хлеба. Или целых двадцать румяных пончиков с повидлом, посыпанных сахарной пудрой, которые продавались на рынке, о которых Лида сладко грезила во сне и наяву. Бабушка всплеснула руками:

— А больше ты ничего не придумала?

Лида быстро вырвала свою руку из бабушкиной, схватила грустного рака и крепко прижала к груди.

— Ты что ж творишь? А ну положи на место! – хором закричали продавец и бабушка.

— Не отдам.

И отбежала не слишком далеко, но так, чтобы сразу не поймали.

— Ну, ты сейчас хворостины получишь! — Бабушка сломила с ближайшего куста ветку и решительно двинулась к Лиде.

— Бабуль, ты её дома воспитывать будешь, а платить Пушкин будет?

— И где ты взялся на мою голову, спекулянт проклятый?!

— Обижаете, какой я спекулянт? Я этими вот своими руками их ловил! А его в норе пока нащупаешь, вытянешь, он так и норовит клешнёй цапнуть! Смотри, трудовые, кусаные-перекусаные!

Сердито ругаясь и бросая грозные взгляды на внучку, бабушка полезла в карман цветастой ситцевой юбки за кошельком. А Лида галопом понеслась домой. У подъезда остановилась, заняла выжидательную позицию рядом с лавочкой. И когда появилась бабушка, встала за спинку так, чтобы она не смогла её достать. Бабушка усмехнулась и бросила хворостинку.

— Да уж пойдём домой, совесть цыганская. Как из голодного края, будто я тебя не кормлю…

Лида знала, что бабушка никогда не обманывала её, ей стало немного стыдно, но нетерпение было сильнее. Она покаянно опустила глаза, подбежала к бабушке, потёрлась о её руку щекой и шустро нырнула в подъезд.

Дома забралась на кровать, положила свою добычу на подушку и с интересом стала её обследовать. Панцирь рака был твёрдым и пупырчатым, как броня и пах укропом. На острой продолговатой голове на тоненьких стебельках держались потухшие матовые глазки, по сторонам завивались длинные усики. Лида осторожно потрогала крепкие клешни с зазубринами и перевернула рака на спину. По бокам от брюшка

располагались шесть пар мелких ножек. Хвостик с тонкими плавничками и прозрачными ворсинками был поджат. Она попробовала его разогнуть, но он, как пружинка опять свернулся в колечко.

Бабушка одобрительно кивнула.

— Хороший рак, правильно сваренный. Кушать его нужно так…

— Нет! — протестующее прервала её Лида и спрятала рака под подушку.

— Что значит, нет?

— Потом. Я капельку полежу. Я так устала!

И она положила голову на подушку, закрыла глаза и стала думать про воду.

Как-то мама, говорила, что если долго кипятить в чайнике воду, то она становится мёртвой. С этим понятно. А вот где взять живую? Лида перебирала в памяти всё, что ей было известно про воду, но ответа не находила. Незаметно она уснула.

Проснулась оттого, что почувствовала лёгкое прикосновение маминых рук.

— Малышка, что же ты прямо в платьице и гольфах уснула? Нужно переодеться.

В комнате уютно-оранжево горел ночник. Было тепло, ласково улыбалась мама, а за окном мерно шелестел дождь. И вдруг яркая догадка радостно озарила Лиду. Вот же она! Настоящая живая вода! Нужно только набрать её! И она спрыгнула с постели, побежала на кухню. Достала из шкафчика самую большую чашку, распахнула окно и, вытянув руку, подставила ёмкость под дождевые струи.

Сзади появилась встревоженные мама и бабушка.

— Лидочка, что ты делаешь?

— Мне надо срочно набрать, пока дождь не кончился!

— Зачем? Закрой окно, ты простудишься!

— Сейчас-сейчас! Это вопрос жизни и смерти! Не мешайте!

Мама заморгала и растерянно повернулась за поддержкой к бабушке.

Та, зевнув и перекрестив рот, начала распекать обеих:

— Лучше б ты её не трогала! Спит ребёнок и пусть спит, нет же, разбуркала! А ей, если чего в голову втемяшится, колом оттуда не выбьешь! Вот до чего дожились — «не мешайте!» Ни днём, ни ночью от вас покоя нет, охо-хо…. А ну, быстро марш отсюда! И без разговоров! — грозно подступила она к окну.

Не дожидаясь продолжения, Лида захлопнула окно, повернула шпингалет и понесла драгоценную добычу в комнату.

— Не вздумай пить! Давай я тебе лучше молочка подогрею, — не могла успокоиться мама.

— Да, только не молока, а кипячёной воды горяченькой, пожалуйста, — попросила Лида, бросая быстрые взгляды по сторонам и прикидывая, куда спрятать чашку с драгоценной живой водой.

Когда мама вышла, она на цыпочках подошла к серванту, осторожно отодвинула стеклянную дверку и поставила чашку в уголочке за праздничным сервизом с яркими золотыми розами и хрустальной вазочкой.

Лида лежала в кровати с закрытыми глазами, чутко прислушиваясь к дыханию мамы и бабушки, ждала, когда они покрепче уснут, чтобы начать ритуал. Когда бабушка стала негромко похрапывать, Лида сунула руку под подушку, аккуратно вытащила своего подопечного, взяла чашку с мёртвой кипячёной водой и, осторожно ступая босыми ногами, подошла к окну.

Положив рака на подоконник, ещё раз внимательно осмотрела его, опустила пальцы в чашку, а потом быстро вытащила и три раза брызнула на него водой. В этот миг из-за летящих тёмных облаков показался лунный диск. Холодный и чистый свет упал на подоконник — «и раны засияли вмиг» — на красном панцире, как будто стали показываться зеленовато-бурые тени. Лиде было и жутко, и радостно, всё шло как надо.

Решив, что окончательно оживлять и брызгать живой водой нужно при солнечном свете, она отправилась в постель, предусмотрительно положив рака под голову и накрыв подушкой.

Как только рассветно-алое золото разлилось в бледном утреннем небе, Лида бодро вскочила, достала из серванта чашку с живой водой, и, подражая вещему старцу, торжественно произнесла: «Водою мёртвой и живою кроплю тебя, чтоб полный сил ты ожил…» и запнулась. Говорить раку про княжну и вражью силу было странно, менять магическое заклинание боязно, поэтому, поколебавшись, вдохновенно закончила: «И цел и невредим вернулся бы домой!»

В комнату зашла улыбающаяся бабушка.

— Ранняя моя пташечка, я думала будить, а она уже щебечет!

С трепещущим сердцем Лида сунула мокрого рака в привычный тайник.

— С добрым утром, бабушка! Будить не надо, я собираюсь.

Проводив внучку в школу, бабушка решила сварить к обеду красный борщ с молодой капустой, который был любим всеми в их семье. Кинулась в холодильник, а свеклы нет, а какой же борщ без неё? Пришлось идти в магазин. Пока все порезала, да обжарила, да проследила, пока сварится, времени как не бывало. Солнце перевалило за полдень. Натоптавшись на кухне и настоявшись у плиты, она устала. Решив передохнуть, бабушка зашла в комнату и присела на диван.

И тут же почувствовала странный и неприятный запах. Она не могла понять, откуда он шёл. У них и раньше, бывало, частенько приносило вонь: то с мясокомбината, то с завода лимонной кислоты, то с очистных сооружений или силосных ям, которые находились за городом. Поэтому она поспешно подошла к окну и закрыла форточку. Но зловоние не проходило, а даже усиливалось.

Бабушка переполошилась не на шутку, в панике она подхватилась и прошлась по комнате, напряженно вытянув шею и втягивая носом воздух. Возле Лидиной кровати она в ужасе остановилась. Откинула одеяло, а следом и подушку…

— Да что же это за ребёнок такой!!! — во весь голос вскричала она, схватив протухшего рака, от которого шел тяжёлый и отвратительный запах разложения. Завернув его в газету, бабушка не стала даже выбрасывать его в мусорное ведро, иначе он завонял бы всю квартиру. Открыв везде окна, она вышла во двор и отнесла рака на помойку.

Когда вернулась, с облегчением отметила, что уже почти всё выветрилось, нужно только поменять Лидину постель. С простынями, пододеяльниками и наволочками бабушка промаялась ещё полчаса. «Отдохнула, называется! А сейчас придёт из школы, и вторая смена начнётся! Ладно, пусть поест, а после поговорим», - сокрушённо качая головой, успокаивала сама себя.

— Бабулечка, я сегодня две пятёрки получила, — раздался звонкий голосок из прихожей.

— Молодец. Мой ручки и будем обедать.

— А что у нас есть? — Лида подняла крышку и заглянула в кастрюлю. — Ура! Я так люблю твои борщики! Сейчас, бабушка, я на минуточку…

Лида держала в руках подушку, смотрела на чистую простыню и чуть не плакала. Она перетряхнула пододеяльник, заглянула под кровать, обследовала все углы. Рак исчез. Медленно и понуро Лида вернулась на кухню, села на табуретку и потухшим голосом спросила:

— Ба, ты не знаешь, куда делся рак?

Бабушка, внимательно глядя на внучку и поражаясь этой перемене, даже не решилась ругаться. Вместо этого буркнула:

— Делать мне нечего, как за твоим раком смотреть.

Лида с надеждой заглянула ей в глаза.

— Ты, правда, не брала?

— Да говорю ж тебе, когда мне за ним следить, я не присела ни минуты!

Лидино лицо просветлело, и она робко предположила:

— Может он уполз?

Бабушка от неожиданности чуть поварёшку не выронила. Вроде бы уже большенькая, что им там в школе говорят? Она в восемь лет верила только в Бога, а этой всё сказки. Хотя, пусть подольше в этом счастливом незнании побудет, сколько жизнь позволит. И уклончиво предположила:

— Ну, не знаю, может, и уполз, вон, сколько у нас дырочек в полу…

— А куда?

Дивясь на внучку и чувствуя, как в груди защемило от нежности, стараясь не выдать своих чувств, бабушка ровным и спокойным голосом предположила:

— Может, сидит у соседей, — и спохватившись, предвидя перенос поисков и туда, продолжила, — а, может быть, выбрался на волю, дополз до прудика и живёт в своей норке.

С аппетитом пообедав, Лида сразу села за домашние задания. К приходу с работы мамы всё было сделано и выучено назубок. Старательно сложив в ранец учебники и тетрадки на завтра, Лида взяла с полки с книжку и, удобно усевшись в кругу мягкого приглушённого света от стоявшего в углу торшера, принялась читать.

Подождав, пока все освободятся от вечерних дел и забот, довольная и счастливая предложила:

— Бабушка! Мама! Давайте не будем сегодня телек включать! Я вам Пушкина вслух почитаю! Слушайте.

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ОЛЕГ РОМЕНКО

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

На пустыре западной окраины Белгорода напротив овощной оптовки растянулся длинный, как пригородная электричка, одноэтажный барак. Это ветхое строение цвета выцветшей извёстки с оконными рамами, покрытыми синей облупившейся краской, и мутными, словно бычий пузырь, стёклами, с трёх сторон окружали летом некошеные заросли бурьяна, а зимой нетронутые лопатой сугробы.

Барак арендовали две организации — типография «Фрегат» и похоронное бюро «Набат». Как у одних, так и у других отбоя от клиентов не было. Часто можно было видеть, как в южные ворота барака завозилась доска и вывозились гробы, а у северных ворот разгружались фуры с паллетами картона и загружались упаковочной коробкой.

Целыми днями в «Набате» гробовщики звонко стучали молотками, сшивая гвоздями не струганную сырую щелёвку. А полиграфисты отчаянно бились со старыми импортными станками, издававшими звуки, похожие на пыхтение первых колёсных пароходов, работавших на угле.

За чахлым забором из сетки рабицы, отделявшим барак от пустыря узкой полоской, чтобы могла проехать машина, орудовала стая лютых и насквозь коррумпированных дворняг, от которых работники двух фирм откупались куриными косточками и свиными хрящиками. Но мы не будем больше раздваивать внимание читателя на обе половины этого «сераля» и сфокусируемся на тяжёлой и неказистой жизни полиграфистов из типографии «Фрегат».

В тот день размотчику Роме Меженину, водителю Диме Лаптеву и подсобнику Сане Рожкову пришлось задержаться с обедом на полтора часа, потому что аккурат в их перерыв прибыла машина с грузом. Лаптев с Рожковым подтягивали гидравлической тележкой к краю фуры паллеты с картоном, а Меженин цеплял поддоны погрузчиком и завозил на склад, ловко маневрируя между узкими проходами, что требовало немалого искусства от бывшего сотрудника милиции, не прошедшего аттестацию и так и не ставшего полицейским.

— Хух, пацаны! — выдохнул Меженин, закрывая на тяжёлый засов большие складские ворота, как их закрывали в древнерусских городищах

от незваных половцев и печенегов. — Будь проклят тот день, когда я устроился в эту организацию! Теперь целый час пусть даже и не подходят! У меня законный выходной!

— Перерыв, Ром, — мягким голосом поправил смешливый Рожков.

— А ты не умничай тут, без году неделя!

Они гуськом прошли, как по лабиринту, извилистыми коридорами между паллетами и выбрались в тускло освещённое заготовительное отделение, в котором находилась размотка, две резательных гильотины и два тигеля.

В помещении было зябко, а работники ещё и порядком вымокли при разгрузке. Больше всего досталось бывшему милиционеру, который под крупными хлопьями мокрого снега управлялся с паллетами на погрузчике между фурой и складом.

Рома включил на всю мощь тепловую пушку и у всех троих в глазах защипало от поднявшейся столбом бумажной пыли. За соседней дверью вовсю посвистывали и полязгивали печатные станки и голосисто перекликались упаковщицы.

— Ром, опусти! — промычал, как телёнок, Рожков.

— Саня, отстань! Я натурал!

— Ром, ну опусти стол! — дурашливо улыбнулся подсобник.

— Так и говори: опусти стол! — чёрные и злые глаза размотчика жалили, как шершни.

Меженин раздражённо подошёл к своему станку, было слышно, как в его ботинках хлюпала вода, и резко надавил ладонью на выпуклую кнопку сбоку. Стол, предназначенный для приёма размотанной из ролика на листы бумаги, быстро поехал вниз, будто лифт.

Рожков с Лаптевым поставили свои тормозки в пакетах на стол и стали снимать рабочие куртки. Змейки у них давно сломались и застёгивались эти спецовки только на заклёпки.

— Да не на вешалку, на батарею их вешайте, опёздалы! — рассердился Рома.

Саня с Димой были одногодки, обоим по двадцать. Оба среднего роста, худощавые и, что называется, настоящие русаки — серые глаза, пшеничные волосы, невыдающиеся носы на продолговатых лицах. Словом, двое из ларца, или, как сказали анекдотичные японцы, встретившие в лифте двух грузинов: «Эти русские все на одно лицо». Только Рожков отслужил в армии и у него была девушка, а Лаптев в армии не служил и девушки у него не было, за что Меженин в шутку называл за глаза последнего «импотент с плоскостопием».

Рома сел на табуретку и его живот, размером с баскетбольный мяч, сначала слегка подпрыгнул, а потом уютно разместился на коленях. У

Меженина было круглое и смугловатое лицо. В знак солидарности с директором типографии тридцатилетний Рома принял «постриг» и всегда ходил, сверкая лысиной. Только у Корнейчука волосы выпали, а Рома свои брил. Но директор всё равно недолюбливал размотчика и называл его «шлангом».

Пока Саня с Димой выкладывали на стол свою еду, Меженин скинул ботинки, снял носки и выжал из них обеими руками чёрную жижу на пол.

— Охренеть! — глаза у Ромы полезли на лоб. — Чем же они их красят, сволочи?! Наверное, гудроном. Пойти, что ли, в снегу их простирнуть?

— Давай лучше пообедаем, Ром, — предложил Рожков, выложив на общий стол котлеты и сырники.

— А хрен с ними! — Меженин тщательно вытер ладони об штаны спецовки, встал, налил из баклажки воду в миску, закинул туда сосиски и поставил вариться на электроплитку.

Резкий порыв ветра распахнул форточку и сотрапезников снова, как при разгрузке, осыпало хлопьями мокрого снега.

— Ай, падла! — снежинки попали Роме за шиворот.

Он вжал голову в плечи, быстро вскочил на табуретку и закрыл на крючок стеклянную дверцу.

— У нас, у Майском... — по-гусиному прогоготал Лаптев.

— Ой, Димон, знаю я, как у вас, у Майском, — Меженин обхватил щёки ладонями, сделал страшные глаза и затараторил, — Гуси гогочут, а дождь лупя-я-я!.. Что у тебя, опять гусиные лапки?

— Ага, — Дима развернул фольгу и обнажил жареную гусиную ножку, натёртую чёрным перцем.

— Га-га! — передразнил Меженин. — И, конечно же, опять мамкин компотик. Когда ты женишься, Димон?

— Ром, чего ты пристал к человеку, — вступился за сверстника Рожков. — Может он не хочет жениться.

— Хочет! — отрезал размотчик и ехидно усмехнулся. — Я вижу, как он на тигельщицу нашу, Аллу Викторовну, поглядывает. Да, Димон?! Она сейчас как раз с мужем разводится, а тут ты такой нарисовался — молодой и красивый. У меня уже сыну пять лет, а ты всё не женишься.

— Ром, а яблочки тебе жена червивые положила, — перевёл стрелки подсобник, видя, как Лаптев, весь красный, будто ему сдавили горло, не может прокашляться.

— Я эти яблочки в своём саду своими руками рвал. Ясно тебе, товарищ женщина! Червивые — зато натуральные. А вы всякую дрянь в «Магнитах» берёте.

Тоненькие сосиски тем временем уже хорошо проварились. Рома взял тряпку, накрыл миску крышкой от чайника, слил воду на пол и поставил своё блюдо на стол:

— Берите пацаны сосиски горячие, будут письки стоячие!

Рожков попытался снять целлофановую обёртку, но сосиски были ещё слишком горячими и подушечки пальцев самовольно отскакивали от них.

— Саня, — скривился Меженин. — Тебе показать, как это делается? Ты презервативами никогда не пользовался?

— Ром, они мне не нужны, — расслабленно улыбнулся подсобник. — У меня невеста есть.

— У тебя два закидона, Саня: девушка и сборная Испании по футболу.

— Испания — чемпион! — сработал органчик в голове Рожкова.

За эту кричалку его в типографии прозвали Чемпионом. Сразу после армии Саня плотно занялся просмотром матчей чемпионата Испании, рассчитывая таким непыльным образом зарабатывать на ставках в букмекерских конторах. Но дело не выгорело, выигрыши чередовались с проигрышами, и только каким-то чудом Рожкову удавалось выходить в ноль. А тут ещё с девушкой познакомился, с которой решил создать семью. И пошёл Чемпион по объявлению в типографию делать карьеру с самой низшей ступеньки.

— Димон, ты косточки в газету заверни для собак, а то потом опять будем штаны сушить дома, — распорядился Рома, накалывая вилкой огромный, как беляш, золотистый сырник. — Ну и сырник у тебя, Саня, никогда таких не видел.

— Девушка нажарила, Ром, — снова улыбнулся Чемпион и склонил голову набок, на шее возле ключицы темнел засос.

— Был у нас тут один «сырник».

— Что за «сырник», Ром?

— Да печатник. Сергей Николаевич. Мы его сокращённо «сырником» называли. Он к нам пришёл после развода. Мы спросили: «Ну и как теперь тебе живётся?» Он отвечает: «Нормально. Зрение прорезалось. Деньги видеть стал». Прикольный такой мужичок.

— И где теперь этот «сырник», Ром?

— Спёкся! — проглотив сырник, как голодная собака, Рома вытер ладонью жирные губы. — У тебя девушка не хохлушка, Сань? Дай-ка, Димон, твоего мамкиного компотика глотнуть... Здесь такая текучка, пацаны, вы не представляете. Я тут второй год работаю, можно сказать уже старожил, а вы всего ничего.

Они закончили свой обед. Лаптев завернул гусиные кости в газету, Меженин, сжав двумя пальцами кончик носа, как прищепкой, смачно

высморкался в угол, а Рожков сытно икнул и достал из кармана новый смартфон, недавно подаренный ему родителями на день рождения.

— Жулики и воры, пять минут на сборы! Жулики и воры, пять минут на сборы! — ворвались из смартфона в их мрачное обиталище весёлые и ломающиеся голоса каких-то расшалившихся после школы подростков.

— Что это за хрень, Саня? — выпучил глаза Рома.

— Это сайт «Эхо Москвы», Ром, — объяснил Чемпион. — Блогер ведёт трансляцию с митинга в Москве.

— Я скоро чесаться начну от твоих блохеров! А что им нужно?

Вместо Чемпиона патлатый блогер, похожий на братьев Самойловых из рок-группы «Агаты Кристи», сам растолковал размотчику Роме, из-за чего весь сыр-бор. Оказывается, мы проср... думские выборы и теперь все порядочные люди должны объединиться, чтобы не допустить надругательства над волеизъявлением граждан на выборах президентских. Иначе, если жулики и воры захватят всю полноту власти, то можно тушить свет и валить из страны, потому что при таком раскладе здесь ничего хорошего больше быть не может даже в теории. Протестное движение называлось «За честные выборы».

— Это что, получается они типа хохлов, что на Майдане скакали? — мучительно напряг извилины Меженин. — Вот они дебилы! Они думают, что мы из-за их выборов жить лучше станем?

— Я не знаю, Ром. Мутно всё это.

— А нам надо конкретно! Вот если бы они потребовали всем заплату поднять в два раза, я бы их поддержал.

— Ты вышел бы на митинг, Ром?

— Вышел бы!

— Против своих?

— Каких своих?

— Ну ты же в милиции работал...

— Дурак ты, Саня! За свои права надо бороться! А ты что, не вышел бы?

— Ну, я не знаю, — опустил глаза Чемпион.

— Всё с тобой ясно! Ты только в цеху можешь орать: «Испания чемпион!», и то, потому что знаешь, что твоя Испания нахрен никому не нужна.

— А как бороться, Ром? Вот Корнейчук сказал всем выйти в воскресенье, и все засунули языки поглубже и вышли, ни один не залупился.

— Могли бы хоть двойную оплату потребовать, выходной всё-таки, — подал голос немногословный Лаптев. — И так работаем за пятнаху, ничего на неё не купишь.

— Ты хоть не крякай, — досадливо поморщился Меженин. — Вы просто не знаете, что тут раньше было, пацаны!

— А что было, Ром?

— Да полный беспредел, Саня! Я когда устроился сюда, неделю работаем, вторую, месяц... Я не выдержал, говорю: «Постойте, мужики, а когда у вас тут выходной?» А они вытаращились на меня, как бараны: «А что такое выходной?» А я юридический институт закончил, я им эту тему расчухал, пошли мы к Корнейчуку...

— Да ну, Ром, ты гонишь, — недоверчиво посмотрел Чемпион на бывшего дяденьку милиционера.

— Гонит твоя бабка самогон! — разозлился размотчик, сунул два пальца в рот и раздвинул ими пошире щёки изнутри — Видишь, все зубы целы! Потому что я за базар всегда отвечаю!

— Нет, Ром, — нахмурился Чемпион, что происходило с ним крайне редко, — я считаю, что нужно пожёстче с ними бороться и не работать в выходные.

— Пожёстче? — сузил глаза размотчик. — А помнишь, Димон, у нас тут работал универсальный солдат Серёга Пыхов?

— Ага.

И Меженин рассказал Чемпиону такую историю...

...За месяц до описанного нами разговора на собеседование в типографию «Фрегат» пришёл коренастый мужик средних лет, похожий на дореволюционного мастерового с какого-нибудь путиловского завода. Штаны у него были заправлены в сапоги, поверх клетчатой рубахи, как болотная ряска, зеленела жилетка, на голове серый картуз, под кустистыми белёсыми бровями антрацитовые глаза, горевшие, однако, каким-то холодным огнём.

Директор типографии Дмитрий Корнейчук принял соискателя в своём маленьком офисе, разделённом гипсокартонной перегородкой на две части. За стенкой шебуршились, как мыши, бухгалтер, менеджер и дизайнер. Кабинет был настолько крохотным, кто когда Корнейчук решил устроиться в кресле поудобнее и вытянул под столом ноги, Пыхову, сидевшему на стуле напротив директора, пришлось раздвинуть свои.

Капризно и брезгливо выпятив нижнюю губу, словно избалованный ребёнок, которому суют в рот очередную ложку манной каши, директор придирчиво оглядывал мастерового человека. Текучку кадров во «Фрегате» можно было сравнить с весенним половодьем, что сделало Корнейчука крайне недоверчивым и почти мизантропом.

— Не местный? — подозрительно зыркнул директор на Пыхова.

— Из Тулы, — кашлянул тот в кулак.

— Туляков уважаем. «Левшу» читали, — Корнейчук пристально уставился на мастерового и пошевелил тремя пальцами, как обычно пересчитывают деньги или перелистывают страницы. — Хотелось бы увидеть какое-нибудь документальное подтверждение твоей личности.

Бордовый аусвайс с тиснёным двуглавым золотым орлом оказался в руках директора, который быстро пролистал странички и что-то записал себе в блокнот.

— Ну что, Пыхов, давай пыхнём, — мрачно улыбнулся директор и приглашающе раскрыл пачку «Парламента». — Разговор у нас будет длинным.

Но даже от улыбки Корнейчука веяло чем-то зловещим. Может быть потому, что обликом своим директор походил на основателя ЧВК «Вагнер», только уши у него были не оттопырены, а плотно прижаты к голове.

Пыхов жил в Туле с родителями и работал в типографии «Прогресс», где была точно такая же текучка. Именно из-за неё за пять лет Серёга успел познакомиться со всеми полиграфическими станками у себя на работе. Корнейчук подробно и заинтересованно расспросил Пыхова о всех его навыках и умениях, а потом, откинувшись в кресле и зажмурив глаза, как сытый кот, равнодушно подытожил:

— Ну, нам тут универсальные солдаты не нужны. Нам нужен печатник.

Мастеровой человек охотно согласился исполнять обязанности печатника.

— Ну а к нам как попал? — уже по-свойски спросил директор.

— Из-за жены. Не захотела ко мне ехать, пришлось мне к ней.

— Нравятся наши бабы? — рассмеялся Корнейчук, что у него вышло тоже зловеще. — Ну, ладно, завтра выходи на работу, а у нас тут сейчас планёрка будет.

Утром нового печатника встретил высокий и тощий нетрезвый старик. Под правым глазом у него красовался здоровенный синяк, переливавшийся на свету всеми цветами радуги, на переносице грязный пластырь, левая щека стёрта до крови, словно её шлифмашинкой шкурили, голова ото лба и выше туго обмотана бинтом, из-под которого только на самой макушке выглядывали волосы, как перья у проросшей луковицы.

Это был мастер цеха Игорь Иванович Клочко. Работники называли его «дедом». Однако, когда самая буйная переплётчица, польстившаяся на «ефрейторскую» должность Клочко, подженилась к нему и заглянула в его паспорт, то оказалось, что «деду» всего сорок четыре года.

— Ты новый печатник? — глаза мастера насмешливо блестели, словно это не он, а Пыхов попал в трудную жизненную ситуацию.

— Я, — спокойно ответил Серёга, повидавший всякое в своей типографии. — А ты кто?

— Мастер. Игорь Иванович.

— Серьёзно? А что с лицом?

— Бандитская пуля, — пьяно пошатнулся «дед». — Вот формы. Начинай печатать «Русские гвозди». Вечером за ними бандюки приедут. Не успеем, сам понимаешь, что с нами сделают.

На самом деле «деда» отоварили не бандюки, а муж тигельщицы, с которым они выпивали у того на хате. В какой-то момент безработный муж-пьянчуга поймал «белочку», и с криком: «Почему у моей жены такая маленькая зарплата?!», кинулся на мастера с газовым ключом. Потрясённая тигельщица вызвала «скорую». Всё было, как в песне про Щорса — «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве». Утром непутёвый мастер, попавший в обработку к медикам, пришёл в таком непотребном виде, что хоть плачь, хоть смейся, хоть стой, хоть падай. Больше Клочко «дедом» никто не называл. У него появилось новое прозвище — Чиполлино.

Пыхов прицепил печатную форму к цилиндру «Ромайора», залил краски в корыто, загрузил хромэрзац на стол-подъёмник, включил натиск, сел на табурет, широко расставив ноги и уперевшись ладонями в колени, и стал наблюдать как отпечатанные листы укладываются в стопу на выходе из станка.

А Клочко тем временем, будто лиса в курятник, повадился бегать на склад, где между паллетами у него был тайник. Там он прикладывался, по глотку, к бутылке, закусывал конфетой с зелёным крестом, чтобы отбить запах, и молодцевато выскакивал со склада, блестя глазами, как бравый солдат Швейк.

Эта идиллия продолжалась два часа, пока на работу не подъехал на новом «Пассате» заместитель директора Евгений Фисенко, которого работники прозвали Фикусом. Корнейчук любил со своими помощниками засиживаться допоздна, поэтому начальство обычно подтягивалось на работу ближе к обеду, чтобы снова устраивать планёрки с кофейком до глубокого вечера.

Фикус был ровесником Клочко, только выглядел сообразно своему возрасту. Он был рыжий и косой, что ещё со времён Петра Первого считалось серьёзным изъяном, ибо Бог шельму метит. Таким людям не дозволялось продвигаться по государевой службе и свидетельствовать в судах, потому что не вызывали они доверия своим сомнительным обликом.

Однако Фесенко посчастливилось расти вместе с Корнейчуком на Болховце — окраине города в частном секторе. Вместе они собирали козьи

«орехи» для удобрения огородов, вместе учились в одном классе, и когда Корнейчук открыл фирму и ему понадобился помощник, то он вспомнил о своём друге детства.

Евгений же оказался форменной свиньёй. Корнейчук был подвержен паническим атакам и убеждён, что мир захлестнул хаос, который можно обуздать только разумным планированием. Поэтому директор до позднего вечера со стаканчиком кофе и своими верными помощниками тщательно раскладывал по полочкам, кто за что отвечает, и кто чем должен завтра заниматься.

Помощники — главный инженер Евгений Фисенко, менеджер Лена Ордынская и мастер Игорь Иванович Клочко — отчаянно кивали головами и во всём соглашались со своим шефом. Успокоенный и ободрённый заверениями свиты, что завтра рабочий процесс будет идти по строго намеченному плану, Корнейчук отъезжал домой на чёрном, как совесть коммерсанта, «Лэнд Крузере».

Когда на следующий день директор к полудню приезжал на работу, то наблюдал, что в цеху ещё конь не валялся, работники занимались не пойми чем, а вчерашние соратники перекладывали вину за бардак друг на друга. Глаза Корнейчука ширились от мистического ужаса и готовы были выскочить из орбит. В гневе директор разбрызгивал слюни на все четыре стороны, а сотрудники щемились от него, как колорадские жуки от опрыскивателя.

А всё оттого, что одноклассник Корнейчука обычно приезжал на работу на час раньше своего шефа и вносил в ранее утверждённый план такие коррективы, после которых у всех создавалось ощущение, будто стихия гонит «Фрегат» по волнам без руля и без ветрил. И нельзя сказать, что Фисенко намеренно хотел огорчить директора своим своеволием, или, что его, на свежую голову, неожиданно посещал более блестящий план, чем выработанный накануне коллективным разумом. Просто Евгению тоже хотелось порулить «Фрегатом», пока его законный владелец ещё не заступил на капитанский мостик.

— Барчук идёт, — тихо предупредил мастер нового печатника.

Фикус шёл им навстречу, вальяжно покачивая бёдрами, в голубых джинсах и красной рубахе на выпуск с тремя расстёгнутыми верхними пуговицами. На шее у него блестела золотая цепочка, на среднем пальце левой руки горела золотая печатка, а под верхней губой сверкал большой золотой зуб-резец.

— Игорь Иванович, я забираю твоего бойца, — Фикус обдал их обоих запахом ментоловой жвачки с нотками армянского коньяка.

— Так ведь у нас план...

— Я всё переиграл, — небрежно бросил главный инженер.

— Директор будет недоволен, — с сомнением покачал забинтованной головой Чиполлино.

— У нас резчик заболел.

— Знаем мы эту болезнь, — хмыкнул Клочко, — алкоголизм называется.

— Игорь Иванович, — холодно осадил Фикус мастера, — без комментариев.

Пыхов вопросительно посмотрел на Клочко, и тот ответил ему иудиной улыбкой:

— Ну, что стоишь? Смывай машину, гумируй пластину, иди вон с ним.

— Игорь Иванович сам это сделает, пойдём я тебе объясню задачу, — и Фикус повёл Пыхова в соседнее отделение барака, где находилась размотка, гильотина и два тигеля.

Возле резалки стояло два поддона, на каждом по две стопы картона второго формата высотой с человеческий рост, на листе по сорок этикеток с двойными резами.

— Нам «Котофея» сегодня порезать надо позарез. В ночь его повезёт наш водитель на Москву.

— Да это не реально...

— Тебе упаковщица будет помогать.

— Да тут одной порезки на три дня...

Фикус припёр Пыхова к столу гильотины пивным животом, покрутил пуговицу его жилетки, свёл глаза в кучу, а потом тихо и проникновенно сказал:

— Если ты сделаешь то, о чём я тебя прошу, я стану самым счастливым человеком на свете...

Через десять минут пришла весёлая и круглобокая бабушка с обёрточной бумагой и скотчем. Она разложила свои орудия труда на упаковочном столе и бойко, как на кассе в «Макдональдсе», крикнула Пыхову:

— Что паковать?

— Я не порежу всё это сегодня.

— А мне плевать. Я до полшестого и гори он огнём этот концлагерь...

Пыхов пыхтел, согнувшись над столом гильотины, разворачивая, подбивая и подрезая со всех сторон высокие стопки этикетки. От кропотливого и безостановочного труда у него на лбу выступила испарина. Сначала захотелось пить, а потом и в туалет, но Серёга решил дотерпеть до обеда, чтобы сделать больше работы.

За пятнадцать минут до перерыва к Пыхову подошла молодая высокая женщина с ногами длинными, как у цапли, и таким же длинным

носом. За нос ей в типографии дали прозвище Буратино. Это была менеджер-продажник Лена Ордынская.

Когда текучка кадров вымыла из офиса «Фрегата» всех менеджеров с высшим образованием и о типографии расползлась дурная слава по городу, к Корнейчуку потянулись менеджеры из ПТУ. Ордынская среди них оказалась настоящим самородком. Лена была вовсе не глупа, но ей было не до учёбы, потому что росла она в неблагополучной семье.

Если друг детства директора Фикус постоянно создавал на работе авралы и неразбериху, то пришедшая с улицы Лена Ордынская, наоборот, разруливала даже самые безнадёжные ситуации с заказчиками. Корнейчук то и дело слышал за перегородкой её коронную фразу, всегда произносимую манерным и чуть картавящим голоском: «У нас форс-мажор, дайте нам ещё пару дней, я вас умоляю!»

В общем, Ордынская и Фисенко дополняли друг друга, как Инь и Янь. Да и цель у них была одна — добиться расположения Корнейчука. Только шли они к ней с противоположных сторон. Лена стремилась достичь задуманного обязательностью и предсказуемостью в работе, а Фикус, напротив, умышленно создавал хаос, чтобы Корнейчук боялся срыва заказов и крепче держался за своего однокашника.

Понаблюдав за их потугами, Корнейчук решил отправить Лену заочно учиться в московский полиграфический институт за счёт фирмы. А главному инженеру Фисенко, посчитал директор, достаточно будет образования, полученного тем в индустриальном техникуме.

— Ты Сергей? — спросила Ордынская Пыхова.

— Я.

— Пойдём со мной. Нужно, кровь из носу, фуру с картоном разгрузить.

— А этикетку резать? Её сегодня на Москву отправляют.

Если бы в Лене Ордынской была хоть крупица женского чувства, она бы припёрла Пыхова грудью к станку, жеманно покрутила пуговицу его жилетки и, влюблённо глядя в глаза, проворковала бы: «Если ты разгрузишь эту фуру, я стану самой счастливой женщиной на свете...»

Но Лена оказалась из тетчеровской породы — железная леди со стальными мужскими причиндалами. Поэтому она, прижав руки к туловищу и растопырив пальцы, грозно прокаркала:

— Сейчас для типографии задача номер один — разгрузка фуры! Все остальные задания должны быть выполнены своевременно в порядке очерёдности!

— Что за кипиш? — подошёл к ним главный инженер вместе с Чиполлино. — Пойдём, Серёг, фура приехала, надо разгрузить.

Пыхов ощутил мощный прилив желания послать всех начальников подальше, но потом подумал, что увольняться в первый же день как-то глупо.

На выходе из склада их ожидали размотчик Рома Меженин и водитель Дима Лаптев, который должен был, по замыслу Фисенко, везти ночью в Москву ещё не порезанную этикетку.

— Пацаны, это Серёга, он будет вам помогать. Серёга, это Рома и Димон, — быстро познакомил их друг с другом Фикус.

— Ну пошли, — недоверчиво глянул Рома на Пыхова и они направились к фуре. — Ты женат?

— Женат.

— А дети есть?

— Нет.

— А где твоя жена работает?

— В Управлении.

— В троллейбусном?

— В культуре.

— Опачки! — присвистнул Рома, обращаясь к Лаптеву. — Ты понял, Димон, как наша типография поднялась! Культура к нам потянулась!

— Рома, хорош свистеть! — цыкнул Фикус. — Разгружайте!

Дальше Клочко, Ордынская и Фисенко наблюдали как Меженин, Лаптев и Пыхов выгружали из фуры паллеты с картоном. Все так увлеклись каждый своим делом, что не заметили, как к ним подскочил Корнейчук. Засунув руки в карманы брюк и поёживаясь от покусывающего ноябрьского морозца, директор лихо отбивал чечётку, как страждущий человек перед запертым туалетом.

— Всех приветствую! — Корнейчук неожиданно замер, вытащил руки из карманов, а потом, как бесноватый фюрер резко поднял кулаки вверх и молниеносно опустил вниз. — Я не понял?! Почему он грузит?! Мы взяли его, чтобы он нам печатал, а не грузил! Евгений, что происходит?!

— Людей не хватает, — буркнул Фикус и помрачнел оттого, что он больше не рулевой.

— Людей не хватает?! — директор выпучил глаза, словно краб. — Евгений! А ты? А Игорь Иванович? Вы кто? Не люди? Или ты мне предлагаешь стать человеком? Отвечай, сволочь, когда я с тобой говорю!

У Евгения на этот случай была своя отработанная метода. Зная о том, что директор впадает в неистовство, когда подчинённые его игнорят, Фикус приучил себя встречать все нападки начальника непробиваемым молчанием. Опыт показывал, что чем сильнее взбесится Корнейчук, тем скорее он успокоится, а потом ещё даже извинится за то, что погорячился.

— Ты почему молчишь, дрянь?! На принцип пошёл?! Да?! На принцип?! — директор метнулся от главного инженера к менеджеру и заорал, как потеряшка в лесу. — Ле! На! Ты! Меня! Слышишь?!

— Слышу, — сморгнув от распылённой Корнейчуком мокроты, деревянным голосом ответила Ордынская.

— Вот видишь! — директор снова набросился на Фикуса. — Лена! Меня! Слышит! А почему ты! Меня! Не слышишь?!

Метод главного инженера Фисенко начал действовать. Корнейчук внезапно затих и обернулся к фуре. Меженин и Лаптев прятались за погрузчиком возле забора, а Пыхов, подойдя вплотную к начальникам, округлившимися глазами метал немые вопросы к Корнейчуку, Фисенко, Лене Ордынской, Игорю Ивановичу: «Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?»

Директор пересёкся полубезумным взглядом с печатником, сгрёб остатки стремительно покидающего его бешенства, и прорычал:

— А ты чего вылупился?! Иди печатай!

Лицо Пыхова исказила досада. Он снял картуз, в сердцах бросил его оземь и ожесточённо рубанул:

— Пошли вы все нахер...

...Рома Меженин закончил рассказ.

— И ушёл? — спросил восхищённый подсобник.

— И ушёл, — подтвердил размотчик. — Корнейчук звонил ему потом: тыры-пыры, Серёж, зла не держи, ты работал у нас, хоть и полдня, я тебе кое-что должен, приди за деньгами, а то не по-христиански как-то... А он ему и по телефону сказал: «Пошли вы все нахер!»

— Вот это мужик! — воскликнул Чемпион. — Я тоже хочу стать таким, как он!

— Да мы тоже кое-что можем, — приревновал Рома к Пыхову и навёл, как дуло пистолета, свой толстый палец на размоточный станок. — Вот если я из этой «дуры» один болт вытащу, вся типография на колени станет. Это называется «итальянская забастовка», Са...

Размотчик разом осёкся, не закончив фразу. На Меженина внимательно смотрели проницательные глаза Лены Ордынской, неожиданно возникшей перед ним, словно гриб из-под земли.

— Рома, ещё одна фура приехала.

— Лен, да вы заколебали! — дал волю нервам Рома. — Мы с пацанами в свой перерыв разгружали!

— Рома, я вас тут поубиваю всех с пацанами! — подскочил к ним Корнейчук, так же отбивая ногами чечётку и держа руки в карманах, а за ним, не отставая, как хвост, Фикус и Чиполлино. — Что за кипиш, Лен?

— Фуру надо разгрузить.

— Рома! — директор завыл страшным голосом, каким взрослые пугают маленьких детей. — Тебе твой менеджер поставил задачу — разгрузить фуру! Что неясно?!

— Дмитрий Владимирович! Мы устали! Мы в обед работали!

— Рома! Ты что тут митинг устроил!

— Почему сразу митинг?

— Рома! Ты же бывший мент! Ты мне что обещал? Что порядок в цеху будет! Был у нас такой разговор?

Рома вскочил со стула, зло сдёрнул с батареи свою, ещё не высохшую, куртку, и сердито прикрикнул на Чемпиона:

— А ты чего вылупился? Особое приглашение нужно?

— Эх, — крякнул водитель Лаптев и медленно, словно раздумывая, поднялся.

Последним встал Чемпион, и все трое направились на выход, прихватив по пути гидравлическую тележку, которая загрохотала в глубине склада, как отошедший от перрона поезд. Потом Рома, матюкаясь и проклиная нелёгкую жизнь полиграфиста, снял тяжёлый засов с ворот и на всю типографию раздался истошный вопль подсобника Рожкова:

— Испания — чемпион!!!

АЛЕКСАНДР ТУХТАРОВ

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

В книгохранилище городской библиотеки, мирно поедая переплёты старых книг, обитал Афанасий. Библиотекари называли его книжным червём — грозой литературы. Однако всё обстояло не совсем так. Афанасий любил не только поедать переплёты, но и почитывать литературные произведения в перерывах между обедами. Да и червём он на самом деле не был, являясь уважаемым, как минимум самим собой, жуком-кожеедом.

Рацион Афанасия отличался разнообразием. Больше всего он гордился поеданием и, конечно же, прочтением большой Оксфордской энциклопедии и старенького учебника по биологии за 7 класс. Но если научные книги Афанасий ел только по санитарным дням, когда читателей не пускали в библиотеку, ведь лишь тогда он осмеливался перелетать из книгохранилища в большой читальный зал, то основным блюдом у кожееда неизменно была русская классика. И вот, доев переплёт и дочитав роман Лермонтова «Герой нашего времени», Афанасий обнаружил много общего между собой и Печориным. Как минимум оба они были не поняты обществом, от жука даже хотели избавиться. Библиотекари грозились провести химическую обработку помещений, если ситуация с порчей книг не изменится.

«Хватит уже сидеть в этой библиотеке. Терпят меня здесь только потому, что не могут найти. Нужно менять свою жизнь, а главным источником кардинальных изменений являются знания… Помнится, в одной книге прочёл я о древе познания добра и зла. Писалось, что люди отведали его плода, кажется… яблока, и, ну… стали такими, как сейчас, значит, если все меня называют червём книжным, то отведав яблока, я окажусь яблочным червём и встану на одну ступень с людьми, тогда уж они воспримут меня как равного!» — так рассудил Афанасий и решил распрощаться с прежней жизнью.

Вечером того же дня, когда библиотекари дружно пили чай в своей столовой, кожеед незаметно пролез под дверью книгохранилища и вылетел в окно навстречу переменам. Оказавшись на крыше библиотеки,

Афанасий осмотрел местность. В округе росли одни берёзы да клёны. Полетав по окрестностям, жук так и не нашёл ни одной яблони.

Афанасий полетел на ближайшую остановку и стал рассматривать прибывающие автобусы. Вскоре он высмотрел «пазик» под номером 46 с табличкой сбоку за стеклом, на которой был указан маршрут: село Репное —село Яблочное. Решив проехать на этом автобусе до Яблочного, Афанасий залетел внутрь, спрятался под водительским сиденьем и по своей неопытности задремал.

Прошло полчаса, автобус успел выехать за город, как вдруг мотор заглох и «пазик» остановился. Афанасий продолжал дремать, водитель выскочил из кабины, а люди стали тревожно перешёптываться. Потом один мужчина с длинным носом и в клетчатой кепке закричал:

— Э! Слышь, чё стоим?!

Водитель вернулся на своё место и, открыв переднюю дверь, громко сказал:

— Автобус сломался. Дальше мы никуда не поедем.

Некоторые пассажиры взроптали:

— Деньги то на проезд потрачены, и что предлагаете нам делать?

Водитель выпроводил людей из салона, дождался вместе с ними другого автобуса, и попросил остановившегося коллегу взять его пассажиров бесплатно.

Афанасий проснулся когда водитель уже вовсю занимался ремонтом. Жук прильнул к лобовому стеклу и понял, что застрял тут на неопределённый срок, да ещё, как на зло, желудок дал о себе знать. К своему большому огорчению ничего съедобного в салоне кожееду найти не удалось, поэтому он выпорхнул в форточку и подлетел к водителю. Тот стоял возле автобуса и курил. На земле валялась скомканная и замасленная газета. Жук спикировал не неё, и прочёл название: «Житьё-бытьё». Афанасий оторвал кусочек и быстро запихал его себе в рот, но тут же выплюнул со словами: «Ну и гадость это ваше житьё-бытьё!» Кожеед, которому голод не давал покоя, стал кружить вокруг водителя, поторапливая его и дергая за волосы, если тот отлынивал от работы. Автобус удалось отремонтировать только к вечеру. Но водитель и Афанасий были безмерно этому рады. Когда они добрались до жилища человека, кожеед, к своему огромному счастью, заметил, что в саду у него растёт большая яблоня. Собрав последние силы в кулак, Афанасий полетел к дереву.

Измождённый жук упал на крупное и спелое яблоко, чтобы наконец перевести дух. Размеренное покачивание плода и пение птиц подействовали на уставшего Афанасия лучше любого снотворного. Но

отдохнуть ему было не суждено, недружелюбный голос резко разбудил Афанасия.

— Э, слышь, ты чего тут забыл, а!?

Афанасий увидел перед собой сердитую и довольно крупную гусеницу.

— А… А кто спрашивает?

— Васян спрашивает, а ну отвечай, кто такой и что здесь забыл?

— Червь яблочный, за яблоками прилетел, — спросонья ляпнул Афанасий.

— Ха-ха, ты!? Да это я червь яблочный.

Васян стал ползать вокруг жука, внимательно его рассматривая.

— Слушай, раз уж ты сюда прилетел, то, может, ты этот… бабушка? — воодушевлённо спросил Васян.

— Какая бабушка? — Афанасий с трудом понимал, что происходит и что этой гусенице от него нужно.

— Которая ну это… летает! Что за вопрос, а!

— Может… вы имели ввиду бабочка? — неуверенно спросил жук.

— А! Да, да, да бабочка, бабочка, — так же воодушевлённо подтвердил Васян. — Ну так что, ты бабочка? — всё никак не унималась гусеница.

— Ну… ну да, — Афанасий решил подыграть Васяну во избежание неприятностей.

— Раз уж меня посетила достопочтенная бабочка, то прошу к столу, ты ведь поесть сюда пришёл? Ну так ешь, разрешаю.

— Да, спасибо.

Афанасий откусил часть яблока, вкус был очень странным, с «Житьём-бытьём», конечно, не сравнится, но ком в горле от него тоже встал. С большим усилием кожеед проглотил кусочек.

— Ну как тебе моё яблоко, вкусное, да? — Васян подполз поближе к жуку, пристально глядя на него.

— Да… Вкусное, — едва не подавившись, проговорил Афанасий, очень уж ему не хотелось злить гусеницу и выдавать себя.

— Кушай, кушай, я угощаю.

Афанасий понял, что так просто ему не отвертеться и продолжал насильно пихать в себя яблоко, пока ему совсем не поплохело.

— Спасибо большое… мне пора, — еле проговорил Афанасий.

— Что, уже! Но ты почти ничего не съел. Ну и бабочки! — разочарованно воскликнула гусеница. — Ну ладно, лети и расскажи о гостеприимном Васяне своим друзьям!

Афанасий после такой трапезы с трудом взлетел и отправился подальше от гадкой яблони и страшного Васяна.

— К чёрту такие приключения, дома было намного лучше! — решил Афанасий, отлетев на приличное расстояние.

Вернулся кожеед в библиотеку на следующий день, голодный как Робин Бобин Барабек. На пути к своему родному книгохранилищу Афанасий увидел библиотекарей, пьющих чай с яблочным пирогом. Жук аж ошалел от такого зрелища. «Ой люди… Как вы можете есть эту гадость! — подумал Афанасий. — Да на вас!.. Да на вас Васяна нет!»

Жук-кожеед, познавший и добро со злом, и житьё-бытьё, наконец вернулся домой. Первым делом он направился к живительным книгам, размышляя, что после такого стресса нужно поесть чего-нибудь весёлого. Забравшись на любимую полку с русской классикой, Афанасий увидел маленькую книжку с забавным названием «Муму», навевающим мысли про корову. Решив, что это будет приятная трапеза, жук приступил к еде и чтению.

ИЛЬЯ ЧЕСНОКОВ

СТРОЙБАТ

Часть 1. В пути

Предрассветное майское утро восемьдесят пятого года. Нас, призывников, оставили в актовом зале городского военкомата в ночь с третьего на четвёртое мая. Длинноволосых здесь же остригли ручной машинкой налысо, а тех, кто успел сам подстричься, фельдшер, поправляя спадающие очки, методично проверил каждую голову на наличие вшей. В пять утра, построившись в колонну по двое, мы двинулись в сторону железнодорожного вокзала Чимкента. За нами следом шли родственники, окутанные, как туманом, тихими разговорами и шорохом шагов. У всех такой вид, словно мы уходили на войну. Провожающие на ходу крестили нас в спины. Меня провожала мама. Мы шли молча, изредка оглядываясь назад. У вагона нас остановила команда: «Стой! Становись в одну шеренгу! Сумки и чемоданы положить перед собой! Из карманов всё достаём!». На сонном перроне, с потрескавшимся бетоном, команды звучали особенно резко и эхом ударялись в стены вокзала. Откуда-то незаметно появилась стайка бродячих собак. Опустив головы, они пробежали вдоль поезда в сторону вокзальных буфетов, лишь единожды повернув головы в сторону людей. Мы же, остановившись, проводили их молчаливым взглядом, уловив печаль в собачьих глазах. Через мгновенье несколько десятков полусонных парней пёстрой лентой покачивались вдоль последнего плацкартного вагона.

Нас сопровождали два сержанта, похожих на популярных в своё время актёров эстрады: Тарапуньку и Штепселя. Эти двое с припухшими лицами и сдвинутыми набекрень фуражками начали осмотр багажа. У первого же призывника Тарапунька вытащил из чемодана бутылку вина.

– Алкогольные напитки запрещены, – крикнул он осипшим голосом вдоль строя и тут же размахнулся, делая вид, будто хочет разбить бутылку о колесо вагона. Но тут откуда-то из-за спин выплыл, слегка прихрамывая, старичок низенького роста в замызганных штанах, в лопнувшей на спине куртке и с помятым, как вафельное полотенце, лицом. На голове его зацепившемся облаком торчала седая копна волос. Он что-то пытался объяснить сержанту, сгибаясь в коленях и протягивая дрожащие руки к

бутылке, но тот, плюнув под ноги старику, передал трофей товарищу. Старик, бурча и мотая головой, заковылял в сторону скрывшейся стаи собак.

Ко мне, икая и позёвывая, подошёл Штепсель и пнул носком туфля чемодан:

– Что там?

– Личные вещи.

– Алкоголь, наркотики, опасные вещества есть?

– Нет, – ответил я и раскрыл чемодан.

Сержант прищурился на меня снизу-вверх:

– Знаем мы вас, чимкентцы! Сплошь одни наркоманы и алкаши! Развели здесь Техас!

Присев на корточки, он суетливо пухлыми пальцами перетормошил аккуратно сложенные стопки моих вещей, ухмыльнулся и злобно процедил:

– Забирай.

И двинулся дальше. Как не старались сержанты, но всего, что было припрятано, они не нашли. Призывники хорошо помнили советы старших братьев, вернувшихся из армейки. Настал момент прощания с родными. На перроне к родственникам призывников подошли пассажиры соседних вагонов и праздно шатающиеся горожане. Провожающие вытянули шеи, высматривая своих. Они начали махать руками и выкрикивать имена ребят. Я разглядел в толпе маму:

– Мама, всё будет хорошо! Я скоро вернусь!

Она одной рукой прижала платочек к глазам, а другой замахала. Мы загрузились в вагон. Прижавшись к вагонному окну, я видел, как мама стоит и продолжает махать платочком. Мест в вагоне катастрофически не хватало. Призывников было намного больше, чем свободных мест. Третьи вещевые полки оказались свободными. На одну из них я и залез.

Всего в пути мы были четверо суток. На второй день было выпито всё ненайденное при осмотре. Наши сержанты, «покупатели», как их называли, приняв на грудь, мирно сопели у проводников, уткнувшись головами в мешки с постельным бельём. А мы были предоставлены сами себе. На третьи сутки были съедены запасы из дома, и сухпайки, выданные в дорогу.

А когда поезд делал короткие остановки на полустанках, к нашему вагону тут же гурьбой подбегала босоногая детвора. Дети что-то орали, перебивая друг друга и толкаясь. Окна в вагоне были слегка открыты, чтобы мы могли дышать. Уже в начале мая в казахстанских степях стояла невыносимая жара. Просовывая в окна руки, мы начали швырять детям деньги и кричать:

– Воды принесите.

– Сигарет принесите.

– Да, да, сейчас, – кричали дети то на русском, то на казахском, быстро хватали монеты с земли вместе с пылью и, мелькая пятками, исчезали средь заборов и бараков навсегда.

А, когда поезд трогался с места, оставшиеся без заработка подростки начинали со злости швырять комья земли в уходящий поезд. Грозя кулаками и делая страшные гримасы, мы понимали, что хозяевами ситуации остаются здесь они. На следующем полустанке всё повторялось вновь.

Заехали в Актюбинскую область. Станция Кандагач. Остановка. Здесь мы должны были переночевать и утром на другом поезде ехать дальше. Куда? Никто не знал, кроме сопровождающих, которые уже еле выговаривали свои имена. Мы знали только, что будем два года служить в строительных войсках, то есть в стройбате.

Эту станцию я запомнил и потому, что было безумно жарко, и потому, что спать в зале ожидания мы улеглись где попало. Каждый, где нашёл свободное местечко, там и улёгся: на скамейках, на столах и даже на полу, подложив под себя сумки, чемоданы и всё, что можно было найти в этом заброшенном помещении. Двери и окна были наглухо закрыты. В таком состоянии никакие насекомые нам уже были не страшны. Отара овец в сарае у самого бедного чабана ночью спала в более человеческих условиях, чем мы.

Наутро протрезвевшие сержанты буквально выковыривали нас по одному из помещения, где мы провели ночь. Издавая натужное пыхтение на путях нас ожидал пассажирский, идущий до Астрахани. Обходчики, постукивая молоточками, проверили рессоры и отправились в хвост состава. Мы заползли в вагон. Каждый занял своё место. Ехать осталось недолго.

К концу пути наша бравада типа: «Да я вот могу…», «А что мне будет!..», «Эх, я бы тогда…», «Пусть только попробуют…» – стала переходить в уныние и тревогу от непонятного будущего. В нашем купе было тихо. Я раскрыл на коленях свой чемодан и достал тройной одеколон, чтобы протереть лицо. А лицо у меня в мои девятнадцать всё ещё было усеяно угревой сыпью. Оторвав кусочек ваты, открутив крышечку пузырька я тут же, вместе с резким запахом, почувствовал на себе десятки сверлящих взглядов, которые молниеносно перепрыгивали от моего лица к бутылочке. Вдруг с верхней полки неожиданно свисла лысая голова Лёшки Дегтярёва и, оскалив зубы, на всё купе заорала:

– Спаситель ты наш, Илюха! А ты продуманный чувак! До последнего держался, молоток!

Несколько бритых голов ритмично закачались, соглашаясь с ним. Я не успел произнести и слова, как мой флакон был уже в центре купе. Парни так внимательно смотрели на бутылочку с жидкостью цвета блеклой травы, как только умеют смотреть учёные в микроскоп. Все хотели выпить, но как именно пить одеколон, никто не знал. Лёшка, мой в будущем хороший товарищ, тоже не знал, но показать себя хотел. Он вытащил откуда-то корку хлеба, положил её сверху на кружку и сказал:

– Чего смотрите, салаги? Пропускаем этот почти-что спирт через хлеб, разбавляем водой и пускаем этот напиток по кругу. Есть же трубка мира? А у нас будет кружка мира!

Через головы в наше купе стали заглядывать и соседи. Намечалось что-то интересное. Процесс фильтрации требовал терпения и твёрдой руки. Из всех ребят Лёха выбрал очкарика, прижатого у окна.

– Эй, профессор! Подойди сюда. Тебе, как трезвеннику, мы поручаем важное дело.

Лёшка всё подробно объяснил Виталику, как оказывается звали очкарика, и процесс начался. Пройдя через тонкую корочку, одеколон предательски долго капал на дно. Интригующий цвет жидкости превратился в мутную жижу, а запах начал проникать везде и, как потом выяснилось, надолго. Виталик, оглядев всех по кругу, выжал из хлеба последние капли, откусил размокший кусок, проглотил, скривив губы, поправил очки и отшатнулся на своё место. Я, на правах хозяина одеколона, налил в кружку воды.

Напиток медленно пошёл по рукам. Ещё никогда с кружкой так бережно не обращались, как сейчас. Каждый, взяв её обеими руками, делал паузу, потом что-то шептал и делал глоток. Лица их тут же каменели. Очередь дошла и до меня. О своём лице я уже и забыл. На тот момент меня немного успокаивал тот факт, что одеколон был мой, и я мог распоряжаться им, как угодно. Облизав губы, я выдохнул и сделал глоток. В голове тут-же сверкнула мысль: «Зачем, идиот!» Раскрыв рот, я был готов выпить всё Чёрное море, или хотя-бы его половину. Перед глазами промелькнуло мамино сердитое лицо.

Кружку осушили до дна и передали Лёшке, а пустой флакон мне «на память». Из соседнего купе принесли гитару и все, обнявшись, начали горланить песни, толком не помня ни слов, ни мелодии. Профессор уснул, прижавшись лбом к пыльному стеклу. Через два часа мы уже были на месте. Сержанты встряхнулись и, как ни в чём не бывало, схватили наши документы и дуэтом гаркнули:

– Берём вещи и готовимся к высадке!

Часть 2. Прибытие

Сквозь засиженные мухами стёкла вагона на нас смотрел двухэтажный блеклый вокзал, облепленный молодыми акациями. По углам крыши топорщились листы жести, дрожащие от ветра. Это была станция военного городка Капустин Яр, что в Астраханской области. Безоблачное утреннее небо озарилось лучами восходящего солнца.

Наши сопровождающие спрыгнули с вагона, передали наши личные дела в руки офицера и тут же куда-то исчезли. Больше мы их не видели. Офицером, принявшим мятые скоросшиватели, оказался молодой мужчина высокого роста с чубом, смоляной стружкой торчащим из-под фуражки, усами, по-гусарски закрученными кверху. На его плечах пылали красные погоны с новенькими капитанскими звёздочками. Зажав под мышкой документы, он звонко скомандовал:

– Выходи строиться в колонну по двое!

Мы похватали свои чемоданы-узелки и начали спускаться на перрон.

Лёшка, идущий за мной, вытянул голову из-за моего плеча и крикнул:

– А руки за голову или за спину?

И тут же пригнулся. Меня же было видно хорошо со всех сторон. Капитан просверлил меня взглядом и гаркнул:

– Разговорчики!

А я, как бы нечаянно, наступил Лёшке каблуком на ногу.

Свежий воздух обнял нас, как старых знакомых. Солнце ласково грело наши стриженые макушки. Слева и справа от нас стояли шеренги военнослужащих внутренних войск. Я впервые так близко видел здоровых и откормленных парней с алыми погонами «ВВ», аккуратно пришитыми к гимнастёрке. И я тогда подумал: «Значит, и нас так же хорошо будут кормить».

Несколько сержантов держали на поводке огромных овчарок. Сомлевшие от жары собаки без особого желания держали стойку. Свесив набок языки, они прятались в тени своих хозяев. Учуяв от нас перегар, собаки отвернули морды, так ни разу и не рыкнув в нашу сторону. Нам стало даже обидно за эту собачью брезгливость.

Построив в колонны, нас повели в воинскую часть. Я, самый высокий по росту, шёл впереди. Рядом со мной, немного сутулясь, мой земляк Бирюков Сергей. Сзади меня, озираясь по сторонам и улыбаясь, вышагивал Дегтярёв Алексей. Виталик ковылял где-то позади. Капитан и ещё два лейтенанта шли впереди, а с обеих сторон сопровождали «красначи» с собаками. И со стороны было непонятно: кто кого из них ведёт. Я тогда не

мог понять: для чего было необходимо такое сопровождение. Позже стало ясно, что недалеко располагался ракетный полигон.

Нас завели в клуб, освещаемый двумя тусклыми боковыми лампочками, и рассадили на старые киношные кресла, сбитые рейками в ряды. Пыльные кресла хором по-старчески крякнули и прогнулись под тяжестью молодых тел. Провели перекличку. Сверили документы и прочитали несколько лекций, разъясняя нам: кто мы и где мы. Потом подробно узнали о том, кто и какую получил профессию.

Мы расписались в инструкциях. Вдруг на сцене раздвинулись блеклые занавески. Посередине сцены валялись горкой кирзовые сапоги. У сцены неожиданно появился низкорослый, плотного телосложения и с красным лицом прапорщик. Как оказалось, в дальнейшем именно он будет выписывать нам документы на дембель, но уже не в этом городе и не скоро. Заложив руки за спину, он стал прохаживаться вдоль сцены, принюхиваясь и присматриваясь. В руках он держал резиновую дубинку. Вид у него был пугающий.

Лёха, сидящий слева, прошептал:

– Ну и рожа!

Виталик справа добавил:

– Буржуй!

Серёга сзади пробубнил:

– Дуболом.

А я предложил:

– Пацаны, надо ему кличку дать.

И по рядам понеслось:

– Кровосос.

– Шпындик.

– Упырь.

Ребят было уже не остановить. Ненормативная лексика в замысловатом узоре великого русского заквашивалась в солдатский фольклор. Услышав смешки и возню на рядах, прапорщик резко развернулся на каблуках и, вытянув голову, похожую со стороны на ошпаренный в кипятке кулак, отчеканил:

– Меня зовут прапорщик Киселькин. Товарищ прапорщик! Мерим сапоги, подписываем хлоркой на внутренней стороне голенища и направляемся в баню. Остальное обмундирование получите после. Вопросы есть?

Вопросы были, но подрагивающая в его руках дубинка их отменила.

Вытаращив на нас глаза, он начал медленно вытирать ладони о штаны, зажав дубинку между ног. Зал осветился улыбками. С задних рядов

кто-то свистнул. Лицо прапорщика надулось. Он схватил ближайший сапог, заорав:

– Я тебя…!

Но, неудачно замахнувшись, врезал себя каблуком в лоб, схватился за голову, отшвырнув сапог и согнув колени. Дубинка с грохотом упала на пол. Уже позже мы узнали, что прапорщик Киселькин лечился в психиатрической лечебнице. В нервозные ситуации он выдёргивал из кармана бумажку с жёлтой полосой по диагонали, тряс ею перед нами и орал: «Я лечился! Вот моя справка…» Мы поняли, что лучше с ним не связываться. Стало его жаль, и поэтому без всяких издевок мы называли его просто: «Кисель».

Нас построили и повели в баню, которая представляла собой старое кирпичное здание с просевшей крышей и треснутыми бетонными ступеньками. Она была построена по круговому принципу. Одна дверь и для входа, и для выхода. Солдат заводили на помывку повзводно колонна за колонной. Несмотря на лето, в раздевалке, где стояли скособоченные жестяные одёжные ящики, было прохладно. Мест для всех не хватало. Те, кто зашли в помещение первыми, успели раздеться и повесть форму. А те, кто шёл в конце, просто кидали её на пол. Времени на «банные процедуры», как было нам торжественно заявлено, на всех не хватило. Все суетились и толкались. Первые, вошедшие в моечное отделение, успели и намылиться, и ополоснуться. А те, кто завершал это мероприятие, даже не разулись. Они прошли по залам, хлебнули из крана ржавой воды и вышли, улыбаясь непонятно чему. Сержанты, сопровождающие нас и отвечающие за этот процесс, окриками стегали нас, как плетью. В душе появлялось возмущение, которое тут же запряталось куда-то в уголок.

После помывки мы молча наблюдали, как горит за забором, облитая бензином, наша гражданская одежда. Была возможность отправить хорошие вещи посылкой домой, но никто этим воспользоваться уже не успел. Не до того было. Кто-то со слезами на глазах причитал:

– Куртка была у меня новая.

– А у меня джинсы.

Хорошо, что я догадался нацепить на себя всякое старьё. Мы смотрели на костёр и понимали, что горит не просто «гражданка», но и всё, что с ней было связано. И жизнь наша теперь разделилась на «до» и «после». Забегая вперёд, скажу, что следующая баня у нас была через четыре недели. За это время поначалу белые портянки превратились в сине-чёрные полотнища с фиолетовыми узорами. Грязные, пропотевшие и скомканные, они могли стоять отдельно от сапог, как солдаты, готовые ко всему.

Часть 3. Первые дни

Наша рота располагалась на третьем этаже кирпичной пятиэтажки. Каждый этаж, кроме первого, где было солдатское кафе, был отведён отдельной роте. Зайдя за капитаном в казарму, мы увидели длинный коридор, спальные помещения, бытовку, офицерскую комнату, ленинскую комнату и ещё несколько закрытых помещений. Построились в шеренгу подвое по ранжиру. Тут же, запыхавшись, ввалился и Кисель.

Капитан, поправив усы и прокашлявшись, начал:

– Товарищи новобранцы, вы поступили в расположение воинской части города Капустин Яр. В роту номер два. Командир роты пока не прибыл на место постоянной службы. Поэтому вашей подготовкой на период карантина будут заниматься ефрейторы: Халмирзаев Халмурад и Пончиков Василий.

Из-за квадратной колонны вышли двое. По их виду возраст было не разобрать. Выглаженные и начищенные, они встали перед строем по стойке «смирно». По их впалым щекам и воспалённым глазам мы поняли, что служится им нелегко. Они были одинакового роста и комплекции. Один тёмный, а другой светлый. Капитан строго взглянул на прапорщика и тихо, оглянувшись на старослужащих, как-то по-граждански добавил:

– Если будут вопросы, то обращайтесь. Я буду в штабе.

Мы так и не поняли, кому он это сказал. Или нам, или этим «двоим из ларца». Офицеры вышли из казармы. И тут же взгляд, осанка, походка и весь внешний вид наших воспитателей моментально изменились. Перед строем стояли уже не подтянутые ефрейторы, а обозлённые без пяти минут дембеля.

К первой шеренге вплотную шагнул Пончиков:

– Ну что, духи. Попрыгаем?

Мы переглянулись.

– Они не прыгать будут, а летать. Как мы летали, – нагнув по-бычьи голову, прогудел Халмурад.

Дальше ненормативной лексикой мы были буквально расстреляны. Началось то, чего мы не ожидали. Вдоль строя в районе затылков пролетел холодок. Мы почувствовали одновременно и сухость во рту, и желание куда-нибудь присесть.

Наша рота состояла из ста сорока новобранцев. Ребята были из разных уголков страны: русские, армяне, азербайджанцы, казахи, киргизы, грузины и москвичи как отдельная группировка. Пончиков Василий был обыкновенным представителем хулиганского типа в солдатской форме. Туповатый и одновременно жестокий, он желал только поиздеваться над нами и поесть. На счёт клички «Пончик» он даже и не обижался. Здесь всё

было просто. А вот с Халмурадом было сложнее. Непонятно какой национальности, но точно азиат, он был более хитрым, чаще молчаливым и безгранично жадным. Из-под его густых бровей горели чёрной злостью глаза. Друзьями они не были. Их объединяло общее прошлое. Оба они, как мы выяснили уже к вечеру, отбыли по году в дисциплинарном батальоне по приговору суда за совершённые преступления. Не вдаваясь в подробности, скажу, что Пончика осудили за угон военного грузовика, поломку ворот воинской части и выезд в город в нетрезвом состоянии. Халмурада осудили за то, что он избил офицера в том же состоянии. Отбыв свой срок, они вернулись в свою часть дослуживать оставшийся период. И теперь у них появился шанс всласть поиздеваться над молодыми.

На следующий день мы случайно увидели справку Халмурада, где было указано его отчество: Халмирзаевич. Получилось: Халмирзаев Халмурад Халмирзаевич.

– Да, – почесал затылок Лёшка: – три «х» получается.

Я посмотрел на него и прошептал:

– Три «х» – это же «трихопол»!

– Вот и кличка сварганилась!

– А если он узнает?

– Да ладно. Они же не навсегда с нами.

Халмурад, когда узнал, сильно рассердился. Всматривался в каждого, ища шутника. От обиды он ещё больше начал нас гонять командами «отбой» – «подъём».

До обеда мы успели получить постельное бельё и начали застилаться. Я занял верхний ярус кровати. Развернув старый дырявый матрац, я увидел, что из ваты высовывается уголок пятирублёвки. Вытащил её и положил в карман. Засунул в матрац всю руку, пошарил, но ничего больше не нашёл. Пять рублей в те годы – это были ещё деньги, на которые можно было хорошо поесть. Я хотел о находке промолчать, но, увидев худую спину Серёги с торчащими лопатками, передумал. На построении я шепнул своим:

– Пацаны, сегодня гуляем на мои!

– Опять одеколон?! – чуть не крикнул Лёшка.

– Нет, – улыбнулся я и вынул из кармана уголок пятирублёвки.

Вечером, после ужина, мы спустились в солдатское кафе и взяли какао с булочками. Так родилась наша небольшая компания.

Пока мы ехали в поезде несколько суток, мы потеряли счёт дням. И, когда нас повели первый раз на обед в солдатскую столовую, мы увидели празднично накрытые столы. Я тут же вспомнил сытых краснопогонников с овчарками. На столе было горячее первое, мясное второе, сладкий чай,

булочки, шайбочки сливочного масла, варёные яйца, и, что самое главное в армейской столовой, свежий хлеб двух видов.

Как же мы были ошарашены, увидев на следующий день на столах огромные алюминиевые кастрюли с супоподобной жижей, картофельное пюре цвета утоптанного снега, куски криво нарезанного серого хлеба и несладкий чай. В центре стола горкой лежали слипшиеся карамельки, которые были похожи на родственников, обнявшихся после долгой разлуки. На наши удивлённые лица нам объяснили, что вчера был праздник 9 Мая.

– А вы думали, что в сказку попали, духи! – заржал лошадиной физиономией дежурный повар. Благодаря своему сходству с известных комиком, он у нас стал Фернанделем. После ужина я, стараясь быть незамеченным, схватил несколько кусков хлеба с соседнего стола, сунул их в карман шепча самому себе: «Спокойно. Я есть хочу. Голод не тётка». Мне казалось, что все уставились только на меня. Но карманы, похожие на сломанные уши борцов, как я успел заметить, были оттопырены и у других. После отбоя вся казарма наполнилась чавкающими звуками. Я проглотил кусок хлеба, похожий на пластилин и уснул.

Часть 4. Командировка

Дни летели, а за ними и месяцы. Меня выбрали комсоргом роты. Нас, несколько человек, направили учиться в партийную школу при штабе воинской части. Мы её закончили, но в партию нас так и не приняли. Вышло постановление правительства о приостановке принятия в Коммунистическую партию солдат. Я продолжал вместе с остальными работать на стройке. Вечером после работы – гитара, а на работе – бетон, носилки, стекловата, кирпичи, арматура, холодный кефир и булочка из соседнего магазина, где работала продавщицей круглолицая Зиночка. Ребята бегали в магазин не так за кефиром, как пообщаться с ней. Зиночка в эти дни перевыполняла план. Но так было недолго.

Через два месяца нашу роту собрали в ленинской комнате и объявили, что в Волгоград готовится сборная рота, которая будет прикомандирована к другой воинской части для выполнения особых производственных задач. Кисель, обтерев об китель ладони, расправил скомканный лист и зачитал список солдат, отправляющихся в путь. В список попали все мои товарищи и я тоже. Мы были рады. Собрав нехитрые пожитки, мы прыгнули в автобус и моментально уснули, не обращая внимания на тряску. В Капустин яр возвращался только я один, и то по работе.

Встретили нас в самом центре Волгограда: деревянная казарма с крышей, покрытой старым рубероидом, скособоченный деревянный туалет с тремя замызганными отверстиями в углу двора, небольшая спортивная площадка с самодельным турником и штангой, собранной из старых огромных зубчатых колёс, два сарая и двухметровый побелённый забор. Заострённые доски забора белыми клыками торчали между тонкими ветвями соседних деревьев, прижатых друг к другу. Забор наружной стороной опирался на три тополя и был прибит к ним гвоздями. Слева от казармы истрескавшимся бетонным полотном легла набережная Волги. Справа от казармы немыми исполинами сверху на нас взирали серые девятиэтажки. В них проживали в основном ветераны войны и их родственники.

Ежемесячно кто-нибудь из них умирал. А мы по просьбе родственников выносили гробы и помогали с похоронами. В старых «хрущёвках» лестничные проходы были узкими и поэтому гроб приходилось разворачивать над перилами, приподнимая то одну его сторону, то другую. За помощь нас сытно кормили и, когда командир отправлялся в роту, наливали рюмочку. Мы отнекивались: «Нельзя нам, мы на службе», а уже через мгновенье стоя торжественно опрокидывали рюмки, брали из вазы конфеты и молча уходили. Для нас это было хоть каким-то отвлечением от службы.

Несколько раз нас просили помочь с ремонтом то в школах, то в детских садах. Мы перетаскивали и устанавливали мебель, таскали мешки с цементом или со строительным мусором. А после работы нас угощали горячими обедами. На тарелки выкладывались горы хлеба и куски горячего мяса. Наливали борщ и огромные кружки сладкого чая. Уплетая всё это, каждый вспоминал мамкины обеды. Мы молча ели, а на нас со стороны с умилением смотрели повара. Лёшка обильно солил мясо и тут же подмигивал молодым поварихам, скромно стоящим у раздачи. Серёга взял сразу два куска хлеба и, наклонив голову, не отвлекаясь, хлебал бульон. Виталик ёрзал на стуле, поглядывая на часы. А я, медленно жуя картошку, думал: как бы завернуть всё то, что на столе и принести пацанам в казарму.

– Спасибо, – говорили мы, нехотя поднимаясь из-за стола: – Если что, зовите нас ещё. Приедем, поможем. Сотрудники рассыпались сахарными кусочками улыбок.

В городе-герое ждали нас семь промышленных предприятий. Новоиспечённые стройбатовцы были распределены среди них. Я с друзьями попал на завод ЖБК-1. Режим был таков: подъём в пять утра, построение, завтрак, автобус, завод, автобус, рота, построение, ужин, личное время, политинформация, отбой в девять вечера.

В письмах домой я писал, что всё у меня нормально, что товарищи у меня хорошие. Особо хотелось рассказать о соседях. Слева от меня вылупился в потолок недоучившийся клоун, рядовой Рощупкин. Его выгнали из циркового училища за ночные гулянки в общежитии. Он страдал лунатизмом и энурезом одновременно. И поэтому происходили скандальные ситуации. Иногда Рощупкин ночью поднимался, садился на край кровати, представляя, что в туалете и делал своё маленькое дело на лицо спящего на нижнем ярусе. Приходилось спасать его от побоев.

Справа ссутулился на кровати отсидевший год за кражи, молчаливый, но работящий Вадим. Укладываясь спать, он плотно укутывался одеялом с головой и замирал на всю ночь, не шелохнувшись ни разу. А подо мной расположился рядовой по фамилии Шпет, свидетель Иеговы. Он хоть и отказался принимать присягу и прикасаться к автомату, но работал на заводе за троих. Вот такие соседи.

А меня, писал я родителям, командир назначил на должность нормировщика роты. Я ежемесячно объезжал предприятия, на которых работали наши солдаты, составлял реестры выходов на работу и отвозил на поезде отчёты с показателями выполнения и перевыполнения плана в штаб части, который находится в городе Капустин Яр.

Познакомился я в городской библиотеке с двумя добрыми девушками, которым дарю яблоки и конфеты, которые вы мне присылаете. Они мне за это дают читать книги, чтобы я не забыл речь человеческую. Высылайте ещё. Библиотека большая. На заводе сварили мне мужики за пятёрку сейф для документов, где я и хранил эти книги, и не только их. Вот такие письма у меня получались.

Этот сейф спасал меня несколько раз, храня в своей железной утробе не только документы, но и другое. В предпраздничные дни это было единственным местом, где мы прятали алкоголь. Об этом кто-то из солдат узнал и, решив выслужиться, рассказал об этом командиру роты старшему лейтенанту Харину. Кличку ему долго придумывать не пришлось. Старлей, обладатель гоголевского носа, чуял запахи издалека. Наклонив тело чуть вперёд и сложив маленькие белые ручки за спину, он медленно приближал свой нюхательный аппарат вплотную к лицам остолбеневших солдат, сверлил их маленькими, сдвинутыми к переносице, глазами и, гундося, произносил:

– Почему не по форме одеты, товарищ солдат?

Конец декабря. В сейфе стоят две бутылки самогонки, которые нам продала крановщица Люся: «Берите, мальчики. Почти чача». Перед отбоем меня вызвал к себе Харин. Он был на дежурстве.

– Рядовой Чесноков, что у вас в сейфе?

– Документы, товарищ старший лейтенант, реестры и личные карточки военнослужащих.

– А ещё что?

– Книги, товарищ старший лейтенант. Я в библиотеке городской беру. Ремарка взял роман.

– Какая ещё ремарка?

– «Три товарища».

– Откройте сейф. Я проверю.

Я засунул руку в один карман, потом в другой, нащупал ключ, но, смотря прямо в глаза командира, сказал:

– Ключа нет. Наверное, на заводе оставил в фуфайке.

– А в шинели? Пойдемте, проверим.

Старший лейтенант привычным движением швырнув руки за спину и наклонившись вперёд, как пущенное копьё, устремился в сторону бытовки. Двигаясь за ним, я быстро передал ключ Сергею, который стоял рядом. Подошли к шинелям. Я старательно вывернул карманы и, подняв брови, выпалил:

– И здесь нет, товарищ старший лейтенант. Как же это я так, а! Это так на меня не похоже! Я точно помню, что в фуфайке оставил. Завтра я привезу ключ.

– Хорошо, – как отрезал старлей. Приблизив свой нос к холодному металлу и оттопырив зад, он застыл, как приклеенный. Чтобы увидеть эту карикатурную позу, солдаты высунулись в коридор. Один из парней начал делать зарисовки обгрызенным карандашом. Поднять сейф, чтобы ощутить его тяжесть, Харин не догадался. Рано утром, до подъёма, нам пришлось перепрятать бутылки, воткнув их в снежные сугробы за туалетом. А мы задались вопросом: кто стучит командиру?

Часть 5. Перевоспитание

В количественном составе рота постоянно менялась. Кто-то уезжал в другие части. Кого – то наоборот привозили. Через пару недель в нашу роту прибыли азербайджанцы из-под Баку. Эти ребята были всегда на позитиве. Каждый был как маленький вулканчик. Говорили громко то на своём, то на ломаном русском, постоянно жестикулируя и гримасничая. Чуть позже приехали ребята из Киргизии. Эти были спокойнее. Я их запомнил как трудолюбивых и немного наивных.

На работе каждый показывал себя по-разному, но и понимал, что работает не за «спасибо», а за деньги, которые ежемесячно перечислялись на сберкнижку.

Вечером после ужина ко мне подошёл Лёша:

– У тебя ничего не пропадало?

– Да. Неделю назад я часы свои «Ракета» забыл ночью в бытовке. Утром встал, посмотрел, а их уже нет. Сам виноват.

– У меня деньги пропали. Три пятьдесят.

– Может потерял на заводе, когда переодевался?

– Я тоже так подумал, но у Серёги тоже самое.

– Давай после отбоя соберём всех наших. Сегодня дежурит прапорщик Буянов. Он нормальный. Не разгонит. Поговорим.

Так и решили. После отбоя собрались. Оказалось, что мелкие кражи тянутся уже пару недель. У каждого что-то исчезло. Решили на каждую тумбочку выложить мелочь и караулить. На следующий день так и сделали. Лежим, ждём. Вдруг видим между койками полусогнувшись продвигается фигура, подходит, сгребает осторожно монеты, выдвигает верхний ящик тумбочки, шарится, задвигает и задом выползает из прохода. Потом подходит к другой тумбочке и роется там. И так методично во всём нашем отделении. Мы лежим и смотрим. Глаза привыкли к темноте. Нам всё становится понятно. Это Ржаев Миша, паренёк щупленький с большими водянистыми бегающими глазами и постоянно сопливым носом. Где бы он ни находился, он всегда свистел. Он у нас был «Ржавый».

Весь следующий день мы размышляли, как же нам проучить его. Вечером зашли в сарай, где хранились старые сапоги, подготовленные для списания. Каждый взял по две пары. Незаметно рассовали их под кровати и за тумбочки. После отбоя легли, укрылись одеялами и начали ждать подходящего момента. Подходящий момент появился, когда, ближе к полуночи, вернулась с завода вторая смена и ребята улеглись спать. Накинув на себя одеяла и достав сапоги, мы подошли к его кровати. Ржавый спал на спине, откинув одеяло в сторону. Руки его были раскинуты по сторонам, а рот широко раскрыт. Даже во сне он немного причмокивал. Долго любоваться этим телом времени не было и мы, взяв сапоги за голенища, размахнувшись, разом швырнули сапоги в белеющую цель. Раздался скрип, треск и оханье. Солдаты, спящие рядом, сначала зашевелились, но уже через мгновение вжались в кровати, натянув на головы одеяла. А перевоспитываемый даже подняться не успел. Заныл, скрючился и перевернулся на живот.

– Хватит с него – прошептал Лёшка. И мы моментально юркнули под одеяла.

На утреннем построении Миша стоял в строю чуть согнувшись, одной рукой прикрывая лицо, а другой пах. Прапорщика Буянова на дежурстве сменил Кисель. Подойдя к Ржаеву он взвизгнул:

– Руки по швам!

Миша выпрямился. И тут все увидели вместо лица что-то бугристое, ежевичного оттенка. Нос молодой картошкой гордо краснел между щёк. Губы распухли и неестественно выпирали наружу. Смотрел Миша только левым глазом, так как правым он этого делать пока не мог. А когда он открыл рот, все заметили отсутствие переднего зуба.

– Перестарались, – прошептал Сергей.

– Досвистелся, – процедил сквозь зубы Алексей.

– Хорошо, что мы ему «велосипед» не сделали, а то подпалил бы всю казарму, – добавил я.

Поиски виновных ничем не завершились. Миша пару дней не выходил на работу. Скоро поправился, носом хлюпать перестал, а свистеть совсем разучился. Только по ночам вздрагивал при малейшем звуке. Деньги пропадать перестали.

Часть 6. Умидбек

Сатыбалдиев Умидбек прибыл в нашу роту вместе с земляками из Киргизии. Это был увалень высокого роста и с покатыми плечами. Он передвигался немного вразвалочку, наклонив голову и приоткрыв рот. Руки его бесхарактерно покачивались из стороны в сторону. Парню на тот момент было уже двадцать шесть лет. По-русски он не понимал ни слова. По-киргизски не умел ни читать, ни писать. Мы с ним общались через Азамата, который приехал из Бишкека.

Как-то сидели в ленинской комнате, отдыхали. Вошли Умидбек с Азаматом.

– Эй, парни. Идите к нам. Пообщаемся, – махнул им рукой кореец Славка Ли.

У Славки в руках гитара. Он, живя в Алма-Ате, неплохо играл в группе. И мы с удовольствием слушали его гитарные композиции.

Умидбек зашёл, переминаясь на кривых ногах, медленно по-медвежьи. Осмотрелся по сторонам, словно чего-то опасался, и прошёл между столами. Рот раскрыт. Глаза изучающе выпучены.

– Азамат, что с ним?

– А ты как думал? – ответил Азимут, как мы его назвали: – человек с гор спустился. Всю жизнь с отцом скот пас. Как-то отец послал его в аул, что раскинулся у подножья медвежьего холма, за спичками и солью. Получилось, как в анекдоте. Только он вышел из магазина, как его заметил военный патруль. Военные случайно туда заехали командиру на юбилей баранину купить и овощей. Подошли к нашему пастуху. Кто, что, откуда. Этот всё и выложил. Тут же взяли его под руки и отвезли в военкомат. Отец его ни соли, ни спичек так и не дождался.

– А как же он письма от родителей читает? – не унимались мы.

– Я ему читаю. И пишу в ответ тоже я, – Азамат сел к нам поближе.

Умидбек остановился у плаката, где был изображён автомат Калашникова в разобранном виде. Мы подошли к нему.

– Умидбек, – обратился я к нему с серьёзным видом и указал пальцем на автомат: – Это что?

Тот медленно перевёл взгляд с плаката на меня. В его спокойном немигающем взгляде я увидел степь, голубые горные просторы, несметное поголовье скота, но ответа я так и не дождался.

– Чего ты над ним подшучиваешь, – одёрнул меня Азамат за рукав: – не может он тебе ответить. Не понял ничего.

И продолжил:

– Когда нас на автобусе везли по Бишкеку, всё было более – менее. Но, когда нас вывезли на аэродром, Умидбек, как мы потом поняли, впервые увидел самолёт вблизи. Он тут же в автобусе упал на пол и начал молиться. Вслух, громко и стукаться головой о пол. Мы его еле успокоили. А ведь нам надо было ещё садиться в самолёт и лететь до Волгограда. А он упирается и орёт. И что нам делать? Он здоровый, как бык. Еле скрутили впятером и затолкали в салон. Нацепили ремень безопасности и прижали с обоих сторон. Он в полёте все пакеты испоганил, какие были. И молился все три часа полёта. Мы такие молитвы в первый раз слышали.

Пока Азамат рассказывал, Умидбек осмотрел все плакаты, медленно обойдя всю ленинскую комнату. Поняв, что говорят о нём, начал бормотать по-киргизски, оглядываясь на нас с обиженным видом.

По росту Умидбек был чуть ниже меня и поэтому в строю стоял за мной. И тут началось: все идут правой, а он левой. Все левой, а он правой. Он наступает мне на каблук. Я пытаюсь уйти от его ноги. Идущие за Умидбеком тоже перестраиваются и это ломает всю стройность движения колонны.

Я кричу через плечо:

– Умидбек, смени ногу, скотина!

В ответ:

– Э?!

– Ногу смени, паразит!

– Э?!

Вечером подхожу к командиру роты:

– Товарищ капитан, можно нам с рядовым Сатыбалдиевым поменяться в строю? Я хоть научу его правильно ходить в строю.

– Нет, рядовой Чесноков. Воспитывай товарища.

Подхожу к Умидбеку и зову Азамата:

– Переводи.

И с этого дня я начал воспитательную работу. Показывал, где какая нога, как их передвигать, повороты, развороты, строевой шаг и так далее.

– Понял?

– Э?!

Потом уже мы вдвоём с Азаматом стали маршировать перед Умидбеком. Уже стемнело, а мы на плацу. А тот сидит себе спокойно. Выпучил свои глазища и в носу ковыряет. Ребята высунулись из казармы:

– Ну, братан, тебя и наказал командир! За что, интересно?

– Отстаньте!

Подошли мы с Азаматом к Умидбеку:

– Ну ты понял, наконец?

– Э?!

Я выругался и направился в казарму:

– Ну я тебе устрою!

На следующий день я увидел, что уже лучше у него получается, но всё-таки пару раз я его пнул, чтобы срок обучения ускорить. Только через месяц мои мучения кончились. Он стал осознанно улыбаться. Взгляд у него потеплел. Стал здороваться как надо. Сначала выучил все матерные слова на русском языке, а потом уже перешёл к общекультурным. Через пару месяцев мы стали хорошими приятелями.

Часть 7. Беглец

Вечером после ужина роту срочно построили на плацу. На бетонку вышел командир роты капитан Лифарь. Это был молодой мужчина крупного телосложения и высокого роста. Поставленным командирским баритоном он сообщил:

– Час назад из воинской части сбежал военнослужащий Мухамедшин Данияр. Предполагается, что он приедет в Волгоград и будет пытаться отправиться домой на поезде. Родом он из Чимкентской области. Он незаконно присвоил чужие деньги, которых на самолёт ему не хватит. Кто его видел или знал лично?

– Мы его знали, товарищ капитан. Он наш земляк. Мы вместе в поезде ехали на службу.

– Хорошо, – кивнул головой командир: – Все, кто был призван из этой области, заступят сегодня до 23-00 в дежурство с целью обнаружения и поимки беглеца. Потом вас сменят военные из другой части.

Всех моих товарищей капитан распределил по вокзалам. Мы с Бирюковым Сергеем поехали на ж/д вокзал «Волгоград – 2». Этот вокзал считался вторым по значению в городе, но внешне был невзрачным кирпичных зданием с осыпавшейся штукатуркой по углам и треснутыми

стёклами в огромных окнах. Осенним вечером было уже прохладно. А на нас была ещё летняя форма одежды. По вокзалу гулял сквозняк. Людей было немного. В углу у центрального входа примостились двое бездомных, которые плотно прижались друг к другу, пытаясь согреться. Они накинули на себя порванное в нескольких местах одеяло и о чём-то друг другу рассказывали, согревая дыханием пальцы. В другой стороне зала ожидания, сдвинув две скамейки, ночевала цыганская семья. Женская половина семейства улеглась на скамейках, укрывшись халатами и куртками, а мужская, вместе с детьми, спала на полу на разноцветных одеялах.

Мы обошли вокзал вокруг, прошлись вдоль путей, зашли внутрь и уселись на скамейку напротив массивных дверей, выходящих на перрон. Нам нужно было дождаться смены.

– Я его помню, – сказал Серёга о сбежавшем Данияре и вытянул последнюю сигарету из пачки.

– И я тоже, – ответил я: – Посиди. Я в туалет.

Когда я вернулся, Сергей сидел уже на другой скамейке.

– Чего ты пересел?

– Дует там. Теперь я пойду. Ты же не куришь?

– Нет.

– Тогда подержи, – сказал он и сунул мне в пальцы зажжённую сигарету.

Я взял её за фильтр так, словно это был ядовитый паук.

– Давай, не задерживайся.

Держу сигарету, а она потихоньку тлеет и воняет. Сергея всё нет. О нашем задании уже и забылось. В голове только одно желание – быстрее вернуться в казарму и лечь спать. Я смотрю на сигарету. Она дымит и пепел свисает вниз. Я его стряхнул. И, когда до фильтра осталось совсем немного, я вдруг поднёс сигарету к губам и затянулся полным вдохом. Огонёк дошёл до фильтра и погас. Тут же горло полоснул резкий кашель. Из глаз брызнули слёзы. Сижу и разрываю тишину сонного вокзала оглушительным кашлем. Чувствую, что мне плохо. Голова закружилось и всё в глазах поплыло. Люди, скамейки, стены и кассы – всё поплыло в мутном потоке. И я тоже уношусь куда-то вдаль. Ноги стали ватными. Руки пошли мелкой дрожью. Хочется плеваться и сморкаться одновременно. «Ну и дурак же я!» – грохочет в голове. Мне стало казаться, что все смотрят на меня осуждающим взглядом. Расплывчато вижу приближающую фигуру Сергея. Пытаюсь встать, но не получается.

– Ты что такой бледный? Тебе плохо? – наклоняется он надо мной.

– Я не хотел, – ватным языком я попытался оправдаться и протягиваю ему окурок.

– Ты мою последнюю сигарету скурил, что ли? Ты же не куришь! Ну ты даёшь! А ещё друг!

– Серый, сядь со мной. Мне плохо.

– Время уже одиннадцать. Сейчас нас сменят. Пошли на свежий воздух. Оклемаешься, курилка. Чтобы завтра купил мне пачку! Понял?

– Куплю, – обещаю я и стараюсь побыстрее глотнуть свежего воздуха.

Вцепившись в руку Сергея, я плетусь с ним на трамвайную остановку. Водитель, завидев нас, мигает фарами. Последний рейс.

Мухамедшина Данияра так и не поймали. В погоню за ним в Чимкент поехал лейтенант Агеев. Командование части отправило его на мой адрес, в мою квартиру. Когда он вернулся, то рассказал, что жил в квартире с моими родителями, а спал на моей кровати. От моих родителей привёз он огромную сумку гостинцев. Мы с друзьями пировали несколько дней. Беглеца лейтенант Агеев тоже не нашёл, хоть и выезжал по месту его прописки несколько раз. Объездил несколько аулов и кишлаков, но безрезультатно. Я это заранее предвидел, так как на бескрайних просторах Казахстана не сложно скрыться как временно, так и навсегда.

Часть 8. Гражданка

Срок нашей службы закончился. Нас задержали ровно на два месяца. Это было связано с аварией на Чернобыльской АЭС. На ликвидацию нас не вызвали. Мы нужны были в заводских цехах и на стройках. Из штаба воинской части приехали бухгалтер с сейфом и сотрудник отдела кадров с документами. Каждому солдату на руки выдали наличные. Некоторые заработали по две тысячи рублей, а то и больше. По тем временам это были большие деньги. Можно было целый год нигде не работать и жить на них. А можно было добавить и купить ушастый «Запорожец». Я на свои заработанные тысяча двести деревянных много не рассчитывал, но купил подарки и оделся с ног до головы.

Мы с друзьями стояли в сторонке, пересчитывали деньги и проверяли свои документы. Была такая традиция, что дембеля что-то дарили воинской части на память, или кому – то из командиров. Мы решили долго над этим не задумываться, а сделать по-быстрому. Видим к нам подходит прапорщик Кисельков.

– Поздравляю! Скоро домой, – начал он, вытирая пот со лба и заглядывая в наши глаза как-то печально: – Вы, это, обиды не держите. Служба такая… Я давно мечтал уже о магнитофоне. Кассетном. Без музыки ну никак нельзя. А денег не хватает.

Прапорщик вдруг как-то осунулся, опустил голову, зачем-то начал поправлять галстук, который и так был как прибитый гвоздём к гимнастёрке.

Мы заулыбались и подошли к нему поближе. После неловкой паузы Сергей спросил:

– Товарищ прапорщик, а зачем Вы резиновую дубинку с собой носите? Вы же так ни разу никого и не приласкали ею.

– Это я, ребята, для страха чтобы. Для дисциплины.

– А справка? – подхватил Виталик, вытирая очки.

Кисельков немного задумался и, опустив глаза, сказал:

– Ну, ладно. Всего вам хорошего.

Развернулся на каблуках и зашагал в столовую.

Мы переглянулись и, не договариваясь, достали из карманов деньги. Собрали 184 рубля и вечером, после ужина, занесли коробку с надписью: «Элегия – 301» в офицерскую, где прапорщик Кисельков подписывал какие-то бумаги. Он посмотрел сначала на нас, потом на коробку. На глазах его проступили слёзы. Он привстал, чтобы что-то нам сказать, но мы уже вышли из кабинета.

Кто-то захотел ехать домой в парадной форме, но мы с Лёшкой и Серёгой решили купить одежду у фарцовщиков. Нам подсказали, что на окраине города, в новостройках, живут студенты из Вьетнама. Они толкали импорт по нормальной цене. Вот к ним после ужина мы и поехали. Через час трамвайной тряски наша троица вышла в новом микрорайоне. Здесь ещё были видны следы недавних строительных баталий: мусор, хлипкие саженцы клёнов, запах гудрона и краски, шмотки стекловаты, гонимые ветром. Для нас это была привычная картина. Мы остановились в центре детской площадки в окружении трёх крупнопанельных мрачных исполинов.

– Ну и что дальше? – развёл руками Сергей.

– Надо как-то их позвать, – ответил я.

– Эй! Хошимины, – вдруг заорал Лёшка, приставив ладони ко рту: – Хэндэхох!

Тишина. Только лёгкий ветерок ласково пробежался по нашим причёскам. Где-то на верхних этажах закрыли окна и погасили свет. Уже темнело.

– Да, уж. Не очень гостеприимно. Ну ничего. Обратной дороги у нас нет. За нами Сталинград.

Мы направились к ближайшей многоэтажке. Зашли и встали на площадке первого этажа. Дверь за спиной скрипнула пружиной и угрожающе захлопнулась. Мы оказались в полутьме.

– Мы на первом, ты на второй, – скомандовал Алексей Сергею.

– И куда нажимать? – отозвался сверху Сергей.

– Жми на все кнопки. Куда они денутся, если заработать хотят?

Мы нажали. Тишина.

– Между первой и второй, – протараторил Лёшка и мы нажали ещё раз.

Опять тишина.

– Бог Троицу любит, – поддержал я. И мы, уже предвкушая весёлый вечерок, налегли на кнопочки основательно. Нажали и держим.

За дверьми что-то зашебаршило. Двери приоткрылись, цепочки натянулись, и мы увидели высунутые носы ниже уровня, чем мы ожидали.

– О! – развёл руками Лёшка, – Гитлер капут! Нопасаран, камэрадэн!

– Ты что, Лёха, выпил уже где? – схватил я его за руку.

– Нет. Это адреналин во мне клокочет.

– Смотри, не захлебнись! Это всё-таки иностранные студенты. Понимать надо!

Наверху у Сергея была тишина.

Из-за дверей послышалось:

– Циво нада?

– Шмотки нужны и шузы! – чуть нагнулся вперёд Лёха.

– Сисяс, – захлопнулись одновременно все три двери и тут же открылись настежь.

К нам осторожно, озираясь по сторонам, вышло несколько человек. Одеты они были кто во что, и выглядели, как живые аппликации из цветной бумаги.

Роль переговорщика взял на себя Лёшка:

– Кто тут понимает по-русски?

– Ми все немносько понимай, – ответил худенький паренёк, уцепившийся двумя руками за дверную ручку.

– Нам нужна гражданская одежда. Здесь и сейчас.

Поднял голову:

– Серёга, как там у тебя дела?

– Здесь никто не открыл. Я к вам спускаюсь.

Алексей продолжил:

– Вы поняли?

– Какой одезьд нузинь?

– Ты чего? Не понял, что ли?

Алексей, недоумевая, оглянулся на нас. После недолгой паузы я, широко улыбаясь и чеканя каждое слово, проговорил:

– Хорошая одежда нужна! Джинсы, кроссовки, рубашки. Импортное всё. Бельмеса или не бельмеса?

И тут нас сразу окружили шестеро. Самый высокий из них доходил мне до плеча. Нас начали рассматривать снизу доверху, словно мы манекены. Холодок пробежал по спине. Я медленно засунул руку в карман, проверяя деньги. К Сергею вплотную подошёл самый высокий. На маленьком носу у него громоздились огромные очки с толстыми линзами. Подняв голову, он начал:

– Д-д-д-д-а, нузьн-н-н-ы в-в-в-васи раз-з-з-зимери. Д-д-д-д-авай, д-д-д-давай разь-зь-зьмер.

Он пытался говорить быстро, постоянно вытирая с носа пот. И в этой поспешности сильно заикался, выбивая при этом передними зубами чечётку.

Ломаный русский язык с перестуком, похожим на азбуку Морзе, с шипящим выдохом от волнения дробился эхом к верхним этажам. Получалась сольная ария вьетнамского студента-очкарика. Он что-то ещё пытался нам объяснить, но мы и половины не поняли. Мы стояли, слушали и боялись перебить эту звуковую какофонию. Не перебивать же иностранца. Старается ведь.

Сергей, дождавшись паузы, не сдержался:

– Ты что, щелкунчик, в свои телескопы не видишь разницы между мной и тобой?

Иностранцы начали взволнованно перешёптываться, а очкарик выстукивал дальше:

– Сним-м-м-м-мать одезь-зь-зь-зьду и мы бу-бу-будем подбирай вам но-но-но-новий одезьд.

– Попали мы, короче. «Нас раздевают», —прошептал Сергей, изменившись в лице.

Мы поняли, что деваться нам некуда, и начали раздеваться. Нашу форму мигом расхватали и затащили в квартиры. Уже на ходу, забегая за дверь, очкарик повернулся и попытался простучать:

– Си-си-си-сяс, зи-зи-зи….

– Да иди уже ты! – махнул на него рукой Лёшка.

На лестничной площадке остались только мы втроём. В солдатских трусах, майках и носках, встав сверху на туфли. В руках зажаты деньги и документы. Над нами девять этажей холодного бетона. Тускло. Сверху послышались шаги. А тут мы, как три тополя на полянке. Смотрим, спускается девушка. Прошла мимо нас и даже глазом не повела, словно нас и нет вовсе.

– Нас или не видно, или мы уже не первые, кто в таком виде тут стоит, – сказал Сергей.

– Хорошо, что хоть трусы оставили, – поёжился я.

– Да…Ситуация щекотливая, – отозвался Лёха.

И вот так стояли мы, шутили, подтрунивали над собой минут двадцать. Жильцы поднимались и спускались. И никто даже не поинтересовался о стоящих в трусах трёх русских парнях. Мы даже привыкли к этому. Стоим и улыбаемся, как идиоты. Прислушиваемся, что там за дверьми. Слышим: знакомый перестук.

– Слышь, как щелкунчик морзянку лупит? Указания даёт. Его бы с нашим Киселём познакомить. Вот парочка была бы. Дубинка и зубы.

Терпение закончилось, и Лёшка забарабанил в двери:

– Эй, где вы там, хошимины? Давайте быстрее! Прохладно. В туалет уже хочется и пожрать чего-нибудь!

За дверьми зашуршало, зашушукалось и двери, наконец-таки, скрипнули. Из квартиры вырвался чесночный запах. Следом за ним выпорхнули три девушки. Каждая держала большой пакет, в котором лежала аккуратно сложенная наша военная форма. Они сунули нам в руки пакеты и исчезли. Следом вышли парни, совершенно неразличимые между собой, и вынесли одежду и обувь. Мы тут же начали её надевать. Влетели в эту гражданку мгновенно, как будто в ней и были с самого рождения. Кроссовки после сапог показались воздушными. Мне попались кроссовки на размер меньше. Но я этого не почувствовал. Я это понял, когда приехал домой. Отдал их отцу. Он в них семь лет ходил на фабрику на зависть товарищам. Кроссовки были фирменные, из Чехословакии.

Передавая деньги, Лёшка немного задержался и, обняв за плечи двоих, кто был под рукой, прокричал:

– Макароны варите, братья по разуму! Обмыть надо! Дембель у нас! Вам понятно? Дембель!!

Студенты нервно закивали головами скалясь, как на витрине.

– Лёха, какой там «обмыть»! Ты чего разорался? Сейчас милицию вызовут соседи. Валить надо.

Мы подхватили Лёху, который начал подмигивать худеньким вьетнамкам, прилипшим носами к оконному стеклу, и выскочили из подъезда. Дверь ухнула нам на прощание. Было уже одиннадцать вечера. Сверху на нас глазели любопытные звёзды, а Луна украдкой подглядывала за нами сквозь ветки деревьев. Включились уличные фонари. Мы немного постояли, покурили и решили расходиться. Алексей с Сергеем пошли в разные стороны, а я смотрел им вслед. К горлу предательски подкатил ком. Вдруг они разом остановились и оглянулись на меня. Пару секунд мы стояли и смотрели друг на друга. Я подошёл. Мы молча обнялись. Два года пролетели, как один день. Обменялись телефонами и адресами и уже распрощались навсегда. Меня ждал в гости знакомый шофёр с завода, Горностай Юрий Иванович. Он пригласил меня к себе переночевать, а утром обещал отвезти в аэропорт.

Часть 9. Ужин

Юрий Иванович встретил меня у подъезда, светя под ноги фонариком:

– Что так поздно?

– С братьями по разуму общались.

– С инопланетянами что ли?

– Почти.

– Заходи, стол накрыт, – буркнул он недовольно и швырнул окурок под скамейку.

В подъезде было темно. Из подвала сквозь решётчатую дверь несло сыростью и затхлостью. Почти на ощупь мы поднялись на второй этаж. Стоя у него за спиной, я учуял запах спиртного. Звякая ключами и что-то бормоча под нос, Иваныч отпер дверь. В глаза ударил яркий свет. Потянуло теплом и кухней.

Скидывая туфли и немного запыхавшись, Иваныч начал знакомство:

– Вот, знакомься, – начал он, распахнув двери в зал: – Моя супружница, Авдотья Ивановна. А это, – кивнул он в сторону девушки: – моя племянница, Антонина.

Прямо напротив двери за столом сидела девушка и смотрела на меня в упор. Она была светловолоса и с небольшой горбинкой на носу. Брови были густо подведены карандашом, усиливая бледность лица. Мне показалось, что её взгляд пронизывал меня насквозь и, прорезая темноту коридора, упирался в закрытую дверь за моей спиной. Я невольно оглянулся назад. Меня охватило лёгкое волнение, словно я попал на экзамен. Держала девушка себя очень прямо и неподвижно, как статуя. Она вообще не шевелилась, ровно держа голову и выпятив грудь. Тонкое платьице в мелкий горошек нежно облегало её тело. Я перестал контролировать свой взгляд и пустился в изучение данного объекта. Мне захотелось прикоснуться к ней и скомандовать: «Вольно!». На мгновенье я забыл про чемодан, оставленный в темноте коридора.

Иваныч вернул меня к реальности.

– А это, – тряхнул он меня за плечи: – товарищ мой по работе, хороший парень Илья.

– Завтра домой хочет улететь.

Я заметил, что ждали меня уже давно и ни к чему не притрагивались. Посадил меня Иваныч между Антониной и Авдотьей Ивановной. А сам уселся напротив. Начали есть. Молча налили, выпили и ещё раз налили. Разогревшись, Иваныч начал:

– Илья, ну куда тебе торопиться? Оставайся в Волгограде. У тебя диплом техникума с отличием. Характеристика хорошая. Тебя в любой

институт возьмут. Будешь жить в общежитии, учиться. Где-нибудь подработки найдёшь. Я помогу. Привыкнешь.

Авдотья Ивановна подкладывала мне с одной стороны, а Антонина с другой. Я рассыпался своими «спасибо» то направо, то налево. А с порциями уже не смог справиться. А Иваныч, опрокинув очередную рюмку, гнул свою линию:

– С девушкой хорошей тебя познакомим. Вот, смотри, племяшка моя, Тонька. Как цветок на клумбе. И ростом тебе подходит и характером скромная. Как ты: не курит и не пьёт.

Тут Антонина, не дожидаясь тоста, залпом выпила бокал вина и икнула. Наступила тишина. Я подумал: «волнуется» и, чтобы как-то сгладить ситуацию, несколько раз кашлянул.

Антонина, налив себе ещё, громким голосом работницы торговли прогудела:

– Дядь Юра, перестаньте. Ну, что вы…не надо.

Услышав её голос, я выронил вилку и подумал: «я попал». Она положила мне на тарелку огромный кусок мяса, дымящийся, как вулкан. Повернулась ко мне и уставилась в мои глаза.

– Да вы не слушайте его, Илюша. Вам положить ещё вон того салатика?

Я почувствовал, что начинаю тонуть в её огромных голубых глазах, механично дожевывая мясо. Мне захотелось сказать ей: «помолчи, просто смотри». Проглотив, я выдавил из себя:

– Спасибо, Антонина. Вы так любезны. Но я уже не могу.

Слегка покачиваясь, я поднялся со стула:

– Спасибо за угощение. Всё было ужасно вкусно! Но, завтра мне рано вставать.

Ужин закончился и женщины начали собирать посуду. Юрий Иванович некоторое время ещё сидел за столом, уставясь в тарелку и гоняясь вилкой за горошиной. Потом он показал мне комнату, где я буду ночевать. Я поблагодарил его, закрыл за собой дверь и плюхнулся на диван. Проверив наличные и документы, я прикрыл глаза и прошептал: «Ну вот и всё, пора домой».

Билет на самолёт до Ташкента лежал в паспорте. Он, как спасательный круг, был в этот момент важнее всего. За дверью послышались голоса:

– Может Тоня останется на ночь?

– А где мы её положим? С ним, что ли?

– Да о чём вы говорите? Завтра мне на работу.

– Ничего, отпросишься.

– Дядя Юра, не удобно как-то.

– Удобно – не удобно! Уедет же! А не поговорили толком.

– Завтра приезжай пораньше. Проводишь его. Адресами обменяетесь.

– Ладно.

Хлопнула дверь и наступила тишина. Я сладостно зевнул, закрылся на крючок, разделся и, укрывшись простынёй, уснул.

Утром, наскоро позавтракав, мы собрались в дорогу. Антонина провожать меня не приехала, и я, наложив себе холодного салата, вспомнил её пронзительный взгляд и длинные пальцы с коротко постриженными ногтями. Юрий Иванович отвёз меня в аэропорт за пол часа до вылета. Крепко пожав мне руку, он сунул мне записку в карман и сказал:

– Счастливого пути.

Часть 10. Домой!

Самолёт приземлился в Ташкенте ближе к полуночи. Рейсовые автобусы до Чимкента уже не ходили. Ночевать пришлось в зале ожидания аэропорта. Вечерняя столица Узбекистана показалась мне сказочным городом. Весь в огнях, в сладких запахах и в пёстрых одеждах, Ташкент был похож на молодого красивого принца, одетого в самые дорогие и яркие одежды. Любоваться вечерним Ташкентом можно было бесконечно. Аромат вечерних шашлыков будоражил аппетиты самых изысканных гурманов.

Нужно было купить подарки родителям. Отложил это дело до утра. Я поднялся на второй этаж в зал ожидания, нашёл себе свободную скамейку и улёгся. Положив под голову чемодан, протянул ноги и прикрыл глаза. Рядом в разнообразных позах примостились и другие. Если взглянуть сверху, то показалось бы, что люди куда-то спешат, разбросав руки и ноги в быстрой ходьбе. Зал ожидания медленно погружался в сон. Лишь сквозь огромные окна были видны прожектора, жадно пожирающие тьму опустившейся ночи.

Глаза привыкли к темноте. Через некоторое время я заметил, что по залу бродит несколько тёмных фигур. Они подходили то к одному спящему, то к другому. Наклонившись, они как будто что-то говорили спящему человеку. Обступив его с трёх сторон, они нависали над ним, а потом быстро отходили в разные стороны. Проблуждав немыми тенями между скамейками, они вновь соединялись над другим человеком. И так повторялось несколько раз. Один из пассажиров, просыпаясь, перевернулся на другой бок. Фигуры моментально пригнулись, отползли от него и растворились в темноте.

И вот одна из фигур направилась в мою сторону. Это был мужчина, бесшумно передвигавшийся по гладкому вымытому полу. Повернувшись ко мне спиной, он медленно протянул руки к спящему на соседней скамейке. Тот безмятежно издавал булькающие звуки сквозь усы. Руки незнакомца осторожно проникли под одежду спящего. Они медленно переползали от одного кармана к другому. Я широко открыл глаза и увидел, как из кармана ничего не подозревающего человека эти длинные, алебастрового оттенка, пальцы медленно вытянули кошелёк. «Воры», – подумал я и почувствовал, как заколотилось моё сердце. Услышав моё учащённое дыхание, человек, не распрямляясь, развернулся ко мне. Наклонившись, он встретился с моим взглядом. Я, не моргая, смотрел в его худое лицо, покрытое недельной небритостью, и молчал. На меня смотрел мужчина азиатской внешности лет сорока. Он был одет в чёрную куртку. До глаз был надвинут капюшон. Мужчина прижал указательный палец к губам, приподнял плечи и, продолжая смотреть на меня, попятился назад. Обобрав выбранных жертв, фигуры исчезли так же неожиданно, как и появились. Я так всю ночь и не уснул. Вертелся из стороны в сторону.

Утром я сдал вещи в камеру хранения и отправился по магазинам. Отцу я купил часы «Слава», а маме белую пушистую шаль. Зашёл в чайхану и позавтракал. Побродив немного по улицам, я отправился назад.

– Эй, братан! Куда едешь? – подбежал ко мне молодой паренёк в распахнутой рубашке и мятых штанах.

– В Чимкент.

– О, я как раз в Чимкент везу людей. Осталось одно место. Садись быстро и поехали.

Рядом стояли жигули, блестевшие на солнце. В салоне сидели молодые женщины с узелками на коленях. Рядом с водителем было свободно.

– Хорошо, – ответил я: – сейчас за вещами сбегаю.

Усевшись, я настроился на долгий путь. Поездка могла занять около двух часов. Через несколько минут на место водителя влез пожилой узбек с огромным животом. Пропыхтев и степенно распределив своё тело у руля, он бегло осмотрел пассажиров, назвал сумму за проезд и визгливым фальцетом пропищал:

– Поэхали.

Зазывала, получив деньги, побежал к другим машинам.

Зазвучала узбекская музыка, которая не помешала мне заснуть. Проснувшись, я подумал о том, как бы мне начать говорить с родителями так, чтобы не испугать их солдатскими словечками. Я стал представлять себе долгожданную встречу. И вот легковушка, поднимая клубы пыли, подкатила к моему подъезду. В салоне автомобиля я уже был один.

Попутчицы вышли намного раньше. На дворе стоял конец июня. Через открытое окно на меня пахнула чимкентская жара. Два года пролетели так быстро, что и не заметил. Расплатившись, я взял багаж и почти вбежал на четвёртый этаж. У двери своей квартиры я остановился. Чуть постояв, позвонил условным способом: один длинный, два коротких. За дверью я услышал радостный голос отца:

– Сынок приехал! Я пойду открою.

– Да, это Илюша так звонит. Я уже бегу – отозвалась мама со стороны кухни.

Дверь открылась и на пороге я увидел маму. Она была в домашнем халате и в фартуке. От неё пахло чем-то домашним и немного забытым.

– Здравствуй, мама.

– Сынуля, родной!

В её глазах блеснули слёзы и потекли по щекам.

Подошёл отец:

– Ну наконец-таки, сынок! Что так долго? Мы вчера тебя ждали.

– Привет, пап!

Я поставил чемодан и упал в их объятия. Я дома.

МАРИНА ВОЛКОВА

РАСТЕРЯННО БЕЗМОЛВСТВУЕТ НАРОД…

ПОЛЫННОЕ МОЛОКО

Растерянно безмолвствует народ,
Над всей Землёй туман лежит белёсый.
Когда эпохи новый поворот
Толкает заржавевшие колёса,

Расходятся полотна бытия,
И видно вдруг грядущее в прорехи.
В который раз, о, Родина моя,
Ты надеваешь древние доспехи.

Уверенны движения руки,
Хотя глаза под плотным покрывалом.
Не властны над тобой временщики,
Ведь, как обычно, Боги – за штурвалом.

***

Мы через кровь проходим, через боль,
И горький стыд, и сладкий вкус единства.
Мы, как всегда, с тобой и за тобой,
Мы - чада рокового материнства,

Напитаны полынным молоком
И кривдою лукавой - до отвала.
А небо, как и прежде, высоко.
И это всё не раз уже бывало.

Мы жили от войны и до войны,
То в драку лихо рвясь, то в плясовую.
Несчастные «любимые» сыны
(«Кого люблю, того и наказую»).

***

Всё это было. Было, и не раз,
Нам что ни век – то времена лихие.
Такой теперь настал особый час,
Когда тебя вперёд несёт стихия.

Рождаешь в муках новую страну,
Какую – вряд ли нам увидеть сразу.
Я никогда тебя не прокляну,
Ты – выше тех, кто отдаёт приказы.

НЕ НАЙТИ НИ ПОКОЯ, НИ ВОЛИ

Не найти ни покоя, ни воли,
Не вернуть разорённый уют.
Только ветры гудят в чистом поле,
Поминальные песни поют.

Над грядой обречённого стана
Чёрной тучей кружит вороньё,
Там зияет раскрытая рана,
И вся сила уходит в неё.

Души нам поднимают на дыбу
Под снарядов пугающий вой.
Как же скинуть проклятую глыбу,
Что родник перекрыла живой?

Сердце бьётся всё реже и тише,
Задыхаясь от мёртвой воды.
Может, Бог его всё же услышит
И наш мир оградит от беды.

У БОГА ВСЕ ЖИВЫ

Берёзовый шелест негромкий
И звон колокольный вдали.
По небу, по розовой кромке
Куда-то летят журавли.

И падают редкие звёзды,
Как слёзы ушедших отцов.
Куда вы, родные? Ведь гнёзда
Так чутко лелеют птенцов.

Ещё не окрепшие крылья
В полёте – как в шторм паруса.
…На пажити звёздною пылью
Ложится под утро роса.

Так вкрадчиво шепчутся травы,
Что дух замирает в груди,
И лес-богатырь величаво
В тон буйному ветру гудит.

Зелёные эти мотивы –
От предков утешная весть.
Ты помнишь: у Бога все живы,
И чувствуешь – вот они, здесь.

НЕ ТРЕЗВ, И НЕ ПЬЯН

И не трезв, и не пьян -
Как река в заболоченном русле.
Горько плачет Боян,
Уронив наземь верные гусли.

Не поётся ему,
Не слагается сказов о главном.
Нынче в каждом дому
Причитает своя Ярославна.

Грустным вышел бы сказ,
И не стало бы нА сердце легче.
Быть бы рядом сейчас
Всем родным да обняться покрепче.

По весеннему льду
Так легко доскользить нам до точки.
Если эту беду
Поживать будем по одиночке.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРИСОВКА

Брат на брата, как встарь, - новой были примета,
Словно делят кусок пирога.
…Ах, как пахнет цветочное, сладкое лето,
Если выбежать утром в луга!

В этом обществе гибнут всё чаще от страха,
Свято веря в пустую молву.
…А мой друг рассмеялся и скинул рубаху
Да в речную нырнул синеву.

Те, кто громко кричат, слишком часто не правы,
Плохо видится смутной порой.
…Я в венок заплетаю душистые травы
И любуюсь вечерней зарёй.

И когда догорает заката порфира,
Звёздный кубок налив до краёв,
Кто-то тихо поёт колыбельные миру,
Что устал от напрасных боёв.

ДУША ЗАКОНУ ВЫСШЕМУ ВЕРНА

Средь темноты, неправды и разбоя,
Когда ни лат, ни дружеской руки,
Тот не умрёт, кто может быть собою,
Всем временам суровым вопреки.

Не сгинет тот, кто в путь идёт без маски
И, веря в жизнь, всему живому рад,
Растит цветы и дарит миру сказки,
Хотя внутри порой бушует ад.

Ты спросишь вновь: нужны ль сейчас поэты?
Но, хороши они или плохи,
Во тьме - бесценна даже капля света,
В войну - нежней рождаются стихи.

Пусть волшебство упрямый ум разрушит,
Пусть лучший мир пока на грани сна,
Не запереть в темницу боли душу -
Душа закону высшему верна.

НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

Только кажется – воды безмолвны,
Помнит озеро! Помнит и ждёт.
Сядешь рядом, и слышится, словно
Вновь трещит под доспехами лёд.

Завитками узорчатой вязи
Сквозь века говорит береста.
Слышу речь благоверного князя,
Благородна она и проста:

«Други верные! Враг наступает,
Встанем грудью, он нам нипочём,
Ведь всегда от меча погибает
Тот, кто первый приходит с мечом»!

И несут это вещее Слово
От окраин до самой Москвы
И раздольные ветры с Чудского,
И суровые волны Невы.

По-старинному вдруг запоётся -
Словно пух на ладони, века.
И душа, как гармонь, развернётся,
Во всю Землю она широка.

ПРИ ДЕФИЦИТЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

При дефиците человечности
Средь злобы, тьмы и пустоты
Есть ощущение конечности,
И не хватает доброты.

Отбросив грусть и сожаления,
Не сея гнев, не веря в ложь,
Ценить бы каждое мгновение,
Пока и дышишь, и живёшь.

Лишь краткий миг до часа грозного,
Всё может сгинуть и пропасть.
Напиться б вдоволь света звёздного,
Цветами надышаться власть.

Любимых обнимать и радовать,
И свет не прятать – отдавать,
И о грядущем не загадывать,
А просто – петь и танцевать

Сквозь страх и боль, над гранью зыбкою,
Где в битве сходятся миры.
А если умирать – с улыбкою,
Что не сломался до поры.

ГОРОДА И ВЕСИ

МАРИНА СТРУКОВА

СРЕДИ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ. СВ. САЛАМАН БЕЗМОЛВНИК

Выжженные солнцем холмы, деревья с пыльной листвой. Узкая дорога, где босые ноги легко поранить о камни. Когда старец Саламан проходит здесь, то наклоняется и убирает их с пути, дабы не навредили другим. Но несть камням числа.

– Словно грехам, – думает Саламан. – Мы не замечаем, как часто грешим.

Позади город Самосата, где он купил припасы и масло для светильника. В стороне деревни Каперсана и Кипос. Здесь, у истоков Евфрата, он выбрал житие пустынника.

– Отче, подожди. – Кричит кто-то вслед. – Ты так быстро идёшь, словно летишь.

Саламан не раз слышал такое, но считает, что людей морочит бес. Сам старец ощущает тяжесть в ногах. он останавливается, оборачивается и видит знакомого башмачника.

– Отче, ты сказал, чтобы я принял назад жену-изменницу. Я простил её. Что ни говори, у нас общие дети. Теперь она покорна и заботлива.

– Слава Богу, ступай с миром. – Отвечает Саламан, но в душе радуется за собеседника. Башмачник ускоряет шаг, улыбаясь в бороду.

– Отче, подожди. – Снова за спиной оклик. – Ноги твои не касаются земли! Убегаешь от меня?

Саламан останавливается, оборачивается. Перед ним хлебопашец из Каперсаны. На загорелом лице – обида.

– Ты велел мне простить вора, который украл мешок зерна. Но вор явился снова. Ты приводил слова Иисуса, что брата своего надо прощать до семижды семи раз. Но если снова прощу этого подлеца, он унесёт весь урожай. Чем буду кормить детей?

– Я отвечал тебе как монах. У меня никогда не было семьи. – Саламан чувствует себя виноватым.

– Поистине! – Раздраженно бросает крестьянин. – Я ходил к сельскому старосте, пусть прикажет, чтобы вору отрубили руку! Твоё милосердие не от мира сего, вот и держи его при себе.

Саламан глядит вслед, собеседник уходит не прощаясь. Миряне вымаливают у старца совета, но не все потом благодарят.

– Господи, добрые люди не хотят жить своим умом, а потом винят меня в неудачах. Что делать? – Саламан поднимает глаза к безмятежному небу.

Он поселился вне деревни, в горах, но земляки вовлекают его в свою жизнь. Чем большим уважением старец пользуется, тем меньше времени на молитву. Они уже славят его как прозорливого, твердят о чудесах, происходящих вокруг его хижины. Вот и она – жалкое строение, боком приткнувшееся к скале.

– Так я опираюсь на веру, – думает Саламан.

На полу охапка травы. На низком столе светильник и кувшин с водой. Очаг из нескольких камней. Саламан хочет сварить кашу. Но сначала следует поблагодарить Бога за благополучное возвращение. Едва старец преклоняет колени, как слышит голоса. Он поднимается, открывает дверь. Перед ним стоят старая крестьянка и юная девица.

– Отче, к моей дочери сватаются двое – начальник деревенской стражи и купец. Кого выбрать? Оба богаты. – Деловито спрашивает старуха.

Девица вскидывает на старца дерзкий взгляд, но быстро опускает ресницы. Она одета в яркое платье, покрывало то и дело соскальзывает с кудрявой головы и мать досадливо, рывком поправляет его.

– Я знаю обоих женихов, – отвечает Саламан. – Начальник стражи гневлив, а купец смиренный человек.

– Отче, купец стар, а начальник стражи такой бравый в блестящей кольчуге. – Вырывается у девицы.

– Молчи, негодница. Как скажет старец, так и будет. – Мать готова ударить дочь.

Саламан подавляет раздражение. Какой смысл советовать, если в семье нет лада, а после свадьбы жена сбежит от мужа?

– Решайте сами, добрые люди. – Отвечает он.

– Жалеешь несколько слов для бедных женщин? – Восклицает старуха. – А ведь твои родители были моими соседями!

Дёргая дочь за руку и бранясь, мать уводит её, девица огрызается и вырывается.

Может быть, Саламану следует уйти ещё дальше в горы, ибо мир преследует его своими дрязгами? Но он сомневается, что способен

добывать пищу, карабкаясь по утёсам, и тем паче не ждёт, что хлеб ему будет приносить ворон, как пророку Илие в изгнании.

Будучи моложе, Саламан дерзал проповедовать. Ему казалось, что делится знаниями о Боге, но теперь пытается уличить себя.

– Признайся, тебе нравилось почтение земляков? Не только безграмотные крестьяне, но и вельможи из Самосаты являлись сюда ради твоих речей. Грешен, грешен во многоглаголании, пустословии. Источник бесполезных поучений, зерцало мирской гордыни. Ты и сейчас говоришь!.. – Саламан зажимает рот ладонью. Эхо угасает вдали.

Сатана у каждого находит слабое место, чтобы сбить с пути истинного. И у скромного монаха отыскал. Но довольно. Он даёт обет молчания. Что бы ни происходило вокруг, Саламан не вымолвит ни слова.

А если к нему начнут приходить и стучать? Стучащему – отвори, сказано в Писании. И значит, не укрыться от гостей. Просящему – дай, и значит снова придётся раздавать советы.

Так пусть не будет двери!

Саламан разводит в глубокой чаше глину и песок, снимает дверь с петель и начинает закладывать проём камнями. Бежишь от мира – беги, не оглядываясь.

Оставляет лишь оконце, которое легко закрыть камнем. Но позади строения, под стеной есть узкий лаз, оттуда можно выбраться и спуститься к ручью за водой. Лаз Саламан тоже загораживает камнями изнутри, чтобы не было заметно. Сидя у оконца, читает свиток – размышления такого же отшельника, или творит Иисусову молитву. Порой слышит голоса незваных гостей. Знакомые тревожатся, что с ним что-то произошло. Он открывает оконце и машет им:

– Уходите!

Отшельник не знает, что в родном краю о нём кипят споры.

– Наш любимый старец не хочет говорить с нами. Мы не ценили его. – Рассуждают жители.

– Давайте обратимся к уважаемым людям из города Самосаты, они тоже знают Саламана. Пусть придумают, как воздать ему честь. – Предлагает староста, человек хитроумный.

Слово за слово, слухи о мудром отшельнике доходят до епископа и градоначальника.

Однажды утром Саламан слышит множество голосов. Вдруг его задумали изгнать? Открывает оконце. Впереди шествует епископ Самосаты в сверкающей ризе. По бокам идут два священника и несколько молодых служек, несущих иконы и подсвечники, чашу для причастия. Раньше Саламан видел столько служителей церкви лишь в Самосате на большие праздники.

Следом спешат его земляки и приближенные градоначальника. Толпа останавливается. С уст Саламана едва не срывается вопрос. Епископ выходит вперёд.

– Радоваться тебе, праведный Саламан. Слух о твоих молитвенных трудах и боговдохновенной мудрости достиг нашего града. Решено рукоположить тебя в священники. Будешь окормлять паству в Каперсане и окрестных деревнях.

Саламан в растерянности. Если была Божья воля стать священником, отчего к нему пришли только после обета молчания? Кто проверяет его твёрдость? Бог или Диавол?

На всякий случай он машет рукой и закрывает оконце камнем. Но в стену начинают настойчиво долбить кирками. Возникает проём, через который, пачкая ризы в пыли, протискивается епископ и его спутники. Саламан покорно поднимается. Склонив голову, выслушивает молитвы и наставления сановитого гостя, а затем ликующие крики земляков. Отныне он священник.

– С амвона заговорит! – Радуются свой находчивости почитатели старца.

Когда толпа скрывается за уступом скалы, Саламан, стараясь не роптать, закладывает дверь камнями. А в краю снова начинается волнение.

– Почтенного Саламана рукоположили, но он не хочет служить в церкви. Почему ему постыла Каперсана? Над нами смеются, говорят, святой человек прячется от нас. – Обижаются жители.

– Давайте построим ему дом в деревне. Здесь он узнает нашу заботу. – Предлагает староста. И все дружно берутся за дело.

Саламан постился три дня и, кажется, ему нет нужды в пище. Он ощущает силу и лёгкость необыкновенную, ибо дух его стал могуч. Завеса бытия, скрывающая Бога, истончилась. Должно быть в такие часы людям являются ангелы! Саламан пытается представить, как это происходит: в сумраке появляется искра, разгорается ярче, сияние заливает всё вокруг, и в этом сиянии начинает вырастать крылатое существо. Да, сейчас он увидит чудо!..

Вдруг раздаётся топот ног, Саламан вздрагивает, выглядывает в окно. Из-за поворота появляется группа мужчин. Они весело переговариваются. Окликают старца, а когда он не отвечает, начинают долбить каменную кладку.

– Оставьте меня в покое, добрые люди! Здесь, в одиночестве, я надеюсь услышать глас Божий. – Хочет объяснить Саламан, но должен молчать. Земляки снова вломились в хижину. Его берут под руки и ведут. Куда?

– Отче, ты ушёл из Каперсаны ибо разрушился дом твоих родителей? Мы построили тебе новое жилище. Пусть наше селение прославится твоей святостью. – Поясняют ему.

Саламан сокрушенно качает головой, пытается остановиться, но добрые люди влекут его за собой.

– Мы будем носить тебе воду, печь хлебы, варить еду. – Обещают они.

Саламан готов взбунтоваться. Он искал испытаний, истязал себя голодом, не спал, чтобы стяжать награду свыше. А его искушают земными благами.

– Если не хочешь говорить, не говори. Только иногда благословляй. А уж мы постараемся! – Горячится ткач. Саламан видит на своих плечах плащ из тонкой шерсти.

– Если ты будешь жить в селе, на наши ярмарки будет приезжать больше народу. – Замечает хозяйственный староста. Но другие начинают осуждать его жадность. Наконец входят в Каперсану.

– Вот твоя келья. Хороша?

Саламан сокрушенно разглядывает крепкий дом, где есть очаг, уютное ложе, стол, лавка и все для обихода.

Ранним утром он начинает закладывать дверь камнями. Постепенно вокруг собираются жители Каперсаны.

– Смотрите, старец опять за своё!

– Понятно, отчего он замуровал вход в лесу. Ведь там разбойники. Но здесь зачем? – Обиженно спрашивает у окружающих булочница.

– Чтобы вы, болтливые женщины, не мешали молитвам. – Усмехается староста.

– Кто бы говорил! – Вспыхивает булочница. – Он закрывается от вас, ведь мужчины способны повздорить даже с праведником.

Прощай, дивная мати-пустыня! С утра до вечера Саламан слышит скрип телег, разговоры, стук кузнечного молота. Ветер приносит дым от очагов, аромат пряностей, запах навоза и гнили. Старец не может сосредоточиться на молитве, но нужно учиться – ведь ему предстоит жить среди этих добрых людей. Говорили святые отцы, что в миру спасаться трудней.

В первый день к хижине прибежали ребятишки. Пели шутливые песенки, пока не разогнал прохожий.

На второй день в соседнем дворе резали свиней, те визжали. Потом пахло палёной щетиной.

На третий день явился пьяница, каялся и требовал отпустить грехи. Вопрошал, уважает ли его старец.

Нужно охладеть разумом и окаменеть сердцем, дабы ничто не смущало – решает Саламан. Постепенно внешний шум становится

привычным. Перед внутренним взором больше не возникают яркие картины. И если вблизи щебечут девушки, он уже не представляет их знойной красоты. И если неподалёку дерутся парни, уже не хочет пристыдить их.

В молодости Саламан представлял путь ко спасению размеренно-величавым, отрешённым от забот. А пришлось всю жизнь брести по острым камням.

На седьмой день, когда старец примирился с переменами, в хижину влетели роящиеся пчёлы. Собрались в жужжащий клубок за очагом. Следом прибежал пасечник, умоляя собрать их в корзину и подать через окно. Жалок человек. Едва Саламан решил, что научился безмятежности, как пчёлы заставили сердце сжаться от страха – вдруг набросятся? Но сумел собрать их, обмотав руки тканью, вернуть пасечнику.

Господь говорит с нами поступками окружающих – думает Саламан. – сейчас он обличает:

– О, самонадеянный! Легко соблюдать обет молчания в лесу. Попробуй в миру!

Саламану то и дело приносят угощения. Он не ест мяса и сыра, ему довольно каши из зерна, но людям этого не объяснить. Они будут оскорблены отказом.

Скоромную пищу он по ночам выносит за хижину, протискиваясь в лаз. Каждый раз она исчезает, а однажды он видит за хижиной камышового кота. Тот хром, припадает на заднюю лапу. Наверное, не может охотиться, поэтому поднялся от Евфрата к деревенским дворам, ищет отбросы.

Теперь, покидая келью, Саламан невольно ищет взглядом зверька. Старец ощущает, что победил все тревоги. Но что не позволяет ему полностью раствориться в мёртвом бесстрастии? Мысль о коте. Поел ли он? Жив ли? Никто в деревне не обрадуется дикому зверю – у добрых людей много домашней птицы. Однажды слышит яростный собачий лай за хижиной. Саламан открывает лаз и туда ныряет камышовый кот. Собаки умолкают.

– Я не впустил по доброй воле даже епископа! Но открыл коту... – Вздыхает старец. – Божьей твари грозила смерть.

Кот забился в угол, следит за хозяином круглыми глазами.

– Ты теперь не хромаешь. Возвращайся к Евфрату. – Хочет сказать Саламан. – На берегу найдёшь убежище, а в воде рыбу.

Кот настороженно обходит комнату, успокоившись, садится и умывается. Он тоже предпочитает молчать.

Через месяц, ночью старца будят крики. За оконцем пляшет пламя.

– Началась война? Или пожар? Или мор? – Саламан поднимается с ложа, смиряя чувства. Его не должны страшить бедствия, ибо важна судьба души, а не бренного тела.

В стену начинают долбить кирками. На пол катятся камни. В хижину протискивается коренастый незнакомец.

– Почтенный Саламан! Мы, жители селения Кипос, решили, что нам тоже нужна толика святости. Живи у нас! Довольно мучиться в Каперсане, где разводят грязный скот. Ты постник, тебе нужна рыба, а мы рыбачим. – Заявляет незнакомец.

– Прочь, вор и негодяй! – Кричит на незнакомца староста Каперсаны. – Бог благословил нас этим старцем. Да, мы – скотоводы, народ трудолюбивый, а вы рыбаки – лентяи, привыкли дремать в лодках. Хотите, чтобы старец вымаливал вам улов? Сами стяжайте святость!

– Я староста Кипоса. Отчего ты решил, что Бог благословил именно вас? Вы насильно затащили беднягу к себе. Давайте послушаем Саламана, хочет ли он остаться?

– Ради тебя праведник и слова не вымолвит. – Бросает староста Каперсаны.

– А с тобой зазорно говорить даже грешнику. – Усмехается староста Кипоса.

Они хватают друг друга за одежды. А на улице уже идёт драка. Саламан падает на колени и начинает молиться – не таким видит он христианское рвение. Устыдившись, старосты смолкают, выходят из хижины урезонить добрых людей. Шум стихает.

– Пусть старец немного поживёт у вас. – Смиряется староста Каперсаны.

– Увидите, у нас ему будет хорошо. – Обещает староста Кипоса.

Саламана берут под руки и влекут к носилкам с резной спинкой. В таких рабы переносят вельмож. Он покорно садится в носилки. Видит сверху толпу и факелы. На плоских крышах стоят сонные дети, Саламан осеняет их крестным знамением.

Дорога вьётся среди оливковых рощ. Под луной серебрится листва и склоны холмов.

Старец оглядывается. Следом крадётся кот.

– Вера без дел мертва. Людям, чтобы оживить добродетель, Бог послал меня, угрюмого отшельника. А отшельнику, чтобы не очерствел душой, простого кота. О каждом творении – особый промысел. Сразу не разгадать.

Старец улыбается. Река отражает ангела.

ЕВГЕНИЙ МИРМОВИЧ

ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ

Полусгнившая жёлтая маршрутка, пахнущая грязной ветошью и соляркой, тряхнула кузовом и завелась, подрагивая под мерный рокот не убиваемого японского дизеля.

– До города доеду? – спросил я, открыв переднюю дверь кабины.

– Конечно, доедешь, мой дорогой, садись, – ответил бородатый брюнет с лёгкой проседью в густых волосах и добродушной улыбкой.

Пока я рылся в бумажнике, оплачивая проезд, маршрутка пополнилась ещё несколькими пассажирами, и мы поехали.

За окнами понеслись вереницы тёмно-зелёных кипарисов, маленькие покосившиеся домики, утопающие в зарослях винограда, а вдалеке, за холмами виднелись заснеженные вершины гор, сияющие на фоне прозрачного синего неба.

Бородатый водитель бесцеремонно курил в кабине и оживлённо разговаривал по телефону. Всё существо его изнемогало от потребности жестикулировать. Руки были заняты, и чтобы выпустить эмоции он раскачивал головой, добавляя к своей речи восклицания, которым каждый раз придавал разный оттенок.

Его протяжное «Ай» то имело характер возмущения, то радости, то сожаления.

– Гоча, возьми за проезд, – послышалось из салона. Водитель протянул назад руку с телефоном, и свободным пальцем подхватил предназначенную ему купюру.

– Тебе у больницы остановить? – спросил Гоча, не оборачиваясь.

– Да, к дяде Артуру еду, – ответил голос.

– Скажи ему, пусть перестанет валять дурака и натирает колени настойкой из адамова яблока, а то его не выпишут и к свадьбе Марьяны. Дай Бог ей вырасти первой красавицей!

– Обязательно передам. Брату твоему привет! – пассажир выскочил, хлопнув дверью.

Гоча объехал двух вальяжно лежащих прямо на дороге тёмно-бурых коров, и мы снова помчались меж кипарисов. Бородач по-прежнему беспечно болтал по телефону, успевая постоянно сигналить в знак

приветствия проезжающим навстречу машинам. Заметив на обочине сгорбленную спину старика с котомкой в руках, Гоча резко принял вправо и остановился. Дед, кряхтя и чертыхаясь, забрался в маршрутку.

– Ох, спасибо сын. Возьми вот, пожалуйста, – дед протянул водителю измятую бумажку.

– Да что ты, отец? Тебе не надо платить. Скажешь, где выходить, я поближе подвезу.

– У дома Серго мне надо выйти. Знаешь? У водокачки.

– Конечно, знаю. Присядь отец, сейчас быстро поедем.

За окном вновь замелькали деревья и горы. Наговорившись вдоволь по телефону, Гоча запел. Сначала тихо, как будто бы только для себя, сбиваясь и хрипя, потом всё громче, чисто и с душой. Покачивая головой, он выводил протяжный и грустный напев. Я не понимал слов, но если бы мне нужно было подобрать слова к этой мелодии, то это были бы слова об утраченном счастье, потерянной любви или далёкой родине.

Внезапно за моей спиной песню подхватил женский голос. Он бережно встроился в мотив, будто обвивая мужской вокал, как лоза винограда обвивает прочный ствол дерева. Через мгновение ещё несколько голосов слились в песне, сделав её широкой полноводной рекой.

Мне, столичному жителю, привыкшему к людской разобщённости и равнодушию, казалась добрым сладким сном эта страна белоснежных гор, остроконечных кипарисов и простых открытых людей, не ведающих высокомерия и взаимной вражды.

– Гоча, останови у старого вокзала, – послышался женский голос.

– А у вас здесь что ещё и новый есть? – усмехнулся Гоча, недовольный тем, что пришлось прервать песню.

– Нового вокзала не увидят даже мои внуки, – послышалось в ответ, – но этот-то весь развалился, значит, он старый.

– Пусть будет по-твоему. Сейчас подъеду к самому вокзалу.

У вокзала вышло большинство пассажиров, и мы с Гочей остались в маршрутке вдвоём.

Вдоль дороги замелькали полуразрушенные постройки, корпус завода с выбитыми окнами и серый ангар с надписью «Автомойка», где буква «й» была написана с перекладиной в обратную сторону. Возле надписи, уткнувшись в мобильные телефоны, сидели на корточках два молодых парня.

Я невольно усмехнулся, заметив забавную неграмотную надпись. Гоча недовольно хмыкнул в ответ на мою улыбку.

– А что ты хотел? Они после войны родились. Школы все разрушены. Где им было толком учиться?

– Понимаю, – ответил я сочувственно.

– А тебе куда ехать-то? – спросил Гоча через некоторое время.

– Мне к дому доктора Давида. Знаешь?

Гоча от удивления перестал следить за дорогой.

– Ты с ним знаком? Он же никого к себе не пускает.

– И я не знаю, пустит ли. Читал его книгу. Написал ему письмо. Он ответил, что будет рад, если я заеду. Вот и всё.

– У нас не каждый может похвастаться тем, что видел доктора Давида. Он что-то вроде отшельника, почти святой.

– Возможно, я не всё знаю, но у него очень интересная книга о войне. Я читал её, и хотел встретиться с автором лично.

– Люди говорят, что Давид лечит гипнозом. Правда, я в это не верю. Но если ты пойдёшь к нему, и он тебя пустит, разреши мне пойти с тобой. У меня зуб по ночам ноет уже вторую неделю. Может, Давид снимет мне боль.

– Да, пожалуйста.

Ещё какое-то время мы ехали молча. Потом внезапно Гоча сбавил скорость и начал протяжно сигналить. Я осмотрелся по сторонам, но никакой аварийной ситуации на дороге не заметил. Машины, следующие по трассе за нами, проделывали ровно то же самое. Сбрасывали скорость и сигналили.

– Что это значит? – спросил я из любопытства у Гочи.

– Вертолёт, – спокойно ответил он.

– Где вертолёт?

– Здесь. Ах да, ты не местный, не знаешь. Во время войны враги сбили в этом месте наш вертолёт. В нём перевозили женщин и детей подальше от линии фронта. Там было тридцать восемь женщин и детей. Убийцы знали об этом и всё равно сбили. Вот здесь они все и погибли, – Гоча указал рукой на пригорок.

Оставшуюся часть пути мы не разговаривали. Вершины гор были, как прежде, величественны и прекрасны. Я смотрел на них и испытывал искреннюю симпатию к этому простому, открытому и дружелюбному народу, заплатившему немалую цену за свою независимость.

Через некоторое время мы подъехали к маленькому дому из красного кирпича, обвитому виноградом. Его окно, выходящее на улицу, было открыто. В нём развивалась на ветру белая занавеска. Кирпичная стена вокруг оконного проёма была вся сплошь изрешечена следами пуль. Видимо, по этому окну долго, хотя и не слишком прицельно, работал пулемёт.

Мы вышли из машины, и подошли к маленькому, увитому плющом крыльцу. На пороге нас уже встречал невысокий человек лет семидесяти с белой от седины головой и большими живыми и невероятно глубокими

чёрными глазами. Его взгляд не был враждебным, но был строг, печален и как будто заведомо знал о нас всё. Поверх его плеч было накинуто длинное чёрное пальто, полностью скрывающее под собой фигуру.

– Меня зовут Евгений, я писал вам о встрече, – начал я, протягивая руку для приветствия.

Давид ответил мне лишь неуловимым одобрительным движением глаз, но руки не подал. Гоча, увидев мою протянутую ладонь, поспешил меня одёрнуть за рукав. Не зная местных обычаев, я отнёсся к этому спокойно. Давид пригласил нас в дом, и мы прошли в маленькую, чисто убранную комнатку с железной кроватью и накрытым белой скатертью столом. В углу тлела лампада возле иконы Богородицы, а на стене висели несколько пожелтевших фотоснимков советских времён.

Мы сели за стол. Я заметил на лице Гочи сильное волнение. Он смущённо убрал свои руки под свисающую со стола белую скатерть и нервно подёргивал губами.

– На меня произвела большое впечатление ваша книга, – начал я, обращаясь к Давиду.

– Выбрось её, я написал дрянь, – сухо ответил Давид, но взгляд его оставался приветлив, – если бы я не читал твоих рассказов, то вообще не стал бы с тобой на эту тему разговаривать.

– Я хотел спросить у вас Давид об эпизодах, которые, как мне показалась, не вошли в книгу.

– Послушай, ты же из Питера? – глаза Давида оживились при этих словах и даже немного помолодели.

– Да.

– Я окончил Ленинградский медицинский институт в семьдесят шестом году. Мы очень любили гулять белыми ночами после экзаменов. Какое это было время, если бы ты знал. Одна гитара и пятнадцать голосов со всех республик союза. Пели по ночам песни Визбора на стрелке Васильевского острова, – взгляд Давида устремился поверх моей головы и потерялся за окном.

На пороге комнаты появилась молодая женщина. В её руках был поднос, на котором стояли три стакана красного вина.

– Давид, мне кажется, что-то помешало вам написать в своей книге всё, о чём хотелось? «Или у меня сложилось неправильное впечатление?» —спросил я, желая вывести хозяина на интересующую меня тему.

– А ты сможешь ли написать? – воскликнул Давид, – ты тоже не напишешь то, что нужно писать об этом.

Давид сделал глазами знак женщине с подносом, и та подошла ближе. Она поставила один стакан перед Гочей, другой передо мной, а третий продолжала держать в своих руках.

– За мирное небо над вашей Россией. «Мудрости вашим детям и здоровья старикам», —произнёс Давид.

Женщина поднесла стакан с вином к его губам.

Он запрокинул голову и выпил до дна. После этого его плечи дёрнулись, и чёрное пальто упало на пол. Я обомлел. Вместо рук висели худые обрубки, которые заканчивались чуть ниже локтя.

– Ты спрашиваешь, о чём я не написал? А о чём вообще говорить? Я врач. Я не воевал. Больницу, которую я создавал много лет, сровняли с землёй. Раненных с фронта везли прямо ко мне домой. Я оперировал здесь, в этой комнате. А там, – он указал глазами на соседнее помещение, – был морг. Я работал по двадцать часов в сутки. В моём саду хоронили наших ребят, которых я не сумел спасти. Эти доски на полу пропитаны их кровью насквозь. Кровью наших мальчишек.

Давид резко встал и подошёл к иконе, висевшей в углу. Он стоял ко мне боком, но я видел, как двигаются его губы. Гоча был бледен и не смел пошевелиться.

Через некоторое время Давид вернулся за стол и продолжил.

– Ты хочешь знать, о чём я не написал? Ты чувствуешь, что я не сказал всё? Так я тебе расскажу. Писать у нас об этом нельзя, но говорить мне никто не запретит. Когда наши ополченцы отступали, я не смог уйти с ними. В доме оставалась моя парализованная мать, которую я не мог бросить. Всё произошло быстро, за один вечер. Передо мной появились эти люди. В такой же, как у нас форме с таким же оружием. Они волокли за собой раненых бойцов. Я не успел вымыть здесь пол, как в моей операционной уже лежали их покалеченные парни. Это были обычные мальчишки, понимаешь?

Давид встал и нервно заходил по комнате.

– Они точно так же, как и наши, были изуродованы осколками. У них точно так же торчали переломанные кости из-под обгорелого, прилипшего к телу окровавленного камуфляжа. Они так же звали на помощь своих матерей и плакали, не желая умирать в девятнадцать лет. Понимаешь ты меня?

Давид снова подошёл к иконе и плечи его задрожали. Спустя минуту он резко обернулся ко мне и продолжил.

– Я окончил Ленинградский медицинский институт. Я давал клятву лечить. А они умирали на моих глазах. У каждого на шее был крестик и оберег, повешенный матерью в надежде на спасение. И я спасал. Я работал, как прежде, по двадцать часов в сутки. И их тоже хоронили в моём саду. Вот там, – он указал глазами за окно, – я не знаю, сколько в этом саду наших, а сколько чужих, мне некогда было считать.

Лицо Давида стало багровым, и большие чёрные глаза наливались какой-то неистовой злостью. Казалось, он был готов воткнуть нож в сердце войны, если бы у неё было тело. Если бы оно было, Давид точно нашёл бы в нём сердце, для меткого удара штыком.

– Мой отец был хирургом на Сталинградском фронте, – продолжил Давид, – он говорил, что безошибочно отличал дезертира от героя при операции. Немецкие пули и осколки отличались от наших. Ему не составляло труда определить, выстрелом из какого оружия был ранен боец. А я вынимал одинаковые пули из людей, одетых в одинаковую форму, говорящих на одном языке. Из людей одной веры, которую все они предали, потому что люто ненавидели друг друга. Кто-то запустил эту цепочку злодеяний, и ненависть стала настоящей. А я перестал видеть между людьми разницу. Я лечил их, выполняя свой человеческий долг, и был жестоко наказан за это.

Я заметил, что женщина, приносившая вино, вернулась в комнату и присела у порога. Только теперь я увидел, что вся левая сторона её лица искажена последствием глубокого ожога.

– А потом вернулись наши, – продолжил Давид, и я почувствовал сарказм в его голосе, – вернее, наших там было уже меньше половины. Остальные наёмники из других стран. Они сочли всех, кто оставался в оккупации предателями. Жгли дома, стреляли всех без разбора. Их ненависть не имела границ. Среди них я узнал одного лейтенанта, которого оперировал полгода назад после тяжёлого ранения. Теперь он был полковником и командовал расстрелами на футбольном стадионе, где казнили всех, кто казался им подозрительным или просто возражал против грабежа и насилия. Я же, лечивший врагов, был предателем номер один. Моя участь была решена, – глаз Давида задёргался, и он отвернулся в сторону.

Гоча нервно мял кисти рук, не находя им места. Он поглаживал ладонями колени, потом бороду и снова сплетал дрожащие пальцы в тугой узел.

– В моём доме оставались двое тяжело раненных бойцов, – произнёс Давид сдавленным голосом, – враги попросту бросили их при отступлении. Мне приказали отвезти их на тележке в парк культуры, где зарывали трупы и сбросить в яму. Затем дали в руки лопату и приказали закапывать. Тот самый, спасённый мною молодой полковник, приставил дуло автомата к моему затылку и посоветовал лечь в яму к своим пациентам, если я не захочу взять в руки лопату. А из ямы на меня смотрели с ужасом глаза человека, самочувствием которого я интересовался несколько часов назад. Человека, которого ещё утром я укорял за не вовремя принятое лекарство и радовался, что его состояние стабилизировалось. Теперь я смотрел на

него сверху, и в моих руках была лопата. А в его глазах была жизнь, за которую он цеплялся из последних сил, умоляя взглядом не убивать его. И я цеплялся за свою жизнь, потому что я не герой. Как все люди я боюсь смерти, тем более глупой и напрасной. У меня не хватило духа лечь в яму рядом с ним и я, зажмурив глаза, начал закапывать. Песок был сырым и тяжёлым. В нём попадались камни, и я слышал только лязг моей лопаты, ударявшейся о них. Этот звук до сих пор стоит в моих ушах. Иногда я слышу его по ночам, и тогда я бужу Динару и заставляю её громко петь мне.

Присевшая на пороге женщина с обожжённым лицом молча кивнула в подтверждение его слов.

– А после меня отволокли на проспект Героев. Он и тогда так назывался. В честь павших героев Великой Отечественной, когда и мы, и наши теперешние враги были по одну сторону фронта. Там меня, как и многих других, привязали к фонарному столбу. Мои руки были связаны с обратной стороны столба проволокой. Командовал всё тот же полковник, вчерашний лейтенант. А я вспоминал, как собирал по частям его ногу, вынимал осколки из живота и зашивал кишечник. Я до сих пор отчётливо помню его кишечник. Помню каждый сантиметр его бедренной кости, собранной мною, на последнем, оставшемся в моём доме штифте. А теперь он командовал расстрелом и не обещал нам лёгкой смерти. Все, кто висели на столбах левее меня, поэтапно были облиты бензином и подожжены заживо. Когда загорелась привязанная рядом со мной женщина, я понял, что жизни не спасти, и лучше было принять смерть, оказав сопротивление в самом начале. Но разве я мог знать всё заранее?

Женщина с обожжённым лицом, сидевшая на пороге, прикрыла глаза руками и поднялась с места.

– Не слушай меня Динара. Незачем.

Динара с тревогой посмотрела на Давида и молча вышла.

– В тот момент, когда я это понял, начался ураганный обстрел. Выбитые из города враги работали по нам «Градом». Я тогда уже отличал эту смертельную машину от других по звуку. Где-то сзади прогремел разрыв. Я увидел красные отблески в окнах дома напротив. Тут же эти окна стали пустыми, а меня как будто что-то ужалило сзади. Словно огромная собака укусила мои связанные за столбом руки. В ту же секунду я упал на землю лицом и потерял сознание. Потом, в госпитале мне говорили, что фонарный столб сохранил мне жизнь, прикрыв спину от осколков. Но руки так и не сберегли. Хотя я говорил этим коновалам, что нужно было делать.

Давид снова вскочил и нервно зашагал по комнате.

– Они прислушались к моим словам, лишь, когда спасали женщину, обгоревшую на соседнем столбе. Она осталась жива. Пойди сюда Динара. Я не стану больше ничего говорить. Помоги мне надеть пальто.

Давид поднялся из-за стола и направился к выходу. Мы как заговорённые последовали за ним.

Во дворе дома возле умывальника были прибиты к стволу дерева опасная бритва и расчёска.

– Я многое делаю сам, – заявил Давид, в ответ на удивлённые взгляды при виде приколоченной расчёски.

Динара обняла Давида за плечи, и прижалась щекой к его затылку.

– Напиши там, как сможешь, у вас, наверное, разрешат – сказал мне на прощание Давид.

– Попробую, – ответил я.

– А за больной зуб не беспокойся, – обратился Давид к Гоче, – он тебе ещё послужит, главное – не спеши удалять. Сейчас не болит?

Гоча удивлённо вытаращил глаза и отрицательно замотал головой.

Вот и не будет больше, – заключил Давид, закрывая за нами калитку.

Пропахшая соляркой жёлтая маршрутка задрожала ветхим кузовом и завелась. Мы ехали молча, и белоснежные вершины гор были по-прежнему прекрасны. Но сопки были где-то высоко, а обшарпанный салон маршрутки постепенно заполнялся пассажирами. Они не замечали нашего с Гочей молчания. В них кипела сегодняшняя свежая жизнь. Двое мужчин обсуждали, откроется ли после ремонта баня к ближайшим выходным. Женщины сетовали, что тётя Тамара перестала торговать на рынке сметаной. Одни говорили, что у неё заболела корова. Другие судачили, что к Тамаре привезли из города пятерых внуков на каникулы и теперь сметана ей нужна сомой.

Я смотрел на пролетающие мимо кипарисы и вспоминал о военных складах, где мне прежде приходилось бывать. Там хранятся тысячи комплектов для систем залпового огня «Град». Они лежат там не напрасно. Когда-то снаряды будут выпущены. Пролетят ли они мимо внуков тёти Тамары? Кто из этих ребят за полгода станет из лейтенанта полковником? Им неизбежно придётся соприкоснуться с какой-либо войной. Будут ли на этой войне все пули одинаковыми, или судьба подарит благоразумие будущим поколениям?

– Мне эта баня нужна как воздух, – услышал я мужской голос позади себя, – без парилки у меня спину ломит. Это с войны ещё. Два осколка вынули, а третий во мне. Теперь, после ремонта баня наверняка дороже станет. А где деньги брать? Хорошо тебе, ты полковник, герой войны у тебя мытьё бесплатно, – говорил незнакомец своему соседу.

– Знал бы ты, как я этого героя получил. За полгода из старлея полковником просто так не становятся. Я бы с удовольствием променял своё ветеранское удостоверение на твою нищету, – ответил хриплый басок позади.

Мне очень хотелось обернуться, чтобы увидеть этого человека. Но я не стал на него смотреть.

ИВАН КАТКОВ

ПАССАЖИР

Из командировки батя вернулся не один. Из-за его сутулой, как калач, спины показалась круглая физиономия с седоватой бородкой клинышком. Гость шагнул в сторону. У него были черные мышиные глазки, залысины на широком лбу; тучная, маленького роста фигура туго упакована в синий спортивный костюм.

– Нин, знакомься, это Леонид, – сказал батя, – он поживет у нас пару дней.

Толстяк неуклюже снял с плеча дорожную сумку и кивнул:

– Очень приятно.

– Здравствуйте, – неприветливо ответила мама. – На пару слов, Миш, – и увела отца на кухню, плотно закрыв дверь.

Я остался в тесном коридоре нашей хрущевки с этим странным мужиком. Он с трудом вылез из потрепанных кроссовок, прихрамывая, приблизился ко мне и протянул ладонь, скользкую и мясистую.

– Как звать?

– Кирилл, – пожал руку я.

– Молодец! – чему-то обрадовался толстяк. – А я дядя Лёня.

Из кухни доносился мамин голос, хотя она старалась говорить как можно тише:

– Нет, у нас что, ночлежка? В конце концов, где мы его положим? И вообще, может он жулик. Откуда он? Кто он такой?

– Успокойся, это мой попутчик. Очень порядочный человек, просто попал в трудную ситуацию. Ему надо помочь.

– О, Господи… – вздохнула мама.

У меня была интеллигентная семья. Мама преподавала русский язык и литературу в пединституте, отец работал инженером на заводе «Химмаш». Я учился в девятом классе и всерьез увлекался музыкой. Неплохо играл на гитаре и синтезаторе. Вслед за своими кумирами – Цоем, Шевчуком и БГ – мечтал когда-нибудь собрать собственную рок-группу…

Выставить из квартиры нежеланного гостя маме не позволила совесть и толстовский гуманизм. (Она не могла уснуть, не выудив наугад с книжной полки один из томиков Льва Николаевича, и не пробежавшись по

строчкам, которые, наверное, уже знала наизусть.) Словом, в непродолжительной схватке рационального с духовным победила духовность.

Пока мама суетилась с ужином, а батя шумно плескался в ванной, толстяк проковылял в зал и переоделся.

В растянутой полосатой футболке и клетчатых шароварах гость сидел за кухонным столом и без устали болтал, успевая при этом молотить котлеты, обжигая губы горячим жиром и пачкая бороду. Дядя Лёня рассказал, что приехал в наше захолустье развивать бизнес. А именно – устанавливать в стремительно растущих супермаркетах игровые автоматы «Пятачки». Но в поезде, в вагоне-ресторане, у него украли всю наличность. Выручил сосед по купе – мой сердобольный отец. Толстяк обещал вернуть все до копейки, как только получит перевод из родного Екатеринбурга.

Мама слушала вполуха, разве что не зевала. Зато батя глотал каждое его слово, часто кивал, поправляя сползающие с переносицы очки-хамелеоны.

– Благодарствую, хозяйка медной горы, – похлопал себя по круглому животу дядя Лёня и отодвинул тарелку.

«Смешной и безобидный дурень», – подумал я.

– Я дико извиняюсь, – он чуть склонился к столу, – у вас, случайно, не найдется лишней зубной щетки?

– К сожалению, нет, – со злой иронией произнесла мама.

Она резко встала и начала собирать грязную посуду.

Отец пожал плечами и беспомощно развел руками.

– Ну, ничего, я так, пальцем, – подмигнул мне толстяк и стал бодро насвистывать «Тореадора».

После ужина батя достал из кладовки костлявую раскладушку и отнес её в зал.

– Замечательно, он еще и спать у нас под боком будет! – возмутилась мама.

– Тише ты, – цыкнул батёк, разворачивая матрац на скрипучем ложе, – мне что, прикажешь его с Кирюхой положить? Или на балконе заморозить? Нинуль, ты же культурная женщина, где твое гостеприимство? – батя несколько раз надавил на раскладушку ладонями, будто сделал непрямой массаж сердца – проверил, выдержит ли она тушу дяди Лени.

Я сидел на кровати в своей комнате. Пощипывал струны гитары и пересматривал DVD с последним концертом группы «Кино» в «Лужниках».

Дядя Лёня толкнул дверь, затем постучал:

– Не помешаю?

Я отрицательно помотал головой. Он присел рядом, задев плечом гриф гитары. Кивнул в сторону экрана:

– О, Цой. Увлекаешься?

– Есть такое, – буркнул я.

– Я тут перекантуюсь у тебя немного, пока мамка с папкой твои там шушукаются, – сказал дядя Лёня, осматривая комнату. И шумно выдохнул, пригладив бороду.

– Да сидите, – равнодушно ответил я и придвинулся к стене.

– А ты знаешь, – помолчав, сказал он, – его ведь КГБшники убрали.

– Чего? – недоверчиво покосился я.

– Да-да. Отказался стучать на своих друзей-диссидентов, его и в расход. Раньше ведь как дела решали, кто не с ними, тот против них. А то, что тебе по телеку рассказали, – все фуфло. Мол, уснул за рулем, въехал в «Икарус», ага, конечно. Сказки для дурачков… Ну да ладно, – дядя Лёня хлопнул себя по ляжкам и поднялся. – А ты, я смотрю, и на рояле лабаешь? Ну, «моцарт», далеко пойдешь! Наверное, уже выступаешь где-то?

– Нет, – сказал я, – пока только в планах.

– Ну понятно. Я чё и спросил-то, вижу, что ты парень музыкальный. А я ведь тоже по молодости баловался. Сколотили мы с приятелями в институте банду и запиливали на танцах «Ди Перпл». Пам-пам-пам, смооок он зэ воооотааа… Да, были времена.

Он снял со стены гитару и, страшно лажая, взял несколько рифов. Затем шагнул к синтезатору и попытался наиграть «Собачий вальс». Клавиши оказались слишком узкими для его пальцев-сарделек.

– Тьфу ты, – чертыхнулся гость, – всё напрочь позабывал.

Утром толстяк принимал душ, громко напевая «Зурбаган». Его голос часто срывался на пронзительный петушиный вопль. Батя караулил гостя у двери ванной. Когда пение наконец стихло, он осторожно приоткрыл дверь и протянул распаренному краснощекому дяде Лёне свою электробритву.

Я же в это время как ужаленный нарезал круги по квартире, с трудом сдерживаясь, чтобы не обмочиться. Наконец, не выдержав, бросился на кухню и отыскал в пакете с мусором пластиковую бутылку из-под минералки. Потом забежал в свою комнату и с великим облегчением наполнил ее почти до половины.

Плотно позавтракав сырниками со сметаной, гость выклянчил у бати деньги на проезд.

– Надо в одно место съездить, встретиться с людьми, решить деловые вопросы, – объяснил он. И пробормотал: – Михаил, право, неудобно… а на сигареты не добавишь? Курить страсть как хочется. Прям какая-то жизнь взаймы получается.

Отец снова полез в пиджак за бумажником. И еще вручил ему запасную связку ключей от квартиры, чтоб бизнесмен не куковал под дверью в наше отсутствие.

Последним уроком была химия. Я со своими гоповатыми одноклассниками Лёхой и Дэном решил прогулять. Странно, но несмотря на то, что они были типичными «пацанчиками с района», ко мне, рокеру-неформалу, относились вполне дружелюбно. Да и общаться в классе мне все равно было не с кем, единомышленников я так и не нашел.

Мы взяли куртки в раздевалке и быстро свалили из школы.

– Чё, парни, химию на фиг? – рыжий Андрюха Малыкин курил на крыльце.

– Химия – это полный калий, – пошутил я.

Малыкин усмехнулся.

– Да чё там ловить, – Леха на ходу застегнул ветровку, – давай с нами.

– Отсижу как-нибудь, – небрежно ответил Андрюха и затушил сигарету о перила.

– Если что – ты нас не видел, – предупредил Леха.

– Да без бэ.

Двинули в сторону киосков. Деньги были только у Дэна. Нам хватило на четыре бутылки пива «Премьер» и тощий пакетик сухариков. Дэн предложил взять две «полторашки», но Леха запротестовал, объяснив, что «дешманское пиво в пластике вообще в рот не вломишь».

Расположились под желтеющей листвой на лавочке во дворе панельной пятиэтажки. Леха опытно поддел клыкастую крышку зажигалкой.

– Ребятишки, бутылочки не выбрасывайте, пожалуйста, – подошла бабушка с коротко стрижеными пепельными волосами. На ней был длинный до колен свитер и треники с белыми лампасами.

– Да не вопрос, – сплюнул сквозь зубы Леха.

Дэн глотнул и поставил бутылку на бордюр. Леха протянул мне открытое пиво. Оно было теплым и горьким на вкус.

Помахивая холщовой сумкой, бабуля бодро прошагала к соседнему подъезду и присела на скамейку. Она не сводила с нас взгляда и что-то бубнила, жуя тонкими бескровными губами.

– Стервецы, засранцы малолетние, – расслышал я, – еще молоко на губах не обсохло, а всё туда же, пиво буздают. По сопаткам бы вам дать как следует, может, поумнели бы…

Леха, длинный и тощий, взгромоздился на спинку лавочки, пачкая грязными кроссовками сиденье. Наверное, считал, что так выглядит круче.

– Вот это попец! – восторженно крикнул он, когда рядом продефилировала блондинка в короткой кожаной курточке и обтягивающих джинсах. – Красавица, вы, случайно, не меня ищете?

Девушка, не оборачиваясь, ускорила шаг.

Дэн, чтоб быстрее развезло, начал пить тошнотворный «Премьер» «через тягу» – почти до фильтра высасывал сигарету, делал глоток пива, и только потом выдыхал табачный дым.

И действительно, быстро окосел.

Обычно молчаливый, он обнял меня за плечо и завел разговор:

– Ну чё, Кирь, как твоя группа? Не нашел еще бременских музыкантов своих?

– «Ничего на свете лучше не-е-ету…» – заржал Леха, едва не подавившись сухариками.

– Осади, не видишь, пацан делом занят, – то ли в шутку, то ли всерьёз пробасил Дэн и пощупал свои прозрачные усики, будто проверяя, на месте ли.

– Пока глухо, – сказал я, не обращая внимания на Лехины усмешки.

– А ты, слышь чё, объяву в газету кинь, – посоветовал Дэн, – ищу музыкантов для создания группы.

«А это мысль», – подумал я.

– Ты пургу не гони! – вмешался Леха. – Пусть на «Черный пруд» съездит, там до фига волосачей зависает. Полюбэ, каждый второй – балалаечник.

Конечно, я знал, где в нашем городке тусуются неформалы, но заявитьсяк ним так, с бухты-барахты, не хватало духу.

– Да у меня сейчас дома вообще засада полная, не до музыки, – сказал я.

– Чё так? Предки напрягают? – Леха допил пиво и швырнул бутылку в кустистый палисадник.

Бабка полезла за добычей через ограду, вполголоса матерясь и осыпая нас проклятиями.

– Вчера батя поселил у нас своего нового знакомого.

– И чё дальше? – хмыкнул Леха.

– Да ничего. Просто достал уже. Везде свой нос сует. Наглый, как танк.

– А кто он такой вообще? – спросил Дэн.

– Да фиг его знает, батек с ним в поезде познакомился.

– Чего-о-о? Серьезно?! А вы не боитесь, что он хату вам может выставить?

– Ты это отцу моему объясни.

– Погоди, а спит-то он где?

– С предками, в зале.

– Чё, в натуре?

– Нет, блин, шучу я.

– Жесть, – качнул головой Дэн. – Ну у тебя батяня, конечно, приколист.

– Ничё смешного. Всего только день у нас протусил, а уже вот где сидит, -– я дотронулся пальцем до горла.

– Да пропиши ты этому пассажиру в торец разок, сразу свалит, – Леха потянулся за новой бутылкой.

– Это вряд ли, – сказал я задумчиво.

Когда вернулся домой, застал толстяка спящим в моей кровати. Одна его рука беспомощно свесилась, другую он сжимал в кулак на мерно вздымающейся груди. Лицо скрывала сложенная домиком книга.

– Удобно?! – прокричал я над его головой.

– А? Что? – вскочил дядя Леня, роняя томик Стивена Кинга. Страницы были в мокрых пятнах от слюны книголюба.

– Говорю, кровать не жесткая?

– Ой, да я тут у тебя книжку нашел, зачитался, и прикемарил маленько, – отрывисто проговорил толстяк, потирая заспанные глаза.

Едва сдерживая гнев, я вышел из комнаты. В ванной умылся холодной водой.

– Кирилл, а что у нас сегодня на обед? – преследовал меня дядя Леня. – А то я проголодался, как пес, а в холодильник заглянуть постеснялся.

– Свали отсюда! – не выдержал я и захлопнул дверь перед его носом.

– Ладно, ладно тебе. Не кричи ты, ради бога, – заблеял он снаружи. – Послушай, может, у тебя в школе какие-то проблемы? Ты только свистни, я помогу.

Вечером я высказал отцу все, что думаю о нашем постояльце. Но он только отмахнулся:

– Вот уладит человек свои дела и сразу съедет. Что ты жалуешься, как девчонка?

И, протерев салфеткой очки, уткнулся в пузатый монитор с мерцающими графиками, схемами и таблицами. Мама недовольно поджала губы и промолчала.

Прошло еще два дня. Толстяк все также куда-то уходил по утрам, настреляв мелочь у бати. Когда я возвращался из школы, дядя Леня был уже дома. В своей комнате застукать мне его не удавалось. Однако я замечал включенный синтезатор, хотя точно помнил, что вырубал его из сети перед уходом. Наверняка толстый вымучивал свой «Собачий вальс» в мое отсутствие.

Потом инструмент и вовсе перестал включаться. Я разглядел пятна кофе на клавишах. Устроил визгливый скандал. Батя обещал отнести

синтезатор в ремонт, и если это не поможет, купить новый, как только появятся лишние деньги.

Еще они с толстяком стали закрываться после ужина на кухне и подолгу о чем-то секретничать. После отец задумчиво ходил по квартире и вполголоса повторял какие-то цифры. Я начал сомневаться в его психическом здоровье.

В пятницу дядя Леня не вернулся домой. Отец волновался, выбегал на балкон и курил одну за другой. Около одиннадцати вечера он схватил трубку радиотелефона и принялся кому-то названивать, листая найденную у толстяка в сумке потрепанную записную книжку.

– Ну, неужели, сам сбежал, – ехидничала мама, – совесть, наконец-то, проснулась.

– Чего – сбежал?! – выкрикнул батя. – Шмотки-то его здесь! «Надо в милицию звонить», —сказал он, снова шагнув на балкон и прикурив очередную сигарету.

Странно, но я поймал себя на мысли, что тоже переживаю за толстяка. На улицах, особенно вечерами, было небезопасно. Дать по голове и ограбить могли запросто, даже такого голодранца, как наш «бизнесмен».

– Может, у знакомых остался? – осторожно предположила мама.

– Да какие, ядрена вошь, у него знакомые! – рычал отец.

– Господи, но ведь уходит же он куда-то!

– Нина, я прошу, не нервируй меня!

– А ты не ори! – мама выскочила из зала.

Когда перевалило за полночь, раздался звонок в дверь. Отец бросился в коридор. На пороге стоял высокий парень лет двадцати пяти, в клепаной косухе и с длинными волосами, стянутыми в пушистый хвост.

– Доброй ночи. Леонид Алексеевич здесь живет? Помогите, пожалуйста, его поднять, – волосач мотнул головой в сторону.

Батя вышел в подъезд. Дядя Леня спал на лестничном пролете, рядом с мусоропроводом, подложив под голову сложенные ладони. Брюки были в побелке, у рубашки с подсохшими остатками съеденного и выпитого надорван воротник.

– Кирилл, – позвал батя.

Втроем мы с трудом доволокли его до квартиры и усадили на пуфик в коридоре.

– Все, дальше без меня, – облегченно выдохнул волосатый. – Вы простите, меня такси ждет, я живу далеко. Вы только не бросайте его здесь, уложите на кровать, ладно? Всего доброго, извините.

И поспешно удалился.

Батя принялся стаскивать ботинки с мычащего и хрипящего дяди Лени.

– Фу, – мама демонстративно зажала пальцами нос, – да он же облеванный весь. Только попробуйте его в комнату притащить. Пусть в коридоре дрыхнет.

– Что он тебе, собака? – отец потянул пьяницу за потертый рукав пиджака.

– Я сам, – хрюкнул толстяк, грузно повалился на пол и тотчас уснул.

– Кирилл, ну-ка, помоги мне, – сказал батя.

Мы попытались его поднять, но ничего не получилось. Он будто стал килограммов на пятьдесят тяжелее.

– А может, и правда, ему будет лучше здесь, – отец принес подушку и подложил дяде Лене под голову, затем накрыл его пледом.

Среди ночи я проснулся от маминого крика. Вскочил с кровати и побежал в зал. Там горел свет.

– Идиот! Скотина пьяная! – ругалась мама. Она стояла у стенки, закутавшись в одеяло до подбородка.

Отец медленно, держа за плечи, вел качающего, как зомби, толстяка к раскладушке.

– Прошшшу прощщщения, я не нарошшшно, – неуклюже ступая, плакал дядя Леня.

Как выяснилось позже, с пьяного угара он забрался в койку к родителям.

На следующее утро мама поставила вопрос ребром:

– Или я, или этот кабан, – для убедительности она не выпускала из рук ножа, которым только что резала сыр.

– Эх, Нинок, Нинок, – мечтательно ответил отец, игнорируя мамин ультиматум, – скоро заживем как белые люди. И денег у нас будет много. Дачу достроим, машину возьмем...

– Что ты несешь! Какая машина? Ты только посмотри на себя со стороны. Ходишь как полоумный по квартире, числа свои бубнишь. Даже на унитазе не замолкаешь. Это вообще ни в какие ворота уже не лезет. Может, тебе к психиатру обратиться? Или этот жирдяй тебя в секту завербовал? Он тебя что, зомбирует? Промывает мозги? Я ничего не понимаю!

– Нет никакой секты, успокойся, – снисходительно улыбнулся батя, наливая кофе изтурки, – это всего лишь аффирмация. Я психологически настраиваю себя на финансовое благополучие. А проговариваю я суммы желаемых доходов. Вот так то...

– Ах, аффирмация значит. Ну-ну, – мама покачала головой и взглянула на него с горькой ухмылкой.

Когда батя ушёл на работу, мама под отчаянный храп похмельного дяди Лени стала собирать вещи. Она решила переехать к сестре.

– Сынок, передай нашему сбрендившему папаше, что я поживу у Светы. И останусь у нее до тех пор, пока его горячо любимый боров не съедет из этой квартиры, – мама одним махом сгребла всю свою косметику с полочки в коридоре. – Ну все, пойду. А ты смотри в школу не опоздай.

И чмокнув меня в щеку, ушла. В тот момент я отважился на очень некрасивый и подлый поступок.

На перемене в курилке я выцепил Леху и Дэна. В красках поведал о выкрутасах нашего постояльца, рассказал, к чему они привели. И прямо в лоб попросил пацанов наказать толстяка.

– Главное, чтобы до него дошло, – объяснил я, – что ему нужно свалить из нашей хаты.

– Да? «И как ты себе это представляешь?» —спросил Дэн, разминая пальцами сигаретный фильтр.

– Ну не знаю, припугнуть его там… Он вообще по натуре трусливый. Если не поймет – можно разок и в морду дать.

– А мусорам не стукнет?

– Не переживай, не стукнет. Он не местный, ему эта канитель нафиг не нужна.

– Его как вообще, сильно прессовать? – уточнил Леха.

– Лучше без фанатизма, – ответил я, – пару синяков, я думаю, будет достаточно.

– А че ты сам-то ему в дыню не втащишь? – недоверчиво покосился Дэн.

– Понимаешь, мне с отцом проблемы не нужны.

– Ну ладно, уломал. Если к нам потом никаких предъяв, так и быть, поможем.

– Спасибо, парни. Я в долгу не останусь.

– Конечно, не останешься, – хохотнул Леха, – с тебя поляна.

Потом я сообщил, как толстяк выглядит, когда уходит из дома и приблизительно в какое время возвращается. Леха и Дэн хотели поймать его в нашем дворе.

На занятия мои гоп-товарищи не пришли.

«Держат слово, решают вопрос, молодцы, – подумал я, – только бы не перегнули палку». Вспомнил, как в прошлом году Леха избил до сотрясения мозга парня из четырнадцатой «шараги». Дело еле замяли. Подсуетился его дядя-участковый.

Отсидев пять уроков, я потопал домой. Зашел в подъезд, поднялся по лестнице и вонзил ключ в замочную скважину. Дверь оказалась не заперта. В квартире сгустился тяжелый табачный дым. Отец, растрепанный и раскрасневшийся, курил, сидя за кухонным столом. Перед ним стояла

ополовиненная бутылка коньяка. Батя глянул на меня исподлобья, налил в рюмку, крякнул, проглотил.

– А ты чего не на работе? – Я снял с плеча рюкзак. – Ты хотя бы форточку приоткрыл.

– Да какая теперь разница, – поморщился он, снял очки и потер переносицу.

– А дядя Леня еще не вернулся? – я разулся и шагнул ближе к кухне.

У бати дрогнул подбородок. Он снова налил пятьдесят.

– Уехал дядя Леня, ликуйте, – запрокинув голову, отец влил в себя коньяк. – Довели человека, – и выдохнул в кулак.

– Как так? – изобразил я полное недоумение.

– Да вот так. Позвонил мне на работу и сказал, что ключи оставит у соседки. Я на такси примчал, а от него уже и след простыл.

Я вошел в зал. На раскладушке лежал свернутый в рулон матрас, как в поезде. Исчезла черная дорожная сумка, которая пылилась на шкафу. Вообще, в квартире стало как-то непривычно тихо, пустынно и прохладно, словно кто-то умер. К горлу подступил болезненный комок. На душе стало гадко. Я получил, что хотел, но меня съедало чувство вины. Подобное я испытал в детстве, когда, капризничая, разбил об стену машинку на пульте управления. Ее мне привез батя из-за границы.

– Сынок, – раздалось из кухни.

Я подошел.

– Слушай, дойди до тети Светы и позови мамку домой. Она со мной не разговаривает.

– Кто? Мама или тетя Света?

– Обе.

Отец тяжело поднялся, распахнул форточку и на сей раз отправился курить на балкон.

В коридоре запиликал телефон. Я снял трубку. Звонил Дэн.

– Здоров, – сказал он сухо, – короче, не стали мы его прессовать.

– Почему?

– Да потому что он нормальный мужик. Дельный и знающий. А ты вообще не прав, что на него гонишь.

– Погоди, а вы его ни с кем не перепутали?

– Не перепутали. Короче, сам эту тему разруливай, мы с Лехой не при делах. Все, давай.

Дэн отключился.

Вечером я помог маме донести ее сумку. По дороге зашли в продуктовый и купили бисквитный торт.

Уже через каких-то пару часов мама вела себя так, словно ничего не случилось. Отец, конечно, немного поворчал (пока в крови еще играли четыре звезды), но тоже быстро успокоился.

В воскресное утро нас посетил нежданный гость. Это был тот длинноволосый парень, что однажды доставил нам пьяного вдрызг дядю Леню. Я бросил хищный взгляд на продолговатую коробку в его руке: «Yamaha PSR – 350» – синтезатор, о котором я давно мечтал.

– Здравствуйте, – застенчиво откашлялся парень, – вы меня, наверное, помните… В общем, я от Леонида Алексеевича. У меня для вас письмо, – свободной рукой он вытащил из кармана косухи мятый конверт, протянул отцу. – И еще вот, – волосач шагнул ко мне и вручил плотную коробку с заветной надписью и рисунком.

Я бережно прижал ее к груди.

– Презент от Леонида Алексеевича. Тебя, кажется, Кирилл зовут?

Я растерянно кивнул.

– Леонид Алексеевич очень тебя хвалил, говорил, что ты круто играешь и хочешь собрать группу. Это правда?

Я снова кивнул.

– Тогда, если есть желание, приходи к нам в среду на репетицию. Может, сыграемся. Мы репаем в «Квазаре», там и выступаем, знаешь, где это?

– Да-да, конечно, знаю, – едва ли не выкрикнул от радости я.

– О`кей, тогда ждем тебя к шести.

Отец все это время стоял с окаменевшим лицом, не двигаясь, и сжимая конверт в кулаке, как паралитик.

– Всего доброго, – парень развернулся и хотел уйти.

– Стой! – вдруг ожил батя. – Где он сейчас?

– Кто? – не понял патлатый.

– Леонид!

– Уехал.

– Куда?!

– Как куда? До дома, до хаты, – пожал плечами парень.

– Адрес! Дай его адрес! Ну или телефон!

– А я знаю? Он не говорил, – испуганно отшатнулся гость.

После его ухода батя вскрыл конверт.

Здравствуйте, Михаил, Нина и Кирилл, – семенил мелкий, но аккуратный почерк дядя Лени. – Хочу попросить прощения за те хлопоты и неудобства, что доставил вам. Я бесконечно благодарен вам за ваше гостеприимство. Бизнесмена в этом скромном, уютном городке из меня не вышло, придется переквалифицироваться в управдомы (шутка). Деньги,

как обещал, я отправлю переводом из Екатеринбурга, так что не волнуйтесь.

Друзья! Живите в мире и согласии, цените друг друга, и дорожите каждым мгновением, проведенным вместе, ведь семья – самая главная ценность в нашей жизни, как бы банально это не звучало. Увы, я одинок, у меня никого нет. Да, дорогие мои, так сложилось. Но, не будем о грустном.

Я очень рад, что судьба свела меня с такими добрыми, чуткими и отзывчивыми людьми, как вы. Вы стали для меня, как родные. Я желаю вам счастья от всей души! Бог даст, еще свидимся.

N.B. Кирилл, надеюсь, мой подарок тебе понравится. Я, конечно, не разбираюсь, но мне сказали, что инструмент хороший. Я уверен, что с твоей новой группой у тебя все получится. Женя хоть и малость заторможенный, но музыкант талантливый. Жду от вас великих альбомов и мирового турне!

Внизу стояла дата:

15.10.2001.

Извещение о денежном переводе пришло только через полгода, а мы уже и не вспоминали о нем. В тот день заболел наш барабанщик и репетицию перенесли. Я решил прогуляться с отцом и получить деньги. Когда кассир отсчитывала новенькие хрустящие купюры, у бати от волнения тряслись руки, на лбу выступила испарина и запотели очки. Полученной суммы запросто хватило бы на покупку подержанной иномарки.

Что только не предпринимал отец, чтобы разыскать дядю Леню. Расспрашивал знакомых, друзей – глухо. Обращался в милицию, но его послали куда подальше. Ходил на железнодорожный вокзал, сунул кому-то денег, чтобы взглянуть на список пассажиров поезда, на котором они ехали с дядей Леней. Странно, но никого с именем Леонид среди них не значилось. Отчаявшись, батя подал заявку на участие в программе «Жди меня». Но какой там. Не было фото, и мы не знали фамилии, даже имя его оставалось под большим сомнением...

Так и не удалось нам отблагодарить этого странного толстяка, нашего безбилетного пассажира.

НАДЕЖДА СМАГЛИЙ

И ВЬЁТСЯ СОМНЕНИЙ МУЧИТЕЛЬНЫХ НИТЬ...

ДОЖДЬ

Дождь размазал по окнам печаль,
И остывшие вытекли стёкла...
В пелене запотевших зеркал
По-осеннему тускло и блёкло.

Ты сейчас непогоде сродни,
На спасительность слов не надеясь,
Бьёшь наотмашь! «Прощай! Извини...»
Слово – выстрел! Навскидку, не целясь...

Время сжалось, пружиной дрожа,
Но сердец мы не слышим оглохших.
Только души, как двое ежат,
Отражаются в окнах промокших.

Не кричи. Не зови. Не вернёшь...
Гулким эхом шаги в переходе...
Из друзей у меня только дождь,
Да и тот постепенно проходит...

ПУСТОТА

На хрустальном окне
белоснежная россыпь метелей,
Разрисованных линий
прощальный полёт в никуда.

Их искрящийся холод...
А что мы с тобою хотели?
На застывшем стекле
спит хрустальная наша мечта.

Но с рассветом
растает чудесное это мгновенье...
По окну – солнца луч
чуть мелькнет и сотрёт навсегда
Тот прекрасный рисунок,
а наше с тобой откровенье,
Льдинкой горечи вспыхнет,
и вновь на душе пустота...

ТВОИ ГЛАЗА

В вишнёвом омуте заката
И на пороге тишины,
Мне душу обожгли когда-то,
Глаза, что будят мои сны.

Они приходят в час печали
Они глядят из темноты,
Они когда-то повенчали,
Мой разум и мои мечты...

Но первые лучи рассвета
Я вновь встречаю одиноко...
Меня оставили без света
Два обжигающих упрёка.

***

Разбудит память привкус миндаля.
Из снов-осколков, из мечты-надежды
Я по крупицам соберу тебя
И облачу в привычные одежды.

Твой нежный взгляд, улыбка и цветы,
Привычным жестом – сигарета, спички.
Из тысячи мгновений пустоты
Я возвращаюсь в прошлый мир – привычный.

Там не приносит почтальон письма,
Там не пытают ни звонком, ни взглядом,
Там темнота за окнами – не тьма,
Глухой тоской плетущаяся рядом…

Разбудит чувства привкус миндаля,
Горчинкой лёгкой тронет губы снова,
И заскользит по стенке хрусталя
Последнее, не сказанное слово...

ТЕТ-А-ТЕТ

Кричать не могу и молчать невозможно...
Прошу только – веру мою укрепи.
А ночь обнимает меня осторожно,
Но, с небом венчаясь, полоска зари

Румянит сквозь сумрак оглохшие окна –
Готовит под тонкую чистую кисть
Для нового дня и мольберт, и полотна.
И вьётся сомнений мучительных нить...

А кофе горчит, как напиток полынный,
Пропитанный памятью прошлых разлук.
Прости же мне, Господи, смех беспричинный
И сердца тревожно-отчаянный стук.

Небесное ложе становится зримым –
Знобя и сверкая, ступает рассвет.
– Поверь, расставаться не надо с любимым, –
Мне ночь, удаляясь, шепнёт. Тет-а-тет.

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

КОЛОБОК

Отец привёз Серёжу на весенние каникулы в деревню к своим родителям, Серёжиным дедушке и бабушке.

После обниманий и возгласов «как вырос», «совсем большой», сидели в комнате за столом. От печки пахло дымком, сладкие ватрушки бабушкиной выпечки были тёплые и просто таяли во рту…

Но Серёжа уже глядел за окно: там, на воле, всё течёт, солнечно сверкает…

Отец, вытащил из подполья мешок картошки. Бабушка подаёт ему какие-то банки…

- Мама, да мы ещё с того раза не съели… - отбивается отец.

- Бери, бери, лишним не будет, - наваливает бабушка.

Дед курит, выдувая дым в приоткрытую дверцу железной печурки, соединённой коленчатым трубаком с большой белой печкой, на которую вечером Серёжа обязательно залезет. Но сейчас ему уже хочется повидаться с деревенским своим дружком Вовкой.

Отец уносит мешок с картошкой на улицу, в окно видно, как он загружает его в багажник «Запорожца». Возвращается в дом.

- Ну, давай, Серёга, слушайся бабушку и деда, - треплет по голове.

Серёже, конечно, жалко прощаться с папой, но… Он думает о том, как бы ему поскорее встретиться с другом…

… Когда отец уезжает, и бабушка возвращается с крыльца в избу, дед говорит Серёже:

- Ну, чего, Серёга, сапоги обувай да беги к Вовке…

- Да куда по лужам-то… - пытается возразить бабушка.

- Нечего парню дома сидеть, - обрывает её дед.

- На вот, - смирившись, говорит бабушка и достаёт из ящика комода новые вязаные тёплые носки.

И вскоре Серёжа бежит по улице, перепрыгивая через солнечные лужи, через разъезженные чёрные тракторные колеи полные жидкой грязи. Синий трактор с большими колёсами и телегой стоит у соседнего дома. Там живёт весёлый рыжий тракторист Василий со старой матерью…

А и всего-то в деревне пять домов. С одного конца крайний – дом Серёжиных бабушки и дедушки, с другого конца деревни дом, в котором живёт Вовка.

Вон уже и видно этот дом, с разболтанной изгородью, с распахнутой на кривое крыльцо дверью… И семья такая же – отец Вовки то вроде бы работает в совхозе, то куда-то пропадает на недели и месяцы, мать давно уже умерла, старшая сестра замужем в городе, старший брат сидит в тюрьме, а Вовка, как и Серёжа учится в пятом классе и ходит в школу в село за шесть километров. В прошлом году в их доме ещё появилась какая-то слепая старуха, дальняя родственница, привезли из другой деревни. Серёжа её боится – она похожа на Бабу Ягу.

Он взбегает на крыльцо, нарочито громко топая, и сразу кричит:

- Вовка, это я!

- Привет, Серёга! - отзывается друг…

Они немного посидели в избе, в которую можно было заходить не разуваясь, только пошаркав подошвами о старый голик у двери. Печка давно не белёная, но недавно топленная, дышащая теплом. Там наверху – старуха. Она не подала голоса, и Серёжа не поздоровался.

Вовка с гордостью показал свой школьный дневник, в котором были даже и двойки за четверть, и лихо бросил его в угол.

… На улице они долго пускали ручьи, прорывая каналы от одной лужи к другой… Потом Вовка сказал: «Пошли в шолом».

Так назывался высокий сарай за деревней, уже полуразвалившийся, в котором раньше, как говорил Серёже дедушка, сушили зерно, а теперь лежали сваленные в кучу белые мешки с химическими удобрениями.

Летом, Вовка и Серёжа устраивали в этом сарае «базу»… Сидели там, болтали, Вовка курил и давал попробовать Серёже, представляли себя то разведчиками и тогда тайком пробирались с «базы» в деревню и зачем-то следили за трактористом Василием… Или же представляли себя охотниками и отправлялись с «базы» через поле в лес… Развлекались, в общем, как могли – больше их ровесников в деревне не было.

Зачем они попёрлись в «шолом» сейчас по нерастаявшей ещё снеговой целине, оба не знали. Метров триста, проваливаясь по колени и выше в снег… В сарае неприятно пахло химией от подмокших мешков с удобрениями, было сыро и не уютно. Вовка достал из-за козырька драной своей ушанки папиросу, из кармана болоньевой курточки коробок и лихо закурил.

- Будешь? - протянул папиросу Серёже, держа за мундштук чёрными пальцами.

- Не, я бросил, - ответил Серёжа… Он смотрел на домики деревни, на дымок над крышей своего дома и ему уже хотелось туда.

Солнышко опускалось к лесу…

- Ну, пошли! - скомандовал Вовка и снова пошёл по снежному полю, стараясь попадать в свои следы. Были на нём тоже резиновые сапоги…

Серёжа брёл за ним, опускал ноги в глубокие следы и шершавый снег забивался за голенища…

Вовка, быстро бежал (замёрз, наверное).

- Вовка, подожди! - окликнул его Серёжа, но он не остановился, махнул только:

- Давай, шевелись!

А Серёжа всё с большим трудом доставал из снега отяжелелые ноги, в сапоги уже туго набился снег. Несколько раз Серёжа падал, выставляя вперёд руки в мокрых рукавицах, и снег ожигал запястья и набивался в рукава куртки…

И казалось, что никогда он не дойдёт до Вовкиного дома… Он уже и песню вспомнил про то, как «в степи глухой замерзал ямщик».

Когда он всё-таки ввалился в распахнутую избу, Вовка, как ни в чём не бывало, сидел за столом и пил из мутного стакана чай.

- Ну, где ты есть?

- Я… Тут я, - сказал Серёжа, садясь на лавку, и вдруг тихонько заплакал…

- Ты чего?

- Ноги, пальцы не чувствую…

- Кто там? - раздался голос с печки.

- Это я, Серёжа.

Вовка испуганно молчал.

- Снимай обутку, и лезь сюда, - проскрипел голос, и Серёжа молча стянул один сапог, второй, снег вываливался и таял на щелястом грязном полу. Кое-как он подошёл к печке и по ступенькам поднялся наверх.

Старуха лежала у дальнего края печки.

- Сядь.

Он сел. Она незряче протянула руки, нащупала его ноги, сама стянула мокрые носки и положила их на кирпичи, а стопы взяла в руки и сначала держала в ладонях, чуть поглаживая костистыми пальцами, потом поставила их не на кирпичи, а на подобие матраца, продолжала оглаживать.

Серёжа поскуливал от боли.

- Вовка, дай парню чая, - проскрипела старуха, и Вовка подал тот же стакан, из которого пил сам с тёплым и сладким чаем.

Боль в стопах проходила, пальцы уже чувствовали тепло… Но слёзы ещё текли по щекам.

Серёжа скрючившись сидел рядом со старухой, она лежала на боку.

Вовка подсел на ступеньку печки…

- Ты бабушке своей только не говори, - сказал он.

Серёжа не ответил. А старуха вдруг сказала:

- Слушайте, сказку, горемыки… - И начала сразу: - Жили дед с бабой. И стал дед помирать. Лежит на лавке, видит, как солнышко в окне катится. Встать не может. Досадно ему. Говорит бабке: «Испеки мне, бабка, колобка». «Да почто тебе?» «Пеки!» Бабка по сусеку поскребла, набрала мучки, замесила тесто. Дед не умирает, ждёт. А уж ночь настаёт. Выходило тесто. Слепила баба колоб, в печь отправила. Получился колоб румяный, горячий. Положила баба его на окно, остывать. И будто бы светлее стало в избе-ти! Это колоб так светился!

- А чего он светился-то, - перебил тут старуху Вовка.

- Так горячий! - ответила старуха и дальше сказала: - Как колоб-то остыл – старик и помер. А колоб выкатился с окна во двор, покатился по земле да и пропал…

- Так его же лиса съела! - опять Вовка вмешался.

- Про это не знаю, - ответила старуха. И не понятно было, то ли смеётся она, то ли и правда не знает всем известную сказку…

- А как деда и бабу звали? - спросил вдруг Серёжа.

Старуха помолчала и ответила:

- Так, поди-ка, Адам и Ева…

На крыльце послышались шаги, и в избу сердито вошёл Серёжин дедушка…

Когда они шли по деревне, по полевой дороге с утробным гулом, вышаривая путь фарами, ехал куда-то трактор.

- Вот, Ваське не спится-то! - усмехался уже подобревший дедушка. - Дело молодое… - говорил ещё, выпуская из обметанного усами и бородой рта сигаретный дым…

… Тридцать лет прошло, не меньше. Сергей остановил машину прямо на дороге, в зарастающем мелколесьем поле… Нет деревни, ни одного дома… И никого кто жил в тех домах… И только катится по небу вечный колобок…

МИХАИЛ ГРИШИН

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

Старик проснулся среди ночи. С улицы в комнату тёк странный белый свет, совсем не похожий на лунный. Он, кряхтя, поднялся с кровати, взял палочку у изголовья и, шаркая старенькими тапками, подошёл к окну.

В парке тихо падал снег. Пушистые хлопья мягко ложились на землю, успев за несколько часов скрыть лужи и палую почерневшую за ноябрь листву. С заснеженной ветки сорвалась неизвестная чёрная птица, и бесшумно взмахивая крыльями, улетела, лавируя между высокими могучими тополями.

Старик прислонил к обшарпанному подоконнику свою палочку, трясущимися руками отодвинул разболтанный шпингалет, распахнул створки.

В комнату потянуло свежим запахом мокрого снега. Несколько крупных снежинок, кружась, залетели внутрь, упали на серое лицо старика, сморщенное как печёное яблоко. Прошло несколько минут, а он всё также неподвижно стоял, глядя слезящимися, в красных прожилках глазами на белый парк. Снег продолжал падать.

Кровь, вяло бегущая по склеротическим жилам, уже не грела его одряхлевшее тело и скоро свалявшиеся седые волосы, плечи покрылись невесомым хрустящим пухом. И даже лохматые брови стали похожи на заснеженные мелкие кустики.

Старик знал, что это его последняя зима, предчувствие ещё никогда не подводило. Смерти он не страшился. Не далее, как вчера «костлявая» вновь напомнила о себе, по ошибке забрав соседа по комнате — интеллигентного вида суетливого старичка в очках с треснутым стеклом. Они любили перед сном поговорить о прошлой жизни. Теперь кровать у окна пустовала, жутко отсвечивая в ночи голыми ржавыми пружинами.

Старик видел, как это будет происходить: он лежит в простеньком тесном гробу, худой с пожелтевшим высохшим лицом, с ввалившимися глазницами и заострённым носом. Несколько ходячих старушек обязательно приплетутся из любопытства, вроде как попрощаться. На самом деле никому до него нет нужды. Ну, может вдруг и случится, что какая-нибудь слабохарактерная старушонка уронит нечаянную слезу. Но

маловероятно. Далее его отвезут на старенькой громыхающей машине «скорая помощь» на местное кладбище и закопают. На этом его земной путь завершится окончательно.

Умирать вдали от дома и уж тем более лежать на чужом кладбище старику не хотелось.

Дом престарелых располагался в бывшей барской усадьбе с толстыми кирпичными стенами, арочными окнами и пристройкой под столовую. При советах здесь лечили жителей окрестных деревень, принимали роды и оперировали. Двадцать лет назад больницу закрыли. Со временем кровля обветшала, местами обвалилась. Когда в стране стало не хватать домов престарелых, вспомнили о заброшенном здании, на скорую руку починили и отдали под богадельню.

Глубокой осенью подули промозглые ветры, зарядили дожди. Старик занемог, — отказывали ходить ноги, бестолково кружилась голова, с трудом вырывалось из тщедушной груди хриплое дыхание. Тогда сердобольный сосед отвёз его в районную больницу за сорок километров. Там престарелого пациента немного подлатали и свезли сюда, как негодную отжившую своё вещь. Старик давно жил один, — старуха умерла, дети не казали глаз со времени развала страны, затерявшись где-то на севере, ходить за ним было некому.

В комнату заглянула сиделка. Увидев старика возле открытого окна, принялась вполголоса ругаться:

— Ты чего это удумал, старый? Никак забелеть захотел? А я смотрю, чего это холодом тянет, а тут оказывается окна нараспашку, будто лето наступило. Мне не с руки тут с вами возиться, — она подошла, бесцеремонно развернула его и подтолкнула в спину. — Убирайся потом за тобой.

Забыв про свою палочку, старик покорно поплёлся к кровати, держась, где за стены, где за прикроватную тумбу. Сиделку тоже понять можно, — за лежачими беспомощными пациентами нужен особый уход. А кому хочется возиться в дерьме? В синей полосатой пижаме, старик был похож на арестанта. Обслуживающий персонал между собой так их с усмешкой и звал: «Наши арестанты».

Сиделка закрыла окно опять на шпингалет, вернулась к старику, присевшему передохнуть, и насильно уложила в кровать.

— Не рыпайся, старый, — сердитым голосом приказала она, — не то разговор будет короткий. Ты меня знаешь.

За месяц пребывания здесь, старик действительно успел узнать эту дородную тётку с непростым характером. Со своими подопечными она особо не церемонилась, и он от греха притих, свернувшись под одеялом в трогательный комочек.

Зима в этом году выдалась морозная, с пронизывающими ветрами. Окна утеплили клейкой лентой, от которой не было никакого проку. Старик постоянно зяб и почти всё время проводил в своей комнате, впрочем, как и другие «арестанты». Зато когда наступила долгожданная весна, и солнце стало заметно пригревать сквозь блёклые ещё по-зимнему облака, «арестанты» потянулись на прогулку в парк. С крыши капало. Старик осторожно садился на скамейку, и скорбно сгорбившись, принимался задумчиво ковырять концом своей палочки сырой песок. В таком состоянии он мог находиться весь день.

— Старый, — приводил его в чувство сердитый зычный голос сиделки, — хавать будешь или как?

Дни шли своим чередом: на ветках могучих тополей появились нежные почки, потом вылезли первые клейкие листики. Солнце уже грело по-настоящему. Обитатели дома престарелых оживились, и лишь старик всё также оставался угрюмым. Его стали сторониться.

Однажды здесь появился молодой рослый мужчина в синей ветровке. В руке у него был внушительных размеров пакет. Увидев одинокого старика на скамейке в глубине парка, он уверенно направился в его сторону.

Старик всё также продолжал невозмутимо сидеть, не поднимая глаз, привычно ковыряясь палочкой в песке, когда мужчина остановился рядом. Некоторое время он с сочувствием смотрел на его согбенную узкую спину, потом басом произнёс:

— Здорово, дед!

Старик весь как-то встрепенулся, поднял глаза, уголки бесцветных губ дрогнули, — он уже и не помнил, когда последний раз улыбался, — от этого его тёмное лицо как будто посветлело.

— Сёмка, сосед?! Вот шельма, ты зачем сюда?

— Тебя проведать, — ответил Сёмка, радостно ощерив крепкие жёлтые зубы. — Гостинцев из деревни привёз. — Он легко приподнял пакет, повертел в воздухе. — Видал?

— За гостинцы тебе будет отдельная благодарность, — пообещал старик и, оглянувшись, поманил пальцем. — Слухай, свози в деревню. Охота мне дома побывать.

— Дед, ну ты и сказанул, — Сёмка озадаченно поскрёб тугой затылок. — Как-то всё заковыристо выходит. Тут увольнительная требуется.

— Сём, Христом богом прошу, — проникновенно заговорил старик, шмыгая носом от волнения. — Чего тебе стоит? Мы туда и обратно зараз обернёмся. Бензин я тебе оплачу. Могёшь не сумлеваться.

— Бензин ту вовсе не при чём, — обиделся сосед. — Дело тут в другом, ну-к за тебя привлекут?

— Соскучился я по дому, — глаза у старика повлажнели. — Он мне уже сниться по ночам. Не на себе же везти.

— А-а, — Сёмка отчаянно махнул широкой пятернёй, — была, не была!

— Вот спасибочки, — засуетился обрадованно старик, — уважил.

Сёмка широкими шагами направился к машине, делая вид, что он сам по себе. Старик, — откуда и силы взялись, — семенил рядом, опираясь на палочку, сбоку заглядывая в глаза соседу, переживая, чтобы не передумал.

Дорогой старик всё больше молчал, глядя пустыми глазами перед собой. Голова у него безвольно болталась.

«Зря мы это всё затеяли», — думал Сёмка, с жалостью поглядывая на уставшего старика.

Асфальт закончился, далее шла просёлочная дорога с колдобинами, наполненными грязной водой. Колёса то и дело пробуксовывали. Прошло не менее двух часов, прежде чем подержанные жигули остановились у небольшого палисадника с несколькими свежими штакетниками. В прошлом году Сёмка сам их и подправлял. Выматывающая душу езда закончилась.

Пока старик плёлся от калитки до своего крыльца, Сёмка успел смотаться домой, принести ключ, который находился у них с женой на хранении. Между подгнившими досками ступенек проросла трава — кукушкины слёзы.

— Сёма, милок, ступай к себе, — сказал устало старик. — Один хочу побыть. И особливо не торопись, успеем возвернуться.

Сосед ушёл. Старик с усилием отомкнул навесной, успевший за полгода заржаветь, замок и переступил порог. От неухоженного вида заброшенной маленькой избы, где пыль толстым слоем лежала буквально на всём и спёртого, затхлого воздуха, он горько заплакал.

— Без хозяина и дом сирота, — пробормотал старик и вытер рукавом мокрое лицо. — Надо отписать его Сёмке.

Он прошёл к старенькому комоду, стал на колени, с трудом выдвинул нижний ящик. Там у него хранился смертный узел с одеждой. Потом направился в красный угол, где за иконами, которыми в стародавние времена благословили его с женой их родители, держал похоронные деньги.

— Помилуй мя, Господи, — прошептал старик, и неловко перекрестившись, извлёк из тайника несвежую тряпицу, густо опутанную липкой паутиной. В паутине валялись кверху ногами несколько высохших дохлых мух. Напуганный паук пробежал по руке и скрылся в своём тёмном убежище. — От ведь как, — невесело усмехнулся старик, — каждая тварь домой стремится.

Сёмка вернулся часа через три, чтобы при свете успеть отвезти беспокойного соседа. Старик лежал одетый на кровати поверх одеяла: голубенькая рубашка, пиджак, брюки и почему-то в тапках. Его строгий вид со сложенными на груди корявыми руками и закрытые глаза не сулили ничего хорошего. Сёмке стало не по себе.

— Дед, — позвал он, — ты чего?

Потом несмело подошёл, взял из его пальцев, начинавших уже коченеть, мятый клочок бумаги от тетрадного листа, непонятно каким образом, оказавшийся в доме. На нём карандашом были неумело выведены старческие каракули.

«Не ругай меня Сёмка, — начал он про себя читать сквозь слезливую муть в глазах, — отжил я своё. Всё боялся, что помру в том многострадальном доме и похоронят на чужбине, теперь дюже рад. Похорони меня в могилку к супруге, что находится возле могилок папани и мамани. Будем лежать вместе, всё веселее. Денег я скопил достаточно, хватит на похороны и помянуть. Ежели, какие останутся, возьми себе, вы молодые, пригодятся. Дом я тоже отписываю тебе, как ты и твоя семья мне есть любезные соседи, а ты ещё и приходишься лучшим другом. Прости меня Сёмка».

Сосед запустил пятерню в свои волосы, собрал их в горсть, подёргал до боли, чтобы успокоиться.

— Перехитрил ты меня, однако, дед, — сказал он, будто старик мог его услышать. — Что я теперь скажу людям, как оправдываться буду?

Сёмка сутуло опустил широкие плечи, тяжело ступая, пошёл к выходу, — надо было сказать жене, чтобы готовилась к похоронам.

В доме престарелых лишь поздним вечером спохватились, что пропал старик.

ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА

ПОПУТЧИЦА

Семинары для государственных служащих различаются не темами, а количеством потраченного зря времени. Людка, моя приятельница, философски дремлет за соседним столиком («Солдат спит, служба идет»), а я извелась, на часы поглядывая. Когда вчера торопилась в Феодосию, у Татьяны температура в градуснике до тридцати восьми подпрыгивала, и она еще на работу собиралась. Двадцать два года исполнилось, а психология прилежной школьницы: «Что подумают, если не приду?!». Маленькие дети – маленькие хлопоты, большие... Все, закончились занятия.

– Люда – подбежала к подруге. – Поеду домой. Мало ли что с дочкой!

– Завтра две лекции. И фуршет обещают. К тому же – Людка лукаво на меня посмотрела, – Сергей Иванович и Владимир Николаевич нас на вечерний коньяк пригласили, не забыла?

– Ну их! Скажешь: мне плохо стало. Или еще что-нибудь придумаешь.

– Ох, Наташка, Наташка! Неправильно ты к своей жизни относишься, не умеешь ее украшать!

Да уж, в сорок пять лет, при сбежавшем к молодой секретарше муже – два года как «бывшем» – остается только сидеть по вечерам на балконе и напевать: «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано». И ждать, когда дочка согласиться на предложение Витюшки и осчастливит меня парой внуков.

Подхватив вещевую сумку, предусмотрительно забранную из гостиницы, чмокнула Людку в щечку, выскочила на улицу и остановилась в раздумье: чем добираться? Автобусом надежнее, но автостопом быстрее. А если попадется водитель-джентльмен, то можно бесплатно проехать: что, при моем скудном бюджете, весьма существенно.

Троллейбус и ноги помогли добраться за город, на развилку окружного шоссе, и вскоре я топталась на обочине, голосуя «попуткам». День выдался неудачным: минут двадцать напрасно размахивала руками,

обиженным взором провожая проносящиеся машины, пока рядом не остановилось потрепанное «Жигули» первых моделей.

– Попутчицей возьмете? – открыв дверцу, улыбнулась я сидевшему за рулем мужчине. – Мне в Белогорск надо.

– Садитесь, – окинув меня оценивающим взглядом, сказал водитель. – Довезем, куда надо.

В его голосе мне послышалась издевка, но мало ли что может послышаться, и я, не раздумывая, юркнула на заднее сиденье. Пристроив в ногах сумку, с удовлетворением понаблюдала, как остается позади Феодосия, и начала косится на тех, с кем предстояло провести ближайшие полтора часа. Водитель, вероятно, находился со мной в одном возрасте, сидевшему рядом с ним парню вряд ли перевалило за тридцать, а мужичонка по соседству наверняка готовил документы на пенсию. В общем, как говорил булгаковский Воланд о своей свите, общество небольшое, смешанное и бесхитростное, и единственное, что не понравилось: исходивший от них алкогольный запах. Впрочем, пусть с ними ГИБДД разбирается, а я как-нибудь потерплю.

– В гости едете или по делу? – спросила я. Путешествия автостопом научили меня, что водители разделяются на две категории: болтуны, которых нужно развлекать беседой, и молчуны, предпочитающие немых пассажиров.

– Так, странствуем и путешествуем, – неопределенно ответил водитель. – А вы здесь как оказались?

Я рассказала о причинах, забросивших меня в Феодосию, о больной дочке.

– Понятно – произнес водитель и, бросив на меня взгляд, добавил:

– Что ж, вы нас устраиваете.

– В каком смысле? – удивилась я, подумав, что опять что-то в его тоне мне не понравилось.

– В смысле попутчицы, – засмеялся водитель, и вслед за ним одобрительно загоготали парень и мужичонка.

Я не выношу унижения. Помню, когда на уроке в девятом классе учительница математики мерзко пошутила по поводу моих математических способностях, я встала и вышла, и даже ее извинения не вернули меня в это здание, и доучивалась я, топая по утрам в школу на окраине города. А муж... Когда я, неудачно вернувшись с командировки, обнаружила в нашей спальне его с обнаженной дивой, я осталась не только без мужа, но и без супружеской кровати, которую вышвырнула вслед за ним. И сейчас какие-то хамы...

– Остановите машину, я выйду, – зло произнесла я.

– Неужели обиделись? – водитель с интересом посмотрел на меня. – Примите извинения: мои и вот этих.

Водитель небрежно кивнул головой в сторону парня и мужичонки, трусливо втянувших голову в плечи.

«Понятно, кто тут главный» – подумала я, решив до конца пути молча любоваться мелькающими за окошком картинками.

Проехав Насыпное, водитель увеличил скорость. «Если он так и будет ехать, то часа через полтора окажусь дома» – размышляла я, представляя, как обрадуется Татьяна и кошка Василиса, особенно когда угощу их купленными в Феодосии лакомствами. Замечтавшись, не сразу обратила внимание, что машина свернула с главного шоссе на дорогу, ведущую в Кировское.

– Куда вы? – изумленно вскрикнула я. – Мне в Белогорск надо.

– Доедем туда, но позже – ухмыльнулся водитель. – А пока в этой стороне кое-какие дела уладим.

– Остановите машину! – закричала я.

Водитель послушно нажал на тормоз. Но не успела я открыть дверцу, как парень выскочил из машины и уселся рядом.

– Что вы себе позволяете? – рассерженно воскликнула я. – Пропустите меня.

В ответ парень ударил меня локтем в солнечное сплетение. От боли я потеряла сознание, а когда очнулась, машина быстро бежала по трассе.

– Что происходит? – я никак не могла прийти в себя. – Что вам надо? Выпустите меня!

– Закрой рот и сиди смирно! – парень толкнул меня в бок

– Вам нужны деньги? В кошельке семьсот рублей, возьмите их, только отпустите.

– Деньги оставьте себе – презрительно произнес водитель. – Мы с женщин другую плату берем. Сейчас приедем в нашу хижину, позабавимся пару часов, а потом отвезем вас в Белогорск. И нам хорошо, и вы не в убытке.

– Вляпалась! – пронеслось в сознании. – Доездилась автостопом.

Я как-то читала, что жертва преступления на сорок – шестьдесят процентов виновна в том, что стала жертвой, поскольку своим поведением спровоцировала преступника. И сейчас...

– Вы что: ни Бога, ни милиции – ничего не боитесь? – спросила я, еще не веря, что то, о чем не раз читала и слышала, сейчас случиться со мной. – Я заявление в прокуратуру напишу.

– И что? – Водитель насмешливо повернул голову. – Мы дружно объясним, что вы сами навязались. Только опозоритесь.

Я вспомнила свою бывшую одноклассницу Никитину, изнасилованную на ночной улице пьяным грузином. Прокуратура даже не довела дело до суда, поскольку в нужном месте не оказалось синяков, трусы были не порваны, и она зря помылась, уничтожив необходимые для экспертизы доказательства. Муж, к счастью, ее не бросил, а вот из города пришлось уехать.

Я посмотрела на мужичонку и парня: они сидели, нагло ощупывая меня глазами, готовые в любой момент схватить за руки или ударить, и поняла, что мне действительно предстоит пройти через самое большое унижение, испытываемое в этой жизни женщинами.

«Только бы дочь не узнала! – пронеслось в голове. – Что угодно, только не это... Боже милостивый, дай силу все вынести!»

Машина свернула с трассы на узкую проселочную дорогу и надежда на невероятный случай – ГИБДД остановит или еще что-то – окончательно померкла. Ветки деревьев наклонялись к машине, сопровождая меня в траурном шествии. Я всматривалась в них, в медленно проплывающий пейзаж, словно это были последние мгновения жизни и нужно хорошо все запомнить, чтобы унести с собой, потому что Наташа, едущая сейчас в машине, и та, изнасилованная мерзавцами, будут разные люди с одинаковым именем, и я зарыдала, не сумев сдержать слез, потому что была всего лишь слабой женщиной, одной из тех, кого веками попирали и унижали мужчины.

– Ладно раскисать! – хмуро бросил водитель. – Убудет тебя, что ли?! Другая бы радовалась...

– Вот и пригласили бы такую! – Вытирая платочком слезы, зло сказала я. – Нашли над чем шутить! А если бы вашу сестру, мать или дочь так везли?

Смутились, а те, что рядом, даже отодвинулись.

– Может, в самом деле?! – нерешительно произнес мужичонка.

– Но, но, не забивай голову!! – сплюнув в открытое окошко, крикнул водитель. – Они для того и созданы. Чем горше бабьи слезы, тем слаще их любовь.

«Боится авторитет потерять», – поняла я и, перестав плакать, храбро заявила:

– Я не в прокуратуру напишу, а тем близким вам людям, которыми вы дорожите. Найду и все о вас сообщу.

– Испугала! – развеселился водитель. – Еще моралью упрекни!

Веселился он один: остальные поскучнели и отвернулись к окошкам. Если бы я начала драться или оскорблять, то оказалась врагом, которого необходимо победить и растоптать: беседой я вошла в их сознание равной.

Машина выехала на примыкающую к яблоневому саду поляну с деревянным домиком, грудой пустых и наполненных яблоками ящиков, уборной в отдалении. «Они сторожа, оказывается» – поняла я.

– Вот и наша хижина! – затормозив, удовлетворенно сказал водитель. – Прошу, мадам!

Вслед за парнем я вылезла из машины и осмотрелась, оценивая шансы на побег. Пахота, сорняки... Догонят через несколько минут. А кричать... Вряд ли поблизости найдется Дон-Кихот верхом на Росинанте, но вдруг в саду кто-нибудь работает.

– Люди! – заорала я. – Помогите!

Мерзавцы загоготали.

– Нет здесь людей, мадам! – объяснил водитель. – Только голос надорвешь. Лучше туалетом воспользуйся и в дом проходи. Раньше начнем, раньше кончим.

Мерзавцы опять рассмеялись.

Сопровождаемая парнем, я посетила туалет и зашла в дом. Маленькая кухня, обширная комната с тремя кроватями, на которых валялись скомканные постели, шкаф, стол, несколько табуреток.

– Мне помыться надо – сказала я, пытаясь отыскать взглядом нож.

– Конечно! Проходи на кухню. Только вначале все режущее и колющее оттуда уберу, чтобы у тебя глупые идеи не появились.

«Догадался!»

Честно говоря, я не знала, что буду делать с ножом, окажись он в моих руках. Ударить кого-то? Я курицу ни разу не зарезала. И рассчитывала только, что хватит мужества себя поранить: не будут же они меня полумертвую насиловать!

– Впрочем, – водитель покачал головой. В доме находились только я и он, остальные остались на дворе. – Я, пожалуй, все сюда принесу, здесь помоешься. От тебя всего можно ожидать: впервые вижу бабу, которая так своей – он произнес нецензурное слово – дорожит.

– Я честью своей дорожу.

– Честью...– водитель словно поперхнулся, потом молча вынес из кухни ведро с водой, тазик и полотенце.

– Отвернитесь!

– Зачем?! – пожал плечами водитель. – Все равно сейчас породнимся.

– Тогда дайте водки.

Удивленно посмотрев на меня, водитель достал из шкафа бутылку «Столичной» и наполнил стакан. Я выпила его одним махом, словно воду.

Спиртное я пью редко, предпочитая вино или коньяк. К сорокаградусной не притрагивалась совсем, но сейчас... Только водка

делает людей равнодушными ко всему, утверждая, что все в жизни одинаково и главное не отличается от мелочей.

– Полегчало?

Странно, но в его голосе послышалось сочувствие.

Не отвечая, я разделась, разместив одежду на табуретке; помылась, повернувшись к водителю спиной. Водка начала отуманивать сознание, превращая окружающее в расплывчатое, незначительное.

Аккуратно повесив на гвоздь полотенце, я, сдерживая готовые вырваться слезы, обернулась к водителю:

– Прошу об одном.

Водитель насторожился.

– Положите меня на свою постель.

Несколько мгновений он смотрел на меня, словно впервые увидел, потом, отвернувшись, зло произнес:

– Черт! Я слишком тебя запомню!

Подойдя к табуретке, взял одежду и сунул мне в руки:

– Одевайся!

И вышел из домика.

Несколько мгновений я стояла, не понимая, что случилось, потом медленно оделась и выбралась во двор.

– Садитесь! – мужичонка распахнул дверцы машины. – Домой вас отвезет. Извиняйте: мало ли чего бывает!

Еще не веря, опасаясь, что надо мной издеваются и сейчас все начнется с начала, я осторожно протиснулась на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, машина тронулась с места.

В «хеппи-энд» я поверила только тогда, когда машина, миновав развилку, повернула в сторону Белогорска. К тому времени водка сморила меня окончательно: я заплакала, растирая слезы по щекам, и так в слезах и уснула.

– Проснитесь! Куда теперь?

Я открыла глаза, ошеломленно глядя на трясшего меня за плечо водителя, посмотрела в окошко: машина стояла у въезда в Белогорск.

– Где ваш дом?

– Да, конечно! Поезжайте вот так.

Минут через десять мы оказались неподалеку от «моей» многоэтажки.

– Разрешите, я выйду здесь.

Водитель оглянулся, невесело усмехнулся:

– Понимаю. Не бойтесь: в гости не собираюсь.

Остановив машину, он помог мне выбраться, подал сумку и глухо сказал:

– Знаете, если бы в молодости рядом со мной оказалась такая, как вы, я бы горы своротил. А так...

Обречено махнув рукой, он сел в машину и, развернув ее, помчался прочь. Кинув вслед равнодушный взгляд, я взяла сумку поудобнее и побрела домой, думая о том, что об этой истории никогда и никому не расскажу. Как и сотни других, изнасилованных.

ОЛЬГА БОРИСОВА

ЕСТЬ НАДЕЖДА, ЧТО БУДЕТ РАССВЕТ…

НА МОСТУ

Взошла на мост. Опершись на перила,
Смотрю я вдаль на резвый бег волны.
Громадой вод, какая движет сила,
Какая мощь идёт из глубины?!
Как неоглядна водная пустыня,
За окоёмом скрыты берега.
А надо мной небесная твердыня,
Течёт под сводом вечности река.

Я замерла, охваченная чувством
Смятения и страха, и беды.
Во мне растёт нелепое безумство
Нырнуть с моста в безбрежие воды,
И стать сильней, не покориться силе
Её теснин глубоких и стальных.
Но высоки железные перила,
И дрожь берёт от всплесков ледяных.

ЭЛЕКТРИЧКА

Я вошла в электричку с названием «Жизнь»,
Мне билет подарило дождливое лето.
И летим мы теперь сквозь судьбы виражи,
Через зимы и вёсны, закаты, рассветы.

Где пристанище сыщем? С каким багажом
Мы сойдём на последнем глухом полустанке?
Оглянувшись, поймём, что считать миражом,
И на мир поглядим не с лица, а изнанки.

А пока ещё поезд проносит состав
По зигзагам судьбы сквозь беду и печали,
Мимо станций чужих, мимо ложных застав,
С неизвестным маршрутом в туманные дали.

НА ЛИСТЕ

Годы сшиваются новыми днями,
Как лоскуты у портного в руках.
Дни, словно птицы порхают над нами,
Путь, обозначив, стежками в строках.

Строки плетутся рифмованной нитью,
Вяжут поэты из них полотно.
Что-то из жизни, а что по наитью –
В мире сюжетов извечных полно.

Зимы и вёсны, и звёзды на небе,
Алый восход и лиловый закат.
Ночи безлунные, всякая небыль,
Грома трескучего грозный раскат.

Что-то рисуют поэты упорно
На белоснежном и чистом холсте.
Мыслей сплетенье рождает, бесспорно,
Свет на нетканом бумажном листе.

ПОЛОВИЦЫ

Я ушёл, а за спиною тихо ныли половицы
В. Юрков

Тихо ныли и ворчали за спиною половицы,
Когда в путь идти далёкий, вдруг пришла моя пора.
Мне казалось, обсуждали иль слагали небылицы,
Издавая звук протяжный, провожая со двора.

И, прощаясь, всё ворчали и не только половицы,
Дверь пружинилась, скрипела, громко хлопала вослед.
И парили надо мною, и кричали громко птицы,
Уберечь они хотели от грядущих многих бед.

Но ступали шумно беды, по следам моим шагали,
И сломить скорей хотели, больно жалили меня.
Но крыла я распускала и парила в синей дали,
Опускавшись, путь торила, по тропинкам семеня…

Отчий дом в туманной дымке, за далёким поворотом,
Как и раньше, так и ныне, смотрит окнами в рассвет.
Провожает и встречает - не меня… Живёт в нём кто-то.
И скрипят вновь половицы, и таят ушедших след.

ВЕСЕННЕ-ПОБЕДНОЕ

Меняю шубу на пальто, сама меняюсь.
Смотрю в окно и жду домой пичужек стаю.
Быть может, птицы принесут благие вести,
И будем славить мы весну с сынами вместе.

А во дворе шагает дождь по серым лужам,
Прошёлся он и по судьбе, и нашим душам.
Внезапно выветрил сквозняк былую память,
Слизало прежнее житьё чужое пламя.

Но будет новая весна, в неё я верю!
И будет, и должна стоять за нашей дверью!
И расцветут во всю красу весной тюльпаны,
Залечит время, скроет век живые раны.

***

Во дворе стоит жаркое лето,
И люпины разбрызгали цвет.
Красотой моё сердце согрето,
Есть надежда, что будет рассвет.

Новый день возгорится во славе,
Русь найдёт среди мрака пути.
От порога – к великой державе
Ей осталось сквозь бури пройти.

Распрямит она мощные плечи,
Одолеет пришедшее зло.
Раны прежние время залечит
И единство завяжет узлом.

ЛЕНТА

Чёрно-белою лентой проносится в памяти жизнь,
Кадры, быстро сменяясь, дают ощущение счастья.
За спиною моей поднимаются в рост миражи,
И всё больше тревожат настигшие будни ненастья.

Собираю в копилки ушедшие в прошлое дни:
Я девчонкой бегу по степи и срываю тюльпаны.
Где-то там вдалеке засветились селенья огни,
И ползут над землёй низко-низко седые туманы.

Ну, а летом привычно прохладою манит река,
Мы стремимся скорей окунуться в прозрачные воды,
И над нами плывут по небесным морям облака,
И, раздув паруса, поднимают небесные своды.

Всё бесследно проходит, но жизнь не пройдёт никогда.
Будет девочка рвать золотые, как солнце, тюльпаны.
Ту, другую, что ждёт? Что подарят ей дни и года?
И какие у неба на девочку выбраны планы…

Ну, а мне светотень, что лежит на рабочем столе
Вдруг напомнит о доме, и лента прокрутится снова.
Вспомню ласковый день и сирень в голубом хрустале,
Поцелуй и любовь, и величие первого слова.

ДОЖДЬ

Чертит дождь тире и точки
Тонкой кистью на стекле.
Жёлто-рыжие листочки
Душу греют в хрустале.

А моя душа в заплатах,
Много вынесла обид,
Стала робкой, не крылатой,
Каждый рубчик в ней болит.

Дождь усилился и ноты
Выбивает на стекле.
Что ему людей заботы,
Чай остывший на столе.

Чьи-то радости и беды,
И ненастная пора,
И что с ним веду беседы,
Об унылости двора…

Дождь стихает. Снова точки
Появились на стекле.
Жёлто-рыжие листочки
Оживились в хрустале.

ЛИСТЬЯ

Закутавшись в листья, бреду по аллее.
На серых тропинках листочки алеют.
Они распрощались с рябиной и летом,
Летят по дорогам, гонимые ветром.

Печальные листья – весенние гости.
Я их наберу себе полные горсти,
Поставлю букет на рабочем столе,
Ещё поживут в голубом хрустале.

Вы слышите, листья, судьбою мы схожи,
На землю слетели, уйдём с неё тоже,
В назначенный час по божественной воле,
Оставив дела, отыграв свои роли.

Летите листочки в безвестные дали,
Сегодня не нужно ни слёз, ни печали.
Задумчивой осени праведна грусть,
Я в ливни из листьев сейчас окунусь.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Оплетённый бульварами город
Засыпает лимонной листвой.
Лист кленовой свалился за ворот,
Покружив над моей головой.

Вот и осень... Навеяла скуку...
Бабье лето бредет по стопам,
Извещает о скорой разлуке
Рыжим скверам, бульварам, цветам.

И во всём – неизбежность покоя.
В уходящем – немая печаль.
Но цветут ещё пышно левкои
И светла заоконная даль.

Не тревожь меня осень тоскою,
Слёз прощальных напрасно не лей.
Я стихами тебя успокою,
Ты в строке утвердишься моей.

НОЯБРЬСКОЕ

Смотрит небо исподлобья на притихший двор,
То ли дождь, иль снега хлопья затевают спор.
Тонет город в дымке серой, опечален день,
Мне сбежать в весну хотелось, где цветёт сирень.

Где не бродят стаей тучи и лазурна даль,
И не сыплет снег колючий, принося печаль.
Она грустью точит души и тревожит нас,
Как змея, петлёю душит многих в этот час.

Капли первые упали, закружился снег,
Под зонтом, что цвета стали, ускоряю бег.
С улиц хмурых – в дом уютный и в его покой,
Где по стеклам бесприютный водит дождь рукой.

АЛЁНА РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ

ГЛАЗАМИ СОБАКИ

Сегодня моя хозяйка совсем другая – не узнаю её. Вместо корма для собак подала мне кошачий, который носит уличному коту Ваське – она действительно думает, что я стану это есть? Ходит по комнатам, что-то напевает, я бы даже сказал, не ходит, а парит, пританцовывая – где же музыка, не слышу её или я за одну ночь так состарился, что оглох? Хозяйка, ты меня слышишь – у тебя утюг уже второй час не выключается из розетки – сколько ещё платьев ты будешь гладить? Кто бы мог подумать, что у моей хозяюшки столько вещей в шкафу. Надо будет туда как-нибудь пробраться и разведать всё – я наверняка найду там что-нибудь на свои йоркширские зубки. Ну, что, кормить меня будешь или мне учиться мяукать, чтобы ты мне собачей еды насыпала? Ноль внимания на меня – ты посмотри. Хорошо, что сегодня суббота. По субботам у нас длительные прогулки по парку, там-то я получу от неё всё то внимание, которым она обделила меня с самого утра. Придётся есть Васькин корм, хоть бы усы не выросли кошачьи.

Так, вечер. Еле поводок нашёл в прихожей – ты зачем столько обуви достала, гав? Кеды свои надевай и пошли уже, да зонт возьми, а то снова чуть закапает – домой меня потащишь, а я ещё не на всех белок в парке погавкал, не всех голубей погонял. Сколько ждать то ещё, хозяйка, у меня сейчас хвост отвалится, столько вилять тебе, бегая взад–вперёд, пойдём гулять! Я корм Васькин съел – прощаю тебя, непутёвую, вечером согласен на котлету и сон в твоей постели, хотя бы в ногах – на подушку перемещусь, когда ты уснёшь. Опять куда-то побежала. Она ещё и дверь закрыла – снова шкрябаться придётся, а потом получать от неё газетой за то, что подрал имущество. Ладно, подожду ещё, свою горемычную. Цок-Цок, тык-тык – что это за звуки за дверью – кто это там идёт, стуча по ламинату? Ой, кто это? Каблуки? Рыжая, ты, что с ума сошла, – какие каблуки? Кеды, говорю, надевай, гулять пора! Куда это она вырядилась так и духами пахнет, фыр – в театр, что ли решила выйти, а я? А почему ты так не одеваешься, когда со мной на прогулку идёшь – я бы на белок не смотрел и про всех голубей забыл – только бы за твоими длинными ногами наблюдал. Ушла. А ты лежи здесь один на холодном ламинате

среди разбросанных ею вещей и жди, когда вернётся эта чудо-хозяйка. В животе урчит – кошачья стряпня не зашла. Спать.

О, кажется, возвращается, чувствую, как повеяло знакомым запахом у двери. Цветы? Это ещё что такое! И чем от тебя пахнет – какой-то незнакомый запах вперемешку с твоим? Что это – другой человек, мужчина? Стоп, меня осенило – кошачья еда, платья, каблуки, ходит сама не своя – ты влюбилась. О, нет, этого нам ещё не хватало – рыжая влюбилась в мужчину. Я кобеля в дом не пущу – так и знай! Готов спать на полу, отказаться от всех котлет в мире и есть Васькину еду, но мужчину в дом не пущу – ты слышишь, женщина?

Неделю уже таскает в дом эти веники, перемешанные с посторонним запахом. Выгуливает меня строго утром и вечером по пятнадцать минут. Не играет на пианино мой любимый собачий вальс. Она перестала жарить котлеты. Но самое страшное то, что она перестала печатать на своей любимой печатной машинке – она больше не пишет стихи. А я так любил, когда она вечерами садилась в кресло и читала вслух свои стихи. Я в поэзии не силён, но я видел, как у неё дрожали руки и светились глаза, когда она писала и читала, а сейчас она сама не своя. Её украли, украли у меня, украли у самой себя. Теперь она только парит по комнатам и что-то напевает. Она перестала разговаривать с цветами – ей теперь роднее странные длинные розы, которые пахнут чужим одеколоном. Даже не хочу видеть того, кто это всё подстроил – все эти вечерние прогулки не со мной, непонятные цветы без горшков, пыльное пианино и заброшенную печатную машинку. Я уже не говорю про котлеты – не помню, как они пахнут. Снова в животе урчит – что-то мне не хорошо, пойду, полежу. На её подушке! Пусть знает, кто в доме хозяин! Зашла – вышла и даже по шее не отвесила мне, за что я тут разлёгся – она меня не заметила! Надо спасать человека, эх, знать бы как. Я лишь собака, маленький терьер – у меня даже шерсть не настоящая, я мёрзну с осени по лето – меня самого одевать, как куклу приходится, укладывая на спину. Ну, попадись мне этот кабель цветочный, только приведи его в дом, хозяйка – я ему устрою неделю без котлет. Все носки с него сниму, все косточки на ногах пересчитаю! Он у меня быстро забудет дорогу в наш дом! Фыр, разорву!

Сегодня что-то раньше обычного пришла и без цветов – всё, конфетно-букетное закончилось? Тогда, может, котлет приготовишь и выгуляешь своего маленького пёсика? Что это ещё за вода из глаз течёт – слёзы? Ты куда пошла, не закрывайся от меня – дай уши полизать – горячие, очень горячие – у тебя температура, рыжая! Кто тебя довёл до такого вида? Ну, попадись он мне, гад одеколоновый! Вот так и лежи, а я положу передние лапы тебе на грудь и стану успокаивать твоё сердце. Давай, оближу все твои веснушки – я знаю каждую - целовал ни раз. Да, я

не дарю цветов, не покупаю тебе подарки, но я так люблю тебя, веснушчатая моя, ржавая моя, глупая моя, девочка! Обними меня и поплачь – люди говорят, что если с другом, то поможет – я же друг тебе? Конечно, друг! Кто, если не я? Кто?

В ТРИДЕСЯТОМ ЦАРСТВЕ

ОЛЕГ РОМЕНКО

ПОХИЩЕНИЕ

В Белом городе наступило лето. По утрам кошечка с мышкой отдыхали в беседке во дворе своего большого дома. Двор с игровыми площадками и ухоженными клумбами утопал в зелени.

Вокруг пищали домофоны подъездных дверей, гулко хлопали дверцы машин и звучно порыкивали моторы. Люди разъезжались по своим делам, а кошечка с мышкой отправлялись по своим.

Сначала трепетные комочки играли на площадке маленьким мячиком, подаренным им ребятами. Потом они завтракали «Лакомом кусочке», где весёлая продавщица угощала их жареной рыбкой и пончиком. А к полудню кошечка с мышкой забирались на Зелёную гору, откуда весь Белый город, сверкающий на солнце оконными и витринными стёклами домов и магазинов, виден был, как на ладони.

Трепетные комочки устраивались поудобней на тенистой лавочке под голубой елью у журчащего рядом фонтана, и беспечно нежились, даже не подозревая, какая им грозит опасность.

Дело в том, что в Россию вернулась их бывшая соседка Джулия. Недавно она познакомилась в интернете с иностранцем и уехала жить в страну, похожую на глобусе на длинный женский сапог с высоким каблуком. Джулия поселилась у Марка в Неаполе. Но не успели они обустроиться, как на их головы обрушился мусорный кризис.

Мусор некуда было вывозить, потому что всё пространство вокруг города было уже переполнено им. На пятые сутки кризиса на улицах появились гигантские метровые крысы. Они бродили прямо по тротуарам, замусоренным грязными салфетками и апельсиновыми корками. Завидев прохожих, крысы поднимались на задние лапы и совали морды людям в карманы.

Ещё через неделю горожане стали сами сгребать мусор в кучи и сжигать его на узких неаполитанских улицах. От едкого дыма у Джулии стали слезиться глаза и потёк нос, а руки стали чесаться от искреннего желания заехать в глаз какому-нибудь мусорщику или дворнику.

Через месяц в Неаполь приехал суровый и решительный еврокомиссар и поклялся решить мусорную проблему уже через сутки. Но утром, проснувшись в отеле на давно нестиранных простынях, он обнаружил у себя стригущий лишай и отбыл для поправки здоровья в Новую Зеландию.

И тогда вспомнила Джулия, что она Юлия и захотела вернуться на родину. Она с тоской смотрела в законопаченное окно, за которым кружился чёрный пепел от сожжённого мусора. Казалось, что снова проснулся вулкан Везувий. Марк отговаривал Джулию как мог.

- Ты не понимаешь, что такое Италия, Джулия! - восклицал он, взволнованно шагая по комнате. - Наши славные предки пережили чуму и холеру!

- А наши славные предки пережили половцев и печенегов! И что?! - рассердилась Джулия. - Хватит мне вешать на уши спагетти, Марк!

Джулия позвонила в Россию адвокату Карачуну. Адвокат помог ей выгодно продать квартиру Марка в Неаполе, и купить домик для двоих в Тарабаркино. Джулия понимала, что теряет приличное пособие по безработице в Италии, и что в России - кто не работает, тот не ест. Она ненавидела работу, но не могла больше оставаться в регионе, терпящем экологическое бедствие.

В конце лета, когда начали созревать плоды, трепетные комочки решили заняться собирательством. Однажды они гуляли по городу и обследовали фруктовые деревья. Неожиданно на них вихрем налетела какая-то странная особа на самокате. Это оказалась Джулия. Правая толчковая нога у неё была толще и длиннее, чем левая. Стянутые заколкой серые волосы с сиреневой прядкой, болтались сзади, словно волчий хвост. Глаза у Джулии были зелёные и колючие, как иголки кактуса.

Самокатчица молниеносно набросила на трепетных комочков сетку - авоську. Они даже ахнуть не успели, как оказались в ловушке. Закинув авоську с пленниками себе на плечо, Джулия покатила с горки домой. Тарабаркино лепилось к Белому городу, как ласточкино гнездо к скалистому утёсу. На спуске под многоэтажками сразу начинались маленькие сельские домики, в одном из которых теперь жила Джулия.

Бедная кошечка, прижимая лапкой мышку к своему сердечку, запуталась в авоське, как рыбка в неводе. Перед ней, как в калейдоскопе, промелькнули дома за железными и деревянными заборами с синими, зелёными и красными крышами. А потом Джулия резко затормозила перед своим участком. Прямо возле дороги стоял её дом, сложенный из серых шлакоблоков. Скошенные пятиугольные окна унылого строения были похожи на глаза грустного человека.

Рядом росла шелковица, под которой расстелил свой жёлтый плащ адвокат Карачун. Он яростно тряс дерево холёными и пухлыми руками. Адвокат был похож на огромную картофелину, выращенную на нитратах, с маленькими фиолетовыми глазками и толстыми слоновьими ногами. Весь плащ уже был усыпан чёрными и розовыми ягодами шелковицы вперемешку с зелёными и мохнатыми гусеницами, но Карачуну всё было мало, и он продолжал трясти ствол, не обращая ни на кого внимания.

А Джулия, сняв авоську с плеча, понесла сумку в руке с ошалевшими трепетными комочками к своему погребу.

- Будешь хорошо охранять мой урожай, - сказала она кошечке, - дам тебе яблочных шкурок!

Джулия распахнула дверь и вытряхнула трепетных комочков из сетки прямо на ступени погреба. Кошечка с мышкой сразу почувствовали сырой холод подземелья. Повсюду их окружал непроглядный мрак, и комочки на ощупь спустились вниз по вырытым в земле ступеням. Обнявшись лапками, кошечка с мышкой ободряюще поглаживали друг дружку по спинке. Трепетные комочки задумались. Их лобики стали горячими, а в глазках поблёскивали огонёчки, как свечки в ночи.

Неожиданно на кошечку с мышкой обрушился целый каскад звуков с разных сторон. Сначала кто-то сверху громко застрекотал, словно сверчок на балконе.

- Юр-юр-юр! У-ру-ру! Юр-юр-юр! У-ру-ру!

Потом где-то сбоку раздался звук, схожий с шипением масла на раскалённой сковородке:

- Шшш... Шшш!!! Шшш... Шшш!!!

А сзади комочки услышали тяжёлый и глубокий вздох смертельно уставшего человека, будто он рояль затащил на девятый этаж.

- Ох-ох-ох! Эх-эх-эх! Ух-ух-ух!

Кошечка осторожно сделала шаг вперёд и наступила лапкой на странный предмет, который закрутился под ней, норовя выскользнуть. Тогда она сильнее надавила на цилиндр и выпустила коготки. Один коготок зацепился за какую-то кнопочку и вспыхнул волшебный фонарь, валявшийся на земле. При чудодейственном свете этого фонаря все живые существа начинали говорить на общем и понятном для всех русском языке.

- Ах! - воскликнула кошечка вместо обычного «мяу».

- Ух ты! - удивилась мышка.

Высоко на дубовой бочке, придавленной сверху камнем, сидела надутая зелёная жаба в голубой косынке, обмотанной вокруг шеи. Она смотрела на комочком выпученными глазами, а потом, удивляясь самой себе, представилась:

- Ирэн!

- А я Люнель! - тут же подхватил кто-то сбоку.

Кошечка повернула лапкой фонарик в сторону, и трепетные комочки увидели свернувшуюся кольцами чёрную гадюку на клетчатом вязаном пледе.

- А я Марк! - откликнулся еще один голос.

Кошечка снова повернула фонарик лапкой, и они с мышкой обнаружили странного человека, сидящего на табуретке. Он был прозрачным насквозь. Земляная стена, к которой Марк прислонился спиной, была видна сквозь его тело и одежду.

- А кто вы такие? - вместе спросили трепетные комочки.

- Я хэдлайнер кавер - группы на болоте «Четыре жабы», - ответила Ирэн.

- А я спикер этнофестиваля гадюк в Тарабаркино, - сказала Люнель. - А вы кто?

- Мы собиратели русских земель! - гордо ответили кошечка с мышкой

- А что вы собираете? - допытывалась гадючка Люнель.

- Разное, - промурлыкала кошечка. - Орешки, грибочки, ягодки.

- Здесь вы ничего не соберёте! - сказала комочкам жаба Ирэн. - Здесь всё собирает только адвокат Карачун. Он хуже плодожорки!

- Правда! - подтвердила гадючка Люнель. - Мне этим летом почти нечем было кормиться на огороде Джулии, а в погребе от меня скоро вообще один нос останется!

- А какие у Джулии в траве под сливами жили - были вкуснейшие виноградные улитки! - причмокнула жаба Ирэн. - А потом появился адвокат Карачун, собрал всех улиток, завернул их в капустные листы и наделал себе голубцов! У меня уже неделю даже мошки во рту не было, только подкожным жиром и спасаюсь!

- Я ещё перед отъездом говорил Джулии, - подал голос странный человек, - не связывайся с Карачуном, он юрист, он законы знает, и мы с ним никогда не расплатимся!

Кошечка подошла к человеку, привстала на задние лапки и хотела передними упереться в его колени, чтобы получше рассмотреть, но провалилась сквозь прозрачного и воздушного Марка, удержавшись лапками только за табуретку, на которой сидел призрак.

- Был я раньше человеком, а теперь стал привидением, - горько сказал Марк.

- Расскажи! Интересно! - выгнула спинку кошечка.

- Джулия не работала ни одного дня в своей жизни и очень этим гордились. В Италии её называли синьорой, а в России поганкой. Джулия любила кататься на самокате и загорать на пляже, а вся работа по дому легла на меня.

Марк почесал ладонью небритую щёку, заросшую прозрачной щетиной, и продолжил рассказ:

- Когда мы переехали в Россию, я сразу засадил весь огород овощами и ягодами. Но только они начинали созревать, так их сразу съедал адвокат Карачун. Чтобы спасти хоть часть урожая, я решил закатать в банки зелёные помидоры.

- А дальше что было? - поинтересовалась кошечка.

- Однажды, когда я зашёл в погреб проверить - всё ли на месте, то все закрутки взорвались, и я превратился в привидение. А после взрыва сюда стал наведываться крот Недотыкомка и поедать картошку, которую я выкопал ночью и чудом спас от Карачуна, спрятав её в потайной яме погреба под досками пола, - грустно вздохнул Марк, закончив рассказ.

- А как вы сюда попали? - спросили трепетные комочки остальных невольников.

- Так же, как и вы! - ответила жаба Ирэн. - Меня Джулия на огороде словила, косынкой обхватила, затянула концы узлом и чуть не удушила, а потом бросила в погреб и приказала урожай стеречь.

- И меня на огороде! - пожаловалась гадючка Люнель. - Джулия набросила на меня плед, коленкой на живот надавила, я чуть не задохнулась!

- Джулия знает двадцать два способа удушения, - объяснил Марк. - А я здесь сижу, потому что мне нельзя наружу. Адвокат Карачун сказал, что если меня увидят люди, то сразу же арестуют.

Пока пленники разговаривали, из дырочки в стене погреба показались чьи-то лопатообразные ладони, похожие на человеческие. Потом высунулся длинный розовый нос, вроде хобота, а за ним вытянутая мордочка с щёлочками вместо глаз. Это был крот Недотыкомка. Он принюхался и угрожающе оскалил острые зубы.

- Не ешь меня, Недотыкомка! - в отчаянье вскричала гадючка Люнель. - Я тощая и ядовитая!

- А я вся в бородавках и плесени! - заплакала перепуганная жаба Ирэн.

- Очень вы мне нужны, чучундры! - фыркнул крот. - Я буду картошку молоденькую есть!

- Не смей, Недотыкомка! - простонал Марк, будто ему расковыряли больную рану.

- Да пошёл ты, Марк! - рассердился крот. - Ты же знаешь, я не боюсь привидений!

Недотыкомка сделал подкоп под половицу, и вскоре подавленные пленники услышали смачные звуки:

- Хрум - хрум! Хрусь - хрусь! Хрямс - хрямс!

А мышка залезла в дырочку и по тоннелю крота выбралась наружу. Перед собой на огороде она увидела адвоката Карачуна, сидящего на высохшей ботве и курящего трубку.

- Тьфу ты! - сплюнул Карачун. - Опять трубка погасла!

Мышка быстро вернулась в погреб, рассказала кошечке на ушко о плане спасения, и закипела работа. Мышка расширяла стенки кротовой норы и устанавливала опорные деревянные колышки, как в шахте, а кошечка выгребала лапками валившуюся сверху землю и подсвечивала фонариком. Когда все было готово, и нора стала широкой, трепетные комочки позвали с собой остальных пленников. Но те наотрез отказались.

- Над нами не каплет! Мне Джулия косынку подарила! - отнекивалась жаба Ирэн.

- А мне плед! - поддакнула гадючка Люнель. - Лишь бы не было землетрясения!

- А я останусь со своим урожаем! - заупрямился Марк. - Столько труда в него вложил!

- Ну, тогда счастливо оставаться! - пожелали им трепетные комочки и полезли в расширенный тоннель.

Но не успели они ещё выбраться наружу, как земля стала сотрясаться вокруг так, словно это сваи на стройке забивали рабочие. Адвокат Карачун, тяжело ступая слоновьими ногами, закричал:

- Никто не видел мою зажигалку?!

Волшебный фонарь погас, втоптанный Карачуном в землю. После этого раздался сдавленный писк крота, свистящее, как из проколотого мяча, шипение гадюки, короткий хрип жабы, ругань на латыни привидения Марка и истерический вопль поганки Джулии:

- О мама-мия! Теперь мне придётся устраиваться на работу!

Потом послышался треск проламываемых досок и хруст раздавливаемой картошки. Под потолком погреба парили, как космонавты в невесомости, прозрачные оболочки Марка, Ирэн, Недотыкомки и Люнели. Адвокат Карачун смотрел на них мутными глазами и тряс головой, повторяя:

- Больше не буду курить! Больше не буду курить!

А кошечка с мышкой видели солнце на другом конце кротовой норы. Колышки в тоннеле дрожали, земля осыпалась, затрудняя вылаз, и трепетные комочки изо всех сил гребли лапками, как пловцы в бассейне, навстречу воздуху и свету.

Когда им показалось, что сил больше нет, и земля засасывает их лапки, как трясина, кошечка с мышкой внезапно ощутили мощный прилив энергии и благодатный огонь внутри. Они почувствовали, как крепко держатся за руки, а их пальцы переплелись, сцепившись в замок. Они снова

превратились в людей, и теперь шли к выходу из меловой пещеры, в которой в старину жили отшельники.

- Скорее! Скорее! Выходим! Экскурсия заканчивается! - звал их за собой пронзительный женский голос гида.

На выходе из пещеры им открылся красивый вид на пёструю, цветущую долину, стиснутую, как река берегами, зелёными холмами, густо засаженными лесом. Внизу на трассе туристов ждал экскурсионный автобус.

Устав от двухчасовых хождений по пещерам, парень с девушкой облегчённо откинулись на спинки сидений. Она положила голову ему на плечо, тихонько помурлыкала на ухо и они уснули. Ветер, залетая в форточку, вздувал шторки автобуса и ерошил им волосы. А молодым людям снилось, что они беззаботные кошечка с мышкой, которые лежат летним утром на скамейке в тенистой беседке своего двора. Ветерок легко колышет им шёрстку, а они обдумывают и предвкушают свои новые приключения. И что бы ни ожидало их впереди, трепетные комочки знают, что всё у них в жизни будет как в доброй, счастливой сказке, потому что они по-настоящему любят друг друга, всегда вместе и никогда не падают духом.

ИРИНА МИЛЧЕВСКАЯ

ПОТОМКИ ХАНА АСПАРУХА. БОЛГАРСКАЯ САГА

(окончание, начало в первом номере за 2023 г.)

Глава 20. Навстречу мечте

Спустя год, Марийка сдала государственные экзамены, получила диплом с отличием и направление на учёбу в Ашхабадский мединститут. До начала учебного года оставалось несколько месяцев, и девушка решила в это время поработать в городской больнице, в Гори, где по-прежнему жила с матерью. Проходя привычной дорогой по булыжной мостовой, она часто останавливалась в том месте, где был ранен Максимилиан, когда бежал к ней под дулами автоматов.

В памяти всплывало его бледное лицо, лихорадочно блестящие глаза, вспоминалось отчаянное, едва слышное:

— Мария!

После расставания с Максимилианом девушка стала задумчивой и грустной. Мать видела состояние дочери, но из деликатности не допытывалась, почему та перестала улыбаться, редко стала ходить в кинотеатр и на танцы в парк. Ведь причина радоваться у Марийки была: исполнялась её заветная мечта - она едет учиться в медицинский! Во все времена профессия врача была востребованной и престижной, особенно она ценилась в Грузии.

Все чаще Любомира заставала дочь за чтением книг об Австрии, с самоучителем немецкого языка, или что-то записывающей в толстую тетрадь. Не допытывалась ни о чём и не расспрашивала. Захочет — сама расскажет. Но Марийка молчала, поверяя свои мысли только дневнику, на страницах которого постоянно рисовала Максимилиана, укладывающего камень, катящего тележку, идущего в строю. Особенно точно девушке удавалось изобразить лицо любимого. Она делала это бесчисленное количество раз, пока наконец-то не удалось нарисовать портрет юноши

так, что он едва бы уступил фотографии. На рисунке Максимилиан был как живой! Там же писала ему письма на немецком, сознавая, что наверняка делает множество ошибок.

Понимала, — он никогда не прочитает эти письма, но так было легче пережить разлуку. Думала она и о том, почему Максимилиан на жетоне написал приставку «фон» к своей фамилии, ведь дворянские титулы в Австрии были упразднены задолго до начала Второй мировой войны, как когда-то им сказал учитель истории.

«Неужели для того, чтобы показать своё превосходство в происхождении? Нет, это не похоже на него!» — была уверена Марийка.

«Тогда для чего? Видимо, чтобы легче было его найти, поскольку у аристократов есть родовые поместья?» — спрашивала себя девушка, не находя ответа.

И усмехалась с горькой иронией:

«Сколько лет я в своей стране не могу поехать на север повидаться с отцом, а уж за рубеж, в капиталистическую страну, меня, дочь врага народа, никогда не выпустят. Даже когда откроют границы и у людей появится возможность увидеть мир».

Луиза получила обычный диплом, не особенно расстраиваясь по этому поводу. Она понимала, что не поедет поступать в институт, потому что семья не сможет помогать ей материально.

Перед отъездом домой, где её ждала работа в фельдшерском пункте, девушка шутливо пригрозила Марийке:

— Напрасно, подруга, ты мечтаешь о заграничном принце — его все равно никогда не пустят в Союз! Не мечтать надо, а действовать, в наше время только дурочки о любви думают. Тебе надо реального жениха искать. Я своего не упущу, отхвачу лучшего. Ещё посмотрим, кто из нас будет счастливее, — ты со своей привлекательной внешностью и романтическими чувствами, или я с точным расчётом.

— И в чём же заключается твой расчёт?

— Отхвачу себе самого богатого жениха! Сына председателя колхоза или учёного агронома, к примеру.

Марийка пожала плечами в ответ на такое заявление:

— А как же любовь? Ты уверена, что без неё можно стать счастливой?

— Любовь не имеет никакого значения! Захочу, — полюблю! А его чувства для меня совсем не обязательны.

— Мне кажется, что, если суждено в семье любить кому-то одному, пусть лучше это будет мужчина!

— Ничего, для жизни важнее средства, а не чувства!

— Как можно создать семью без любви?

— А хоть бы и так! Что в том плохого? Сколько счастливых браков, где семьи создаются по расчёту!

— Поступай, как велит тебе совесть.

— Эх, и непрактичная же ты, Марийка! Да с твоим личиком и фигурой я бы не сохла за книгами, а оторвала бы себе самого завидного жениха в Ашхабаде, тем более название города символично.

— Луиза, я ведь учиться туда еду!

— Одно другому не мешает. Закадри доцента или профессора, выйди замуж, роди ребёнка. И не нужно будет горбатиться над операционным столом и дышать вредным эфиром. Жизнь-то одна, и не надо потом раскаиваться за бесцельно прожитые годы!

— Вот именно! Нужно достойно её прожить! Только мы по-разному это понимаем.

Фантазия Луизы неслась вскачь дальше:

— Представь себе: шикарная квартира, роскошная мебель, ковры, хрусталь, на кухне прислуга, с ребёнком няня! А ты в шёлковом пеньюаре, лежишь на шёлковом покрывале и накручиваешь пальчиком номер телефона любовника. Договариваясь с ним о встрече, пока муж читает лекции в институте. Вечером с законным супругом идёшь в театр или в ресторан, он целует руки, дарит бриллианты, не подозревая, что у него на лбу давно ветвистые рога!

— Фу, Луиза! Хватит дурачиться! Ты не только мещанскую картинку нарисовала, но и пошлую. Откуда ты этого набралась, фантазёрка? Из заграничных фильмов? Зачем ты хочешь казаться хуже, чем есть на самом деле?

— Жаль, что у меня нет ни единого шанса пожить шикарной жизнью, пусть даже в столице азиатской республики, куда ты едешь! Завтра уезжаю в село…

— Поехали со мной, попробуй поступить в институт на общих основаниях. Ты же способная и память у тебя отличная. Я помогу!

— А я давно уже передумала учиться на врача. Если бы у меня были средства, неужели пошла бы учиться на мастера по клизмам? Я мечтала о ВГИКе или о Щуке на худой конец, и о жизни в Москве. Мечтала стать актрисой, сниматься в кино. У меня получилось бы! Не все актрисы красавицы вроде тебя, к примеру. Я стала бы комедийной актрисой, как Раневская, к примеру.

— Да, у тебя бы точно получилось, с твоими способностями перевоплощаться и смелостью, — Марийка понимала, что своей бравадой Луиза пыталась приглушить зависть к ней, - я сожалею, что ты не можешь осуществить свою заветную мечту.

— Мне нужно матери помогать, нарожали с отчимом детей, как кролики, теперь едва сводят концы с концами. А Москва — жестокий город, любящий деньги. В ней без поддержки не выживешь. Да и Тбилиси мне не по карману.

Разговоры с подругой заставляли Марийку задумываться о женском счастье, о браке и любви. Думала она и о Луизе, о её стремлении устроить себе обеспеченную жизнь любой ценой, во что бы то ни стало. Но Марийка чувствовала, что материальный расчёт, — не её путь к счастью.

Отца тем временем перевели из лагеря в спец поселение, в посёлок Ягодный Магаданской области, и наконец-то разрешили выписать семью. Он радовался поступлению дочери в институт и звал жену к себе. В конце лета Марийка стала собираться на учёбу. Благословив дочь, Люба проводила её в дальнюю дорогу. Но уехать к мужу женщине было не суждено: за день до отъезда её сбил грузовик с отказавшими тормозами. Любомира получила множество переломов и черепно-мозговую травму, но осталась жива. Придя в сознание, она с трудом узнавала родственников. Не помнила прошлую жизнь и мужа, которого не видела более десяти лет.

А когда у Любы спрашивали, поедет ли она к нему, когда снимут гипс, изумлялась:

— А разве моего мужа не расстреляли много лет назад?

Вспоминала лишь дочь, с которой рассталась недавно, о ней беспокоилась, её звала в минуты сильнейших головных болей, когда не помогали обезболивающие. Сёстры и племянницы скрыли происшедшее от мужа Любомиры и дочери, по очереди ухаживали за больной, надеясь на скорое выздоровление.

Тем временем ничего не подозревающая Марийка училась, жила в общежитии, а в свободное время гуляла с подругами по Ашхабаду, который полюбила с первой минуты. Город поразил её древними дворцами и минаретами, великолепными фонтанами, величественными храмами-усыпальницами и бесчисленными памятниками. Девушка устроилась работать дежурной медсестрой в ближайшей больнице, и работала там в ночные смены и воскресные дни. В первом же письме матери кратко описала институт, общежитие, новых подруг, работу, а главное - впечатления о туркменской столице и её гостеприимных жителях. Ей все здесь нравилось, она была счастлива тем, что сбывается заветная мечта - она станет хирургом!

Пятого октября тысяча девятьсот сорок восьмого года Ашхабад жил обычной жизнью. Тёплым звёздным вечером, закончив подготовку к занятиям, Марийка с соседкой по комнате вышли прогуляться и подышать свежим воздухом. В парках и на танцплощадках играла музыка, всюду бродили влюблённые парочки, горожане наслаждались вечерней

прохладой. Некоторые, готовясь ко сну, стелили постели на плоских крышах глинобитных домиков, не подозревая, что совсем скоро такой ночлег спасёт им жизнь. Город постепенно затихал. Уже возвращаясь с прогулки, в сквере под кустом девушки нашли маленького скулящего щенка со сломанной задней лапкой. Было видно, что щенок голоден, ему страшно и больно. Сердобольные девушки подхватили щенка и, тайком пронеся мимо вахтёра - инвалида войны в свою комнату, напоили молоком, наложили на лапку маленькую шину из обломка деревянной линейки, и уложили спать.

Около часа ночи щенок разбудил девушек, начав громко скулить, а потом ковыляя и волоча больную лапку с шиной, толкнул неплотно прикрытую дверь их комнаты и выбежал в коридор. Наспех накинув халат, Марийка выбежала вслед за ним на улицу, увидела на небе непонятные вспышки и отблески света, услышала вой собак.

Неожиданно возник грозный гул, потом грохот и треск, земля задрожала и заколыхалась. Из здания общежития выбежали вахтёр и стайка перепуганных студенток.

— Неужели опять война, — закричал бывший солдат, — ложись на землю, сейчас начнётся бомбёжка!

— Это, наверное, американцы сбрасывают на нас атомные бомбы, как в Японии! — подхватила его мысль одна из девушек дрожащим от страха голосом.

Подхватив испуганного щенка, Марийка побежала к большому теннисному столу, стоящему недалеко от общежития, на спортивной площадке.

— Спрячемся здесь! — закричала она на ходу и залезла под стол. Девушки последовали её примеру.

В этот время стали рушиться здания, рухнуло общежитие. Клубы взметнувшейся пыли, качающиеся деревья и падающие дома были освещены странным желтоватым светом. Затем наступил мрак, со всех сторон раздались крики, плач; засветилось пламя вспыхнувших пожаров, а земля продолжала подрагивать. То тут, то там сыпались кирпичи, падали целые стены. Всё пришло в движение. Привычная, прочная и неподвижная ранее земля качалась, как палуба корабля в шторм. Слышался глухой подземный гул. Погасли ночные огни, зашумела листва на уцелевших деревьях, словно порыв ветра пронёсся в садах. Густые клубы пыли окутали город, трудно было дышать. Это продолжалось недолго, не более пары минут, но показалось Марийке вечностью. Затем все успокоилось. Девушки вылезли из-под чудом уцелевшего стола, с поваленным на него молодым деревцем и с ужасом осмотрелись. Им предстала страшная картина: все здания были разрушены, везде завалы, пыль стояла столбом.

Вместо прозрачной звёздной ночи над Ашхабадом стояла непроницаемая молочно-белая стена, а за ней ужасные стоны, вопли, крики о помощи. Раздумывать было некогда. В кромешной тьме и в плотной завесе пыли студентки принялись голыми руками судорожно откапывать сокурсниц, помогать соседям разбирать завалы и вытаскивать из-под обломков их домочадцев. Кое-где появились костры, их слабый свет помогал оказывать помощь раненым, но под руками ничего из медикаментов не было. Те, кого удалось выкопать в первые несколько часов – были спасены, остальным не повезло: перед рассветом новый толчок окончательно погреб их под развалинами.

Когда рассвело, Марийка вместе с другими выжившими студентами из общежития пришла на площадь Карла Маркса, где спасшиеся профессора их института организовали импровизированный госпиталь. Студенты вместе с младшим медицинским персоналом клиники в её развалинах откопали хирургические инструменты и нити для операций. Кое-что из перевязочного материала собрали на месте разрушенной аптеки. Из-под обломков какого-то учреждения вытащили канцелярские столы и, составив их попарно, начали делать операции. Наркоза хватило лишь на нескольких пациентов. Остальных пострадавших медики и студенты крепко удерживали руками, страдая, что больше ничем не могли облегчить их боль. Некоторые не выдерживали и умирали от болевого шока. Часто раненым приходилось ампутировать руки и ноги, которые можно было спасти в нормальных условиях. Тяжелее всего было сортировать пострадавших. Марийка записывала под диктовку профессора фамилии тех раненных, которых можно было ещё спасти, старалась не смотреть в глаза остальным. После таких обходов она уже ничего не видела сквозь пелену слёз. Студенток, работающих в операционном блоке, приводил в чувство суровый окрик хирурга, бывшего фронтовика:

— Отставить слёзы! Здесь вам не институт благородных девиц, а считайте, что линия фронта. От нашей с вами слаженной работы зависит жизнь людей!

На следующий день, во время небольшого перерыва после смены, Марийка побежала к бывшему общежитию. Ей повезло — среди завалов удалось найти свой чемоданчик. Девушка с трудом открыла его смятую крышку и, порывшись в вещах, облегчённо вздохнула: сохранился её дневник, а в конверте среди документов лежал памятный жетон Максимилиана…

На обратном пути к госпиталю она увидела страшную картину: военные раскопали засыпанный вход в полуподвальный этаж соседнего общежития, где жили работницы ткацкой фабрики. После первого подземного толчка дверь на улицу заблокировалась обломками рухнувшей

стены, а огонь из разрушенной печки распространился по всем помещениям. Сгорели заживо все шестьдесят работниц, молодых цветущих девушек. В тот же день Марийка увидела маленького ребёнка в уцелевшей кроватке, чудом зацепившейся за крюк полуразрушенного дома на высоте четвёртого этажа. Онемевший от страха ребёнок таращил глазёнки на военных внизу, которые растягивали одеяло, чтобы поймать его. Один из солдат с трудом влез на стену и уже протянул руку, чтобы вытащить ребёнка, как именно в этот момент стена рухнула, похоронив под собой всех...

Марийка вновь работала операционной сестрой, пригодились навыки работы в больнице. Испытав сильнейший эмоциональный шок в первые сутки после землетрясения, видя невыносимые мучения множества людей, ощущая огромную потребность помочь, облегчить их телесную и душевную боль, она страдала, что в числе других медиков не могла оказать помощь всем нуждающимся.

Площадь постоянно была полна кричащих и стонущих раненых. Ашхабадские медики работали все дни до темноты без перерывов. Врачи отходили от операционных столов и падали с ног от усталости, мгновенно засыпая прямо в развалинах. Операции продолжались при свете автомобильных фар и самодельных факелов. В Ашхабад прибыли тысячи врачей и медицинских работников из Москвы, Баку, Алма-Аты, Ташкента и других городов страны. Везли оборудование и медикаменты для оснащения разворачивающихся повсюду полевых госпиталей.

От чудовищных потрясений и усталости, в голове у Марийки уже не было никаких мыслей, кроме одной — помочь пострадавшим. Она быстро повзрослела за это время. Студентка впервые увидела стихийное бедствие грандиозного масштаба и настоящую военно-полевую хирургию не из учебников, а в условиях, приближенных к военным. Единственное, с чем Марийка не могла смириться со смертью, особенно когда она забирала детей и молодых здоровых людей. Марийка знала, что врачи, особенно хирурги, с годами привыкают к ней. Неужели и она привыкнет? Ведь со временем девушка сама стала походить на робота, автоматически выполняющего команды. После суточной смены разрешалось поспать совсем недолго, а потом нужно было вновь помогать хирургам на операциях или работать в перевязочной.

Марийка потеряла счёт дням, неделям. Казалось, это не закончится никогда. Получив телеграмму, что мать серьёзна больна и нуждается в её помощи, она с трудом отпросилась у декана лечебного факультета и сразу же выехала домой.

Глава 21. Взгляд любимых глаз

После холодной ветреной зимы наконец-то наступила долгожданная весна. Пришла окончательно и бесповоротно! Ошеломила разнообразием красок, оттенков и ароматов. Фундук выпустил серёжки, стали распускаться виноградные почки. Зацвёл миндаль, абрикос и персик. Вслед за ними расцвели все остальные фруктовые деревья. Они стояли, нарядные и величавые, словно невесты в кружевных уборах, утопая в белых и розовых цветах, словно обещая хороший урожай. После всех испытаний пришли тепло, покой и надежда на хорошее будущее.

Марийка устроилась работать в больницу, где лежала мама. Сложные переломы у матери срастались очень медленно. Обнаружилась ещё и ретроградная амнезия, при которой память на давние события могла не восстановиться. Как ни упрашивала Марийка после выписки из больницы отпустить мать в её сопровождении к отцу в Магадан, врачи категорически запретили. Длительный переезд, смена климата и новая обстановка могли усугубить состояние больной. Любомира нуждалась в длительном постоянном уходе и покое.

После выписки матери из больницы, Марийка нашла работу в аптеке воинской части недалеко от дома, в котором они снимали квартиру. Мать долгое время была беспомощной и не могла себя самостоятельно обслужить. Мечта стать врачом снова откладывалась на неопределённое время. И с этим смириться было труднее всего. Скромной зарплаты едва хватало на питание и оплату квартиры, какая уж тут учёба! К тому же не с кем было оставить мать, а добротой родственников совестно было злоупотреблять бесконечно. Но постепенно жизнь стала налаживаться. Люба медленно выздоравливала, но всё ещё была слаба. Чтобы хоть немного помочь дочери, она стала вязать на продажу детские вещи.

В аптеке Марийка чувствовала себя словно рыба в воде, быстро научилась готовить порошки по рецептам, взвешивать их и ловко фасовать в маленькие пакетики. Она была внимательна и приветлива с посетителями, вела себя сдержанно и скромно. Заведующая аптекой, Ольга Львовна, была довольна работой сообразительной и расторопной сотрудницы, доверяла ей, и даже иногда оставляла одну в аптеке, когда нужно было отлучиться по своим делам.

Вскоре в их воинской части появился новый офицер. Девушки засматривались на высокого и статного, к тому же неженатого капитана, впечатляли боевые ордена и медали на его мундире. Через непродолжительное время он завоевал уважение всех женщин гарнизона — работниц бухгалтерии, медсанчасти, столовой, почтительным отношением, ненавязчивым участием, тонким юмором. Замужние

сотрудницы тут же стали искать симпатичному капитану достойную невесту, откровенно выпытывая у него, какие девушки нравятся ему больше - блондинки или брюнетки? Он отшучивался, говорил, что нравятся все, но особенно умные, серьёзные и скромные.

— Почему вы за девчатами не ухаживаете, Константин? Вон сколько их в нашем военном городке!

— Девушка моей мечты, скорее всего, живёт на другой планете. По крайней мере, на нашей я её пока не встретил.

— Константин, так я знаю такую инопланетянку, — обрадовалась пожилая бухгалтерша, — это моя племянница! Вот только, кроме книг, её ничего не интересует.

— И где же можно увидеть вашу начитанную инопланетянку?

— Лететь на Марс не придётся, она работает в нашей аптеке.

На следующий же день капитан зашёл в аптеку.

Девушка в белом халате стояла спиной к входу и раскладывала в витрине упаковки с лекарством...

В то утро Марийка разбирала полученную накануне большую коробку с лекарственными препаратами. Выполняя монотонную работу, думала об однокурсниках, наверняка сидящих сейчас в аудитории на лекции. О больной маме, об отце, от которого давно не было вестей. Конечно же, как всегда, вспоминала Максимилиана. Представляла, как живёт и чем занимается он в далёкой Австрии. Ей представлялся старинный особняк, где должна жить семья любимого. Возможно, именно в эту самую минуту всё семейство собралось в просторной гостиной за завтраком. Максимилиан пьёт кофе, просматривая утренние газеты, а может, уже проводит совет директоров на собственном предприятии или прогуливается по парку. Марийка вздохнула, вспомнив, что в плену он, оборванный, измождённый, меньше всего был похож на аристократа. Она представила его светлые волосы, худощавое лицо, обращённый в её сторону взгляд...

Вдруг за её спиной кто-то почтительно кашлянул. Девушка вздрогнула, быстро обернулась и вскрикнула от удивления: на неё внимательно смотрели серо-голубые глаза Максимилиана!

Придя в себя, Марийка увидела, что перед ней стоит незнакомый военнослужащий и с интересом её рассматривает. Девушке стало неловко, она слегка покраснела и сказала:

— Доброе утро, я вас слушаю.

— Простите, что напугал! Не думал, что моя внешность может так подействовать на вас.

— Да нет, что вы! Я вскрикнула от неожиданности.

— Я шёл мимо и … вспомнил, что мне нужно одно лекарство.

— Какое именно? У вас рецепт есть?

— Рецепта нет.

— Тогда зайдите в другой раз. Но если лекарство простое, то отпускается без рецепта.

— Да, лекарство действительное очень простое, — капитан буквально впился глазами в витрину, под стеклом которой были представлены различные препараты с ценниками.

Выбрав самое недорогое лекарство, покупатель указал на него.

— Препарат кальция? — уточнила Марийка, наверное, он предназначается для вашей беременной жены?

— Нет у меня жены, тем более, беременной, — офицер слегка смутился и, почувствовав подвох, добавил, это лекарство я покупаю... для своей кошки. По совету ветеринара.

Расплатившись, посетитель направился к выходу.

— Товарищ капитан! Вы свою покупку забыли!

Офицер смутился ещё больше:

— Действительно забыл, извините.

В дверях капитан столкнулся с заведующей аптекой. Поздоровавшись и пропустив Ольгу Львовну, он поспешил выйти.

— Что ему нужно было? — поинтересовалась заведующая.

— Препарат кальция для беременных.

— Ты ничего не путаешь? Он не женат, все в части знают.

— Нет, не путаю, — ответила Марийка и внимательно посмотрела на вдруг зардевшуюся заведующую, которая с сожалением провожала взглядом удаляющегося офицера.

«Такой красавец! Как жаль, что он намного моложе меня...», — выражение лица безнадёжно влюблённой женщины выдавало её чувства.

С тех пор Марийка почти ежедневно видела в аптеке странного посетителя, всегда покупавшего один и тот же препарат, догадываясь, что заходит он вовсе не за таблетками, а чтобы увидеть её. Завидев офицера, строгая аптекарша заранее доставала с полки нужную коробочку и, едва ответив на приветствие, ставила её перед ним на прилавок, всем своим видом давая понять, что занята и не намерена любезничать. Тем более, на работе. Симпатичный холостяк смущал её, но не вызывал в душе ни малейшего волнения.

«Почему же лицо его так притягивает меня? Почему я готова смотреть на него вновь и вновь? Что в нём особенного?» — постоянно спрашивала себя девушка. Но ответ на эти вопросы знала с первой минуты встречи с капитаном: глаза офицера бесконечно напоминали ей любимого!

Глава 22. Свадьба

...В тот день Марийка закончила работу и вышла из аптеки на улицу, торопясь домой. Была уже середина весны. Слегка припекало вечернее солнце, слабый ветерок ласкал лицо и нашёптывал ей что-то приятное…

Она улыбнулась, вздохнула всей грудью, осмотрелась вокруг. Цветущий город настроил Марийку на романический лад. Она вдруг вспомнила, что скоро май, начнутся танцы в парке под музыку духового оркестра. Как давно она не танцевала!

Переходя улицу, заметила шедшего невдалеке капитана. Сделав вид, что не узнала его, пошла дальше, ускоряя шаг. Преследователь не отставал, следуя на почтительном расстоянии.

«Вот репей!» — подумала девушка и юркнула в подъезд дома, где жили её родственники. Выждав какое-то время на лестничной площадке, она вышла из подъезда и продолжила свой путь. Проходя по скверу, Марийка услышала нежную мелодию медленного вальса-бостона. Недалеко от неё влюблённая пара, взявшись за руки, входила в ворота парка.

«Какие счастливые! — воскликнула про себя Марийка, глядя на них, — они живут в одной стране, говорят на одном языке, они счастливы вместе!»

Не в силах идти дальше от нахлынувших воспоминаний, она присела на садовую скамейку, откинулась на её спинку и закрыла глаза, подставив лицо нежным лучам весеннего солнца. Продолжая слушать грустную музыку, девушка представила танцевальный зал старинного замка, с зеркалами в позолоченных рамах, горящими свечами в бронзовых канделябрах и огромной люстре, спускающейся с высокого потолка на длинной витой цепи. Живые цветы, источающие нежный аромат повсюду, — они увивают колонны зала, стены и антресоли, где играет небольшой оркестр. А вот и Максимилиан в чёрном фраке, слегка поклонившись, приглашает её на танец. Марийка в воздушном светло-розовом платье, так контрастирующем с её темными волосами, вкладывает узкую ладонь в тонкой перчатке в его руку. И вот они уже кружатся в ритме вальса. Он смотрит на девушку с нежностью и тоской, а вокруг всё сливается в одно яркое пятно - огни, цветы, зеркала, люди...

Она зачарованно смотрит на него и едва слышно шепчет:

— Я так ждала тебя, Максимилиан...

— Добрый вечер! — От неожиданно раздавшегося голоса Марийка вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял недавний преследователь.

— Здравствуйте, — девушка старалась отвечать вежливо, но в глубине души была раздосадована тем, что назойливый офицер бесцеремонно прервал её грёзы.

— Разрешите представиться, Константин, - произнёс капитан, щёлкнув каблуками, — столько времени являюсь посетителем аптеки, а до сих пор не знаю вашего имени.

— Мария.

— Позвольте пригласить вас на чашечку кофе? — предложил Константин, — заодно послушаем музыку.

— Извините, но мне пора домой, — девушка решительно встала.

— Вы так быстро уходите, Мария? Позвольте хотя бы проводить вас!

— Благодарю, не стоит беспокоиться, я живу совсем рядом.

Не дав опомниться офицеру, Марийка догнала проходящую мимо соседку, направляющуюся домой, и присоединилась к ней

Но Константин был не из тех, кто легко сдаётся.

На следующий день он подошёл к девушке в аптеке:

— Мария, разрешите вас пригласить завтра в кинотеатр? Показывают хороший аргентинский фильм.

— Вам удалось купить билеты? — искренне удивилась девушка, вспоминая, с каким сожалением проходила она сегодня мимо красочной афиши и толпы любителей аргентинских фильмов задолго до открытия касс кинотеатра.

— Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

— Пожалуй, не смогу отказаться, в фильме играет моя любимая актриса, — неуверенно ответила Марийка.

— Зачем же отказываться? Соглашайтесь, Мария! Я буду ждать вас около кинотеатра.

После фильма капитан проводил девушку домой и с тех пор стал терпеливо и упорно ухаживать за ней. Как Марийке хотелось видеть рядом с собой не капитана, а Максимилиана! Но эта мечта была такой нереальной...

Оказавшись не только интересным собеседником, но и щедрым кавалером, Константин покупал билеты на лучшие места в кинотеатре, дарил самые красивые цветы, в карманах у него всегда были дефицитные в послевоенное время конфеты или шоколадка для девушки. Своим вниманием, заботой о ней и жизненным опытом он напоминал Марийке отца. Ей было интересно слушать его рассказы о политиках и полководцах, о том, как жили люди в Германии до войны и о многом другом. Марийка, в свою очередь, поразила Константина познаниями в области литературы и истории.

«Столько интересных книг я не смог бы прочитать за всю жизнь даже с учётом своих фронтовых лет», — размышлял Константин, вспоминая, как воодушевляется лицо девушки, когда она рассказывала о любимых произведениях.

Было видно, что ей и самой всё это очень интересно, и она не преследует цель блеснуть знаниями, почерпнутыми из книг, найдя заинтересованного слушателя в его лице. Но ещё больше капитана привлекала в девушке доброта души. Константин знал, что она с матерью помогает одинокой старушке-соседке, кормит бездомных животных, не расчётлива в дружбе. Он увидел в ней бескорыстие, открытость и детскую доверчивость.

«Сколько же горя и лишений перенесла эта хрупкая девчушка, совсем ещё ребёнок, со времени ареста отца? — думал офицер, глядя на Марийку, — и не ожесточилась, не озлобилась после этого. Как хочется всегда защищать её, ограждать от жестокости и обид, которые судьба порой несправедливо преподносит таким людям!». Он уже знал о ней всё, что необходимо знать о девушке, на которой решил жениться.

Многое о судьбе Константина узнала и Марийка...

Его мать была видной статной женщиной, в жилах которой текла русская и греческая кровь. На ней, волевой и практичной, держалась вся семья. Отец Константина - тихий спокойный украинец, беззаветно любил свою ненаглядную Дуняшу, немало страдая от её неуёмной энергии и властного характера. Не выдерживая диктаторства супруги, иногда тайком выпивал с горя. Чтобы избежать скандалов, периодически уходил из дома, но всегда возвращался, не в силах расстаться с детьми. Характеры супругов не дополняли друг друга, а наоборот, были причиной частых ссор. Когда грянули голодные годы на Кубани, Евдокия в очередное отсутствие непутёвого мужа, забрала обоих сыновей-подростков и уехала с ними в более благополучную Грузию, где выжить в то жестокое время было намного легче.

Общими чертами братьев была честность, порядочность и душевная щедрость. Жили дружно, играли в одной футбольной команде и имели одних и тех же друзей, потому что разница в возрасте между ними была небольшой, около полутора лет. Весельчак и балагур Гришка был заводилой в любой компании, вожаком среди сверстников и ребят постарше, имел феерический успех у девушек. Не зная нотную грамоту, но обладая музыкальным слухом, играл на всех музыкальных инструментах, стоило ему подержать их в руках хотя бы пару дней. Неплохо пел и лихо плясал, горящим озорным взглядом очаровывая девчат чёрными, как смоль глазами. Константин же предпочитал книги, рисование и шахматы остальному досугу. Осенью сорок первого года, накануне своего

совершеннолетия, уже учась в военном училище, прошел ускоренный офицерский курс и был отправлен на фронт. Освобождал Украину, Крым, участвовал в штурме Новороссийска и Севастополя. Выходил со своей частью с боями из окружения на озере Сиваш, был тяжело ранен. Встретил Победу в Прибалтике, после взятия Кёнигсберга.

Трагичнее сложилась судьба младшего брата. В начале сорок третьего, со школьной скамьи он попал на фронт и воевал в пехоте, в конце войны стал водить армейский грузовик с боеприпасами. Отчаянным вождением под бомбёжками и обстрелами, Григорий не раз навлекал гнев командира части, но важный груз доставлял невредимым и всегда вовремя.

А однажды из подбитого автомобиля захватил в плен и привёз в свою часть немецкого полковника с документами под грифом «совершенно секретно». В полку его прозвали «Гришка-Артист» и уважали за то, что поднимал боевой дух солдат перед наступлением сильнее любого политрука своими песнями, цыганочкой с выходом, и чечёткой на капоте своего грузовика. Но больше всего — личным примером, бесстрашием, граничащим с дерзостью. Победу Григорий встретил в Берлине, оставив свой автограф на одной из колонн Рейхстага.

После войны его оставили служить в Германии, а в январе сорок шестого он «геройски погиб при исполнении воинского долга», как было написано в похоронке. Погиб на озере Балатон в Венгрии и их отец.

Прослужив после войны некоторое время в Чебаркуле, Константин был направлен в воинскую часть Горийского гарнизона. Была ещё одна веская причина служить именно в Гори, - он обязан был поддерживать мать, страдающую после гибели младшего сына. Будучи неграмотной, Евдокия до конца жизни часто перебирала треугольники фронтовых писем погибшего Григория и со слезами на глазах просила Константина вновь и вновь перечитывать дорогие строки. Портреты сыновей висели над кроватью Евдокии, но тот, что в чёрной рамке, был ближе к изголовью и к сердцу матери. Много лет она ждала младшего сына, надеясь на ошибку с похоронкой несмотря на то, что знала о судьбе Гриши задолго до его гибели. Евдокия умела гадать по картам и понимать значение снов, о которых сын иногда писал матери с фронта. А сны Григорию снились пророческие, да только он не догадывался о том.Бродя по знакомым местам, встречаясь с их общими с Гришей друзьями, Константин тосковал по брату, вспоминал его, весёлого и неунывающего парня, жизнь которого трагически оборвалась всего лишь в двадцать один год...

Марийка удивилась, что далёкие предки капитана по материнской линии происходят из древнегреческого причерноморского поселения в Краснодарском крае и поняла, насколько схожи судьбы их предков. Оба

они являлись потомками иноземных переселенцев. Внимательно слушая собеседника, она отметила, что о своих родных Константин рассказывал гораздо больше, чем о самом себе. И говорил о них с большим теплом и уважением. Особенно о брате.

«Этот человек с большим сердцем, не эгоист, он по-настоящему любит родных и чтит память о них. Такой человек достоин уважения».

Вскоре Константин предложил Марийке выйти за него замуж, добавив, что с ответом её не торопит. С тех пор для Марийки настали тяжёлые времена. Она чувствовала, что капитан - один из самых умных, порядочных и добрых людей из тех, кого она знала. Девушка понимала, что с таким серьёзным и надёжным человеком можно создать прочную семью. И будет наверняка счастлива, если сможет когда-нибудь полюбить его. Взрослый и основательный, старше всего лишь на пять лет, но казалось — на целую вечность, прошедший всю войну, Константин внушал Марийке абсолютное доверие. Она видела, что он уважает и по-настоящему любит её, и постепенно стала испытывать благодарность, симпатию к этому человеку. Но считала непорядочным выйти замуж за любящего её мужчину без ответных чувств. Такой поступок казался девушке не только нечестным, но и безнравственным.

«Чем же я тогда отличаюсь от Луизки? Ведь обязательно материальным, как у неё», — спрашивала себя Марийка и не находила ответ. «Замуж всё равно придётся выйти, чтобы иметь полноценную семью и детей, а лучшего кандидата в мужья мне не найти», — рассуждала девушка.

Константин нравился ей все больше, но это были совсем не те чувства, которые она испытывала к Максимилиану.

Видя переживания дочери, Любомира, как обычно, ни о чем её не расспрашивала.

И только когда Марийка однажды, не вытерпев душевных мук, расплакалась, сказала ей:

— Дочка, Константин не боится, рискуя карьерой военного, взять в жены тебя, дочь репрессированного. Значит, по-настоящему любит!

— Но я его не люблю! Только уважаю.

— Этого не мало. Как знать, может быть, со временем полюбишь.

— А если нет?

— Если нет, то позволь ему хотя бы любить себя. Ты же хочешь иметь семью, детей? За ним будешь, как за каменной стеной.

Люба знала, что за дочерью с серьёзными намерениями пытались ухаживать и некоторые бывшие одноклассники, и соседские парни, а Давид, сын их бывшей квартирной хозяйки, засылал к ним сватов. Но все они были грузинами, армянами или осетинами. За годы, прожитые в

Грузии, она пришла к выводу, что межнациональные браки далеко не всегда крепки и одобрила решение дочери, когда та отказалась от всех предложений. Русские, тем более южные славяне, кем и был Константин по отцу, были ближе всех к болгарам по происхождению. К тому же они были одной веры, православной.

«Константин — самый подходящий кандидат в мужья, а любовь придёт со временем», — размышляла мать, не подозревая, что её дочь давно любит другого человека.

Марийка плохо спала, почти ничего не ела, осунулась и побледнела.

Перечитывая свой дневник, с горечью вспоминала Максимилиана.

— Где ты, любимый! Как же мне плохо сейчас! Суждено ли нам когда-нибудь увидеть друг друга?

Но представляя дальнейшую жизнь, девушка не видела другого спутника жизни, кроме Константина. Мечтала о дружной семье и детях. Остаться старой девой, как Ольга Львовна? Упаси Бог!

Свадьба прошла в военном гарнизоне — скромная, но весёлая. Невеста была ослепительна в белом платье и пышной фате. На кителе жениха красовались новенькие погоны майора. Вместе они смотрелись красивой и гармоничной парой.

Грустное лицо невесты и даже слезы в её глазах в конце застолья не смутили гостей, — девушки часто нервничают в такой важный день их жизни. Главное, что жених был безмерно счастлив. С любовью и нежностью посматривал он на свою невесту, стараясь успокоить и приободрить её…

Глава 23. Много лет спустя...

Разгорающийся в камине огонь двигался как живой, жадно захватывая и пожирая поленья. Танцующие языки пламени трепетали, притягивая взгляд и завораживая. Огонь разгорался всё ярче, освещая лицо женщины, сидящей около камина. Он нашёптывал ласковые слова, заглядывая в самую глубину души, пробуждая сокровенные мысли и воспоминания. Вскоре пламя полыхало, ревело и трещало вовсю.

Что такое человеческая душа, как не танцующее пламя? Оно вспыхивает в самом человеке, охватывает его и кружит в танце, который называется Жизнь. Только у каждого человека свой танец, своя судьба...

Мария откинулась на спинку кресла, положила кисти по-прежнему изящных рук на мягкие подлокотники. На коленях лежал семейный альбом с фотографиями, который она только что листала, разглядывая родные лица. Заметив открытку, выпавшую из альбома, подняла её с ковра, не вставая с кресла. Женщина хорошо помнила тот день, когда муж

подарил ей эту открытку вместе с цветами в первую годовщину их свадьбы. Она прочитала давно забытые строки, написанные его каллиграфическим почерком:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих глазах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть не земле ничто средь зол и скорби многой,
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту.

Рука, держащая открытку, слегка задрожала, сердце забилось сильнее. Тепло от камина ласкало грустное, всё ещё красивое лицо, приятно растекалось по телу, потрескивание поленьев успокаивало. Отблески живого огня высвечивали серебристые нити в её тёмных волосах, сумерки слабо освещённой комнаты настраивали на воспоминания. Мария задумалась о так быстро промелькнувшей молодости, семейной жизни, покойном муже. Была ли она по-настоящему счастлива? В каком танце закружила её судьба?

Она вспоминала события давних лет, радостные и печальные, и постепенно вся её жизнь разворачивалась перед глазами, как в цветном калейдоскопе, что дарил ей в детстве отец...

Вскоре после свадьбы Марийка получила письмо от отца. Он поздравлял новобрачных и просил свою жену поскорее приехать к нему на север в спецпоселение, куда его недавно перевели. Отцу выделили комнату в бараке, и он с нетерпением ждал свою Любомиру после десятилетней разлуки. В письмо была вложена фотография, с которой смотрел изможденный, седой старик с глубокими морщинами на лице.

Любе показали письмо и фотографию Михаила. Она не узнала Михаила, и как родные не убеждали женщину, что это ее муж, женщина отказывалась верить. Смутные воспоминания о том, что ей пришлось пережить с момента ареста Михаила, вызвали у неё приступ мучительных головных болей, всё закружилось перед её глазами, свет померк и, как подкошенная, Люба упала на пол, потеряв сознание.

Очнувшись, она услышала слова врача, негромко говорившего перепуганной Марийке:

— Последствия черепно-мозговой травмы после автомобильной аварии не прошли бесследно, память на давние события будет восстанавливаться долго, а может не восстановиться никогда. Оберегайте маму от любых волнений, и никаких нервных потрясений и переездов!..

Прошло два года. Родители Михаила по-прежнему жили в родном болгарском селе на Украине. Его мать Степанида, выплакав все слёзы по сыну за время его многолетнего заключения, потеряла всякую надежду на то, что больная невестка поедет к нему на север. Отчаявшись, она стала искать Михаилу новую жену в своём селе. Ехать в холодные и голодные края никто из одиноких женщин и вдов не соглашался. К дочери соседей, которая была лет на двенадцать младше её сына и любила его с юных лет, идти не решалась. Несмотря на зрелый возраст, Наденька выглядела молодо и была завидной невестой. красивая, скромная, работящая. Но отказывала всем женихам, словно предчувствуя, что ей и любимому суждено когда-нибудь быть вместе...

Однажды Надежда, краснея от смущения, сама пришла в дом родителей Михаила. Материнское сердце сразу почувствовало союзницу! Раскрыв объятия Степанида прижала её к груди, и обе женщины, любящие одного и того же мужчину разной любовью, — материнской и женской, залились горькими слезами облегчения. Наденька поняла, что мать Михаила одобряет её решение ехать к сыну и благословляет их союз, а Степанида — мысленно благодарила за жертвенность во имя любви, и в то же время жалела девушку, сочувствовала, что она выбирает горькую долю будущей жены каторжанина. Наскоро собрав деревенскую снедь и теплые вещи, старики благословили Наденьку в дальний путь старинной иконой, вывезенной их предками ещё из Болгарии...

Приехав в посёлок Ягодный, и увидев Михаила, Надежда не смогла узнать в нем когда-то красивого и весёлого парня, свою безответную любовь. А ведь ему было всего лишь сорок лет! Скрыв то, что убита его видом, Надя навела порядок в комнатушке барака, обустроила быт. Окружила любимого заботой, откормила его, подарила давно забытую им женскую ласку и тепло. А по ночам смотрела на него, спящего, и не могла удержаться от слез...

Вскоре устроилась на работу в поселке. Постепенно Надежде удалось узнать от мужа все условия нечеловеческой жизни заключённых и по крупицам восстановить все годы, пережитые им в аду ГУЛАГа.

Колымские лагеря слыли самыми страшными, отличаясь высокой смертностью заключённых. Выжить в суровых условиях вечной мерзлоты, работая на лесоповале или золотоносных приисках, было практически невозможно.

Голодных и плохо одетых людей гнали работать из промёрзших бараков даже в сильные морозы. На скудную пайку немногие могли прожить более двух лет: людей косила цинга. Почти половина заключённых, добывающих золотоносную руду в шахтах, умирали уже через несколько месяцев, их места тут же заполнялись вновь прибывшими. Выживали только самые молодые и крепкие.

Дневные нормы выработки на лесоповале и в шахтах были не по силе голодным и промерзшим до самых костей зэкам.

Освобождение от работы по болезни давалось «в пределах лимита», который доставался, в основном, уголовникам. Остаться в живых можно было лишь, если удавалось приписать себе лишние кубометры древесины или десяток граммов добытой руды. Спасая себя, одни занимались членовредительством, симулировали различные заболевания, обычно психические, другие поступали хуже, — становились стукачами.

На первых порах Михаил работал в шахте, затем его, как грамотного, назначили учётчиком. Однако за то, что он отказывался приписывать лишние нормы выработки блатным, отнимавшим их у самых истощенных и больных заключенных, его жестоко избили уголовники. Затем лагерное начальство по их клеветническому доносу решило было отправить Михаила в лагерь смерти «Серпантинный». Но в то время возникла острая нехватка плотников и столяров, и его перевели в плотницкую мастерскую.

Многие заключённые после приезда в лагерь начинали искать земляков. Михаил нашёл землячество болгар и македонцев, среди которых были и его земляки с Украины. Они делились продуктами, присылаемыми родственниками, предупреждали друзей о грозящей опасности, защищали друг друга от бесчинства привилегированных лагерных холуёв — бывших преступников, и просто помогали, чем могли.

Жил Михаил с Надеждой в неофициальном браке. Понимая, на какие жертвы пришлось пойти женщине, повторившей подвиг декабристок, Михаил очень бережно относился к новой жене. Тем более, — его односельчанке и соседке, которую знал с пелёнок.

Без женщины выжить в спецпоселении было очень тяжело, после долгих лет заключения так хотелось, чтобы рядом была родная душа, давно забытые домашнее тепло и уют. А еще Михаил мечтал о ребенке. Ведь его дочь Марийка уже давно взрослая, а младшая умерла ещё во младенчестве…

Видя, как любит его Наденька, как она старается его обиходить, Михаил испытывал к ней чувство нежности, благодарности и огромного уважения. Но в сердце его по-прежнему была только Люба. Он никогда и не помышлял просить развод у неё, понимая, каким ударом будет это для жены и дочери. Вскоре в новой семье родилась девочка, которую он, с

согласия Наденьки, назвал Любомирой, в честь законной жены. Через год после смерти Сталина и получения амнистии, Михаил с Надеждой и ребенком вернулся в родное село.

Оставив на время семью у родителей, он сразу же навестил Любомиру и дочь в далекой Грузии. Мария боялась встречи матери с отцом, помня предостережения врачей.

Но посоветовавшись с мужем, решила не скрывать от неё долгожданный приезд Михаила. Гораздо больше Мария переживала, что известие о том, что у отца новая семья негативно повлияет на неустойчивое психическое состояние матери.

С большим трудом узнав своего мужа после семнадцатилетней разлуки, Люба получила сильнейшее потрясение, которого так опасалась Мария. Но именно благодаря ему в её памяти наконец-то полностью восстановились все события прошлых лет.

Хриплым, чужим голосом Михаил рассказал родным о всём, что не мог писать в письмах. Оказывается, осужденный в тридцать седьмом году за «контрреволюционную» деятельность по пятьдесят седьмой статье и отбыв десять лет заключения в лагерях Гулага, он вторично был осужден по той же статье в сорок седьмом году. Вот поэтому он вместо освобождения попал в спец. поселение, как он думал, до конца своих дней. И только смерть Сталина и последующая амнистия освободила его и тысячу таких же как он жертв репрессий.

Все слушали рассказ Михаила за праздничным столом, забыв об угощении, затаив дыхание и сопереживая рассказчику, особенно когда он, по просьбе зятя, рассказал о жизни заключенных в лагерях, опуская самые жуткие подробности. Женщины плакали, а мужчины пили водку, поминая погибших товарищей Михаила в аду ГУЛАГа. Любомира даже в страшном сне не могла представить всего того, что пришлось пережить её мужу в заключении. Она смотрела на него, не отводя ни на минуту взгляда, все ещё не веря, что это её муж. Только запавшие глаза напоминали ей прежнего Михаила. Конечно, она простила его несуществующую «измену» ей, виня себя за то, что так и не смогла поехать к нему в ссылку из-за болезни.

Обнявшись, бывшие супруги не смогли сдержать слёз, вспоминая свою любовь, жизнь до ареста Михаила, младшую дочурку, которую Всевышний забрал так рано. Они спрашивали себя, — за что же судьба к ним была так несправедлива, за какие грехи они наказаны так жестоко!

Михаил благодарил Любу за то, что ждала его все эти годы, за то, что вырастила старшую дочь в трудные времена и дала ей образование и хорошую специальность. За письма, гревшие душу и за продуктовые посылки, что спасали от цинги и хотя бы ненадолго утоляли голод. С

радостным изумлением и гордостью смотрел Михаил на свою красавицу-дочь, так похожую на него в молодости, не спускал с колен внучек, что играли с игрушками, изготовленными им собственноручно перед поездкой. Он внимательно присматривался к своему зятю, который очень понравился ему.

Перед отъездом он сказал дочери:

— Марийка, ты выбрала замечательного мужа. Умного, доброго, душевного. Такой не обманет, не предаст, не бросит. Недаром он назван Константином.

— Папа, это не я его выбрала, а он меня!

— Неважно, кто кого выбрал. Важно, что вы создали замечательную семью. Спасибо за то, что и за матерью хорошо смотрите. Теперь я спокоен за вас.

Вернувшись домой, Михаил за год построил небольшой кирпичный дом в Бердянске, в одиннадцати километрах от родного села. Недостающие средства на строительные материалы выслали дочь с зятем, а младший брат помог в работе. Разбил на своём участке маленький виноградник и посадил фруктовые деревья, разбил огород. Девятнадцать лет жизни в нечеловеческих условиях не озлобили его сердце, не очерствили душу и он радовался всему как ребёнок, едва начавший жить: соловьиному пению на заре, весеннему солнцу, цветению его плодовых деревьев, хлопочущим на кухне жене с подросшей дочерью, односельчанам, иногда заезжавших проведать их. Приезжала иногда и дочь с мужем проведать отца. Как же он мечтал об этом в заключении, проваливаясь в сон на холодных нарах после долгого трудового дня на жесточайшем морозе! Но насладится волей, отведать своего вина и вдоволь пожить в новом доме ему так и не пришлось. Вскоре он умер от рака лёгких, едва отметив свой полувековой юбилей на руках верной Наденьки...

Глава 24. Скользящая по волнам

Она летела на гребне высокой волны, наслаждаясь полётом и опьянённая чувством свободы, играя со смертью, как может только беспечная молодость. Стройные мускулистые ноги, слегка согнутые в коленях, упирались в сёрф. Тело натянуто, словно струна, руки раскинуты в стороны, как крылья птицы в полёте. Вслед за ней гналась огромная волна, грозя обрушить на дерзкую беглянку лавину морской воды. Отдыхающие острова Тенерифе, начинающие сёрферы и просто зеваки, затаив дыхание, с берега наблюдали за смелой девушкой. Пролетев

стрелой приличное расстояние и подгоняемая уже потерявшей силу волной, она благополучно достигла мелководья.

Навстречу отчаянной сёрфингистке, помимо спасателя, плыл молодой мужчина. Вдруг девушка, изящно изогнувшись, стащила с ноги страховочную верёвку и нырнула под набегающую волну. Через несколько минут она вынырнула почти у самого берега, и расхохоталась, увидев растерянный вид обоих мужчин, нырявших поблизости от доски в надежде найти её. Наблюдатели, облегчённо выдохнув, зааплодировали девушке, но из-за шума прибоя она не слышала аплодисментов, да и, судя по всему, не особо в них нуждалась. Для неё было важно только одно - она покорила волну!

Выйдя из воды и на ходу отжимая волосы, девушка неторопливо направилась к своему шезлонгу. Мужчина, только что нырявшей за ней, догнал её и принялся отчитывать:

— Почему не предупредила, что утром собираешься кататься на волне, а не загорать, как обычно?

— Не хотела тебя рано будить, увидев утром волны. Ты ведь допоздна был занят дамой.

— Не язви! Почему не надела спасательный жилет?

— Я уже вышла из возраста, когда отчитываются перед старшими, мой заботливый братец.

— Не забывай, что тебе только семнадцать! Вынужден буду рассказать отцу.

— Думаю, тебе лучше этого не делать, ведь и у меня есть повод наябедничать на тебя, Саша!

— Впредь не смей кататься в моё отсутствие!

— Так точно, мой генерал!

— Высуши волосы, выпей горячего чаю и поспи. Наверное, опять встала рано, как обычно.

— Есть! Разрешите идти, мой генерал? — дурачась, отчеканила она, взяв под козырёк и отдав честь мнимому генералу.

Не дожидаясь ответной команды, круто развернулась и, подхватив пляжную сумку и соломенную шляпку, промаршировала строевым шагом в сторону расположенного поблизости отеля.

Лея, или Бунтарка, как с детства звали её домашние, росла настоящей проказницей. Будучи единственной дочерью в семье и любимицей отца, капризная и своенравная девочка ни в чём не знала отказа. Балованная и неусидчивая, она срывала уроки в школе, выводила из себя учителей, но отлично ладила с отпетыми хулиганами. Вспыльчивость и неуправляемость девочки создавали немало хлопот родителям, воспитателям и учителям. Решительная фантазёрка, Лея всегда была

готова прийти на помощь каждому, ничего не требуя взамен. Любимой героиней романов была у неё не Наташа Ростова, как у многих её одноклассниц, а харизматичная, волевая и отчаянная Скарлетт из «Унесённых ветром». Она восхищалась силой авантюрного характера героини романа, стремлению выйти из любых жизненных передряг победительницей и старалась ей в том подражать. Училась Лея посредственно, но не потому, что была глупа, ей просто было неинтересно. Любимыми предметами была литература, история и астрономия. Точные науки она полностью игнорировала, чувствуя, что они ей вряд ли пригодятся в жизни.

Увлекалась танцами, рисованием и спортом, особенно сёрфингом. Александр был старше Леи на пять лет и постоянно опекал шаловливую сестрёнку. Их отец, инженер-строитель из Болгарии, трудившийся в городе-побратиме Пазарджика, — Ставрополе, влюбился в выпускницу мединститута и женившись, осел в одном из курортных городков Северного Кавказа, где жили её родители, Мария и Константин. Вовремя поняв, куда дует ветер перемен и учитывая, что работы по профессии в маленьком провинциальном городе почти не было, он удачно занялся полулегальным мелким бизнесом. Помог открыть бизнес ему его тесть, Константин, которого зять-болгарин бесконечно уважал и считался с его мнением. Затем он создал подпольный цех по пошиву дефицитных дублёнок, в котором работал по шестнадцать часов в сутки. Следующим шагом трудолюбивого и предприимчивого болгарина было открытие небольшой фабрики меховых изделий и их реализация в крупных городах страны. Однако бесконечные поборы местных уголовных элементов, аппетит которых всё время рос, вынудили его вместе с семьёй вернуться на свою родину, в Болгарию.

Там, на родине своих предков, всегда мечтала жить его жена. Вслед за ними хотели переехать и родители жены, мечтавшие остаток жизни прожить у тёплого моря. Но болезнь, а вскоре смерть тестя, не позволили им осуществить заветную мечту.

Глава семьи пытался наладить бизнес в Софии, надеясь на то, что вступление в Евросоюз поможет его родине выбраться из нищеты. Но со временем понял, что Болгарию, лишившейся экономической поддержки России, ждут трудные времена. Поэтому было решено срочно всё продать и переселиться, теперь уже окончательно, в одну из стран Западной Европы. Ранее, путешествуя по Испании, семья отмечала многие черты характера испанцев, присущие болгарам: лёгкий нрав, открытость, дружелюбие. Поэтому, выбор пал на Испанию.

Валенсия влюбляла в себя всех, кто приезжал к ним, — родных, друзей, гостей. Удобная инфраструктура, чистый воздух, пространства для

отдыха, велосипедные трассы, проложенные в парке Турия на месте бывшей реки с одноименным названием, приводили жителей и гостей города в полный восторг. Просторные песчаные пляжи у моря, теннисные корты, парки, фонтаны, сады, музеи, замки и дворцы, «Город Искусств», — все это добавляло красоту в колорит города, а его жителям удобство и комфорт.

Быстро переориентировавшись на поставки вина и оливкового масла в страны бывшего СНГ, глава семейства понял, что выбрал правильный путь, поскольку новый бизнес стал приносить приличные дивиденды. Жене пришлось забыть о профессии врача и помогать мужу в работе. В то время легализовать советский диплом за рубежом было почти невозможно без знания языка и дополнительной учёбы в местном ВУЗе. Сын, получивший высшее экономическое образование в Европе, работал в семейном бизнесе.

За несколько лет семье удалось сколотить немалое состояние, купить большой пакет акций, коттедж в Валенсии, и приличный участок земли в престижном районе.

Гораздо труднее было заслужить уважение местного респектабельного общества, неохотно допускающего в свой круг выходцев с востока.

Заметив в дочери, подросшей к тому времени, талант к перевоплощению, мать видела её только актрисой, в отличие от отца, мечтавшего дать дочери более весомое высшее образование. Но Лея решила стать художницей и поступила в Академию искусств. Способности к рисованию у девочки проявились ещё в детстве, и родители всячески поощряли их, несколько лет оплачивая уроки мастерства у профессионального художника. Поражённая красотой волшебной страны, девушка заинтересовалась её историей и культурой. Она осматривала средневековые соборы Испании, любовалась старинными зданиями Валенсии в стиле барокко и оригинальными домами Гауди в Барселоне. Поражённая роскошным внутренним убранством монастыря на величественной горе Монтсеррат, Марийка благоговейно застывала перед изумительными по красоте иконами, картинами, скульптурами. Посещала залы музеев, копировала работы известных художников на выставках и в галереях; обладая фотографической памятью, рисовала и дома.

Брала уроки фламенко, считая народную музыку и танцы неотъемлемой составной культуры страны. Учась сложному танцу, Лея лучше понимала характер гордых испанок и интуитивно чувствовала, что многие его черты присущи и ей самой...

...Проспав обед после сёрфинга, Лея решила полакомиться горячим шоколадом с круассанами в любимом кафе с видом на океан. Но на

набережной, почти в двух шагах от входа в него, рядом с девушкой резко притормозил мотоциклист, сорвавший сумочку с её плеча. На помощь Лее неожиданно пришёл случайный прохожий. Он с силой вырвал у похитителя сумку, бросил её Лее и влепил воришке затрещину. Мотоциклист мгновенно укатил, и не успела девушка опомниться, так же быстро исчез её спаситель. Лея даже не успела его поблагодарить.

Вечером того же дня девушка решила пойти на дискотеку, куда часто звал её брат, предпочитавший, чтобы Бунтарка была у него на виду. Равнодушно перебрав вешалки с вечерними платьями, Лея натянула рваные по последней моде джинсы и простой топ. Пригладив непослушную гриву пышных вьющихся волос и скорчив самой себе в зеркале смешную рожицу, она вышла из номера.

...Александр с нарядной подругой сидел за столиком, в кафе и потягивал ледяной напиток. Увидев сестру, с сожалением вздохнул:

«Негодница, шкаф полон платьев известных брендов, а она опять в лохмотьях! Хорошо, что хоть спиртным и наркотиками не увлекается, как некоторые её однокурсницы, и парнями пока не особо интересуется».

— Иди к нам, Лея, — приветливо помахал он рукой.

Но упрямица лишь тряхнула головой:

— Хочу танцевать!

С Александром и его девушкой общаться совершенно не хотелось. Она досадливо поморщилась, вспомнив, как днём он приходил проведать её, а заодно и беззлобно побранить:

— Сестрёнка, ну как можно быть такой беспечной? Ты ведь могла погибнуть!

— Волны острова безопасны в это время года. Сегодня что, исключение?

— Если бы с тобой случилось несчастье, я бы этого не пережил, не говоря уже о родителях.

— Испанский курорт потерял бы такого завидного жениха! Не секрет, что девушки здесь тусуются только с одной целью — получить богатеньких мужей.

— И ещё здесь тусуются глупые девчонки, рискующие свернуть себе шею!

На танцевальной площадке она заметила парня, лицо которого показалось ей знакомым. Да, этот был тот самый незнакомец, спасший её сумочку… Он нежно вёл в танце девушку, — не особо видную, в платье, которое лишь подчёркивало недостатки её фигуры.

Кивнув парню, как старому знакомому, Лея подумала:«Ну и вкус у него! И почему такие классные ребята всегда достаются сереньким мышкам? Надеюсь, это ненадолго. Стоит мне только захотеть, и этот

парнишка пополнит ряды моих поклонников». Она иногда развлекала себя тем, что отбивала видного парня у какой-нибудь девушки, но делала это так тонко и не навязчиво, что никто не мог догадаться о её злонамеренной инициативе.

Обладая яркой внешностью, артистичностью и харизмой, ей ничего не стоило вскружить голову любому молодому человеку. Притвориться увлечённой и даже влюблённой, заинтересовать его, а затем, поводив за нос, исчезнуть.

Верхом наслаждения было исподтишка наблюдать, как страдает бедный парень от неразделённой любви. Ребята, что сами приглашали её на танцы или оказывали знаки внимания, были скучны ей. Не было охотничьего азарта, драйва, торжества настоящей победы. Лишь иногда, если потенциальный кавалер вызывал хотя бы небольшой интерес, она милостиво разрешала слегка поухаживать за собой. Но, как правило, какими бы достоинствами ни обладал ухажёр, он быстро надоедал ей, и все романы заканчивались, так и не начавшись. Она не была бесчувственной или слишком гордой, нет. Просто никто ещё не потревожил её душу, не заинтересовал по-настоящему. Она верила в судьбу и ждала настоящую единственную любовь, от которой начисто снесёт голову, а сердце будет так же бешено биться, как сегодня на сёрфе...

Краем глаза Ален видел вышедшую на танцпол новую знакомую.

Лея безо всякого стеснения прошла в середину круга и начала танцевать. Несмотря на то, что сразу двое кавалеров тут же попытались пригласить её на танец, она жестом дала понять, что хочет танцевать одна, соло. Девушка прикрыла глаза, отдавшись чувственной музыке, и было очевидно, что ей абсолютно всё равно, какое впечатление она производит на окружающих. Так могла танцевать наркоманка, любительница выпить, профессиональная танцовщица или очень уверенная в себе девушка.

Только в танце можно выразить своё настроение, мечты, ожидание того единственного, кто подарит любовь и неизведанные ощущения. Настоящее счастье. Она не танцевала, а растворялась в музыке, становилась частью волшебных звуков. Чувствовалось, что это приносило ей ни с чем несравнимое наслаждение и самовыражение.

Белый топ резко контрастировал с бронзовым загаром кожи, облегающие джинсы подчёркивали плавные линии бёдер и длинные ноги. Тонкая и стройная Лея была сложена как богиня, спустившаяся с Олимпа и заглянувшая на этот остров. Не отрывая глаз от незнакомки, Ален представил её себе в белоснежном хитоне, национальной одежде древних греков, более подходящем для этого танца под песню Демиса Руссоса, полную нежности и грусти.

«Смелая девушка, скорее не греческих, а итальянских или южнославянских кровей, — подметил наблюдательный Ален, — видимо, это танцует её душа».

Плавно изгибаясь, незнакомка танцевала, будто вторя движению волн. Она поднимала гибкие, словно змеи, руки, жившие отдельной жизнью в танце, или трагически заламывала их с потрясающей пластикой, как в кадрах фильма с замедленной съёмкой. Танец Леи был чувственным, казалось, тело ее повторяет каждую ноту звучащей музыки. Её движения завораживали, заставляя сердца зрителей биться сильнее, рождая в душе не плотские желания, скорее, наслаждение от гармонии торжествующей любви, выраженной в этом танце. Все вокруг были очарованы танцем девушки и, едва стихла музыка, их эмоции выплеснулись наружу, обратившись в восторженные крики и овации.

Александр почувствовал гордость за свою сестру.

«Вот чертовка! Где и когда она научилась так классно танцевать?» — спрашивал он себя. Проводив партнёршу к отелю, который был совсем близко, Ален быстро вернулся на танцпол, однако незнакомки там уже не было.

Танцевать расхотелось. Разочарованный, он пошёл к морю. Проходя мимо открытой веранды на пляже, он услышал мелодию фламенко, исполняемую группой уличных музыкантов в честь национального праздника. Вокруг веранды увидел компанию молодежи, сидевших кружком на неостывшем ещё песке.

Подойдя ближе, Ален с удивлением и радостью обнаружил свою незнакомку, но уже совершенно в другом образе.

Она танцевала фламенко, обжигающий душу танец страсти и огня, ярких эмоций и драматизма. В её чёрных волосах красовалась ярко-красная роза, глаза лихорадочно блестели, в руке она держала ажурный веер, которым изящно обмахивала разгоряченное лицо в такт южно-испанской музыке и отбиваемых каблуками дроби мелких шагов.

Танец изгнанного народа пронизывали душевные страдания и боль. Несмотря на мастерство исполнения, на испанку или цыганку девушка не походила. Но было в ней нечто завораживающее, волнующее, страстное.

То, без чего невозможно исполнить огненный танец андалусских цыган: сила характера и гордость, темперамент и уверенность в себе — красивой и желанной!

Глава 25. Отчаянная девчонка

Лея проснулась от непонятного света, слепящего даже сквозь закрытые веки. Зевая и потягиваясь, она подошла к открытому окну и,

ошеломлённая, замерла. Открывшийся вид заставил её проснуться окончательно. Над морем в окружении мерцающих звёзд висела огромная луна. Ее холодный неоновый свет обратил морскую гладь в таинственный космос, а прибрежные камни в загадочный мир неземных планет.

— До чего же красиво полнолуние! Разве можно спать в такую фантастическую ночь? — с восторгом воскликнула Бунтарка, позабыв о том, что брат в наказание за вчерашнее катание на волнах замкнул дверь её номера до утра и пообещал делать это каждый вечер.

Не зная, с кем разделить восторг от увиденного, Лея вышла на балкон. Вокруг стояла нереальная тишина. Шальная идея молнией сверкнула в её отчаянной голове!

Быстро натянув шорты и попавшуюся под руки майку, она осторожно перелезла через перила на соседский балкон и крадучись, прошла внутрь номера. Это был люкс её брата. Накануне вечером Александр решал вопрос в ресторане отеля о поставках вина с представительницей фирмы бизнес-партнёров, отношения с которой давно переросли из деловых сначала в симпатию, а затем в нечто большее.

Благодаря лунному свечению в комнатах было светло, как днём. Девушка прошла мимо массивных кресел и низкого столика, сплошь уставленного фруктами и бутылками с местным вином, машинально затушив тлеющую сигарету в пепельнице.

«Переговоры недаром были перенесены из ресторана в номер брата и прошли на высшем уровне», — беззлобно усмехнулась она.

Лея знала, что виноград, произрастающий на вулканической почве острова Тенерифе, имеет особый аромат и уникальные вкусовые качества. Поэтому в Европе, в первую очередь старались получить вино именно из этого испанского региона, особенно марки десертных вин. Глянув на стоящий в стороне массивный круглый стол, заваленный документами и рекламными проспектами, и не увидев того, что искала, Лея прошла к входной двери и попробовала открыть её, заранее предчувствуя, что и она изнутри закрыта на ключ. Нисколько не удивившись, девушка проследовала в спальню. Влюблённые спали в объятиях друг друга на широкой кровати.

«Братец добросовестно дегустирует и вино фирмы, и её симпатичную представительницу, подрабатывающую на родном ей острове менеджером-консультантом во время каникул. Сотрудничество более чем плодотворно!»

Она слышала, что Александр предупреждал родителей по телефону, что скоро представит им свою невесту-островитянку, студентку архитектурного факультета Валенсийского университета, с которой встречается последние пару лет.

Полюбовавшись эротической картиной, достойной кисти художника, Лея с ловкостью карманного воришки беззвучно вытащила из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, ключи от автомобиля. К сожалению, ключей от входных дверей в карманах не оказалось.

Хорошо зная авантюрный характер сестрёнки, Александр не исключал, что Лея может перелезть через балкон и выйти через его номер, и поэтому припрятал ключи от обоих номеров в более надёжном месте. Поразмыслив пару минут, девушка подобрала смятые простыни, валяющиеся на полу, и так же осторожно вернулась через гостиную и балкон к себе в номер. Там она, добавив ещё и свои простыни, связала длинный канат, один из концов которого привязала морским узлом к решётке балкона. Затем скинула вниз сумочку, туфельки и свободный конец каната. Несмотря на то, что связанные простыни прилично не доставали до земли, не раздумывая, Лея ловко перелезла через перила, съехала по импровизированному канату и, зажмурив глаза, спрыгнула на землю, пролетев почти целый этаж. Поднявшись с цветочной клумбы и потирая ушибленное колено, она едва слышно воскликнула, торжествуя:

— Да здравствует свобода!

В это самое время этажом ниже не спал постоялец. Он читал в постели, когда боковым зрением заметил какое-то движение за окном. Повернув голову с изумлением, увидел раскачивающиеся связанные простыни.

«Какой-то пылкий влюблённый сейчас будет карабкаться к своей подружке, сбросившей ему этот импровизированный канат любви», — решил постоялец.

Но не успел он вернуться к чтению, как тут же увидел на стене комнаты тень от силуэта девушки, спускающейся вниз, как заправский юнга по канатам парусной шхуны. Юноша поднялся, накинул халат и вышел на балкон. Но незнакомки уже и след простыл, - она растворилась в летней ночи, как привидение. Лишь отъезжающий от отеля автомобиль задорно подмигнул ему задними фарами.

Лея обожала быструю езду в кабриолете. Брат давно уже научил её водить машину, но до совершеннолетия родители запретили ей садиться за руль самостоятельно, без сопровождающего. Даже этого удовольствия она была лишена. Самой сокровенной мечтой её было пилотирование спортивных самолетов. Балансирование на острие ножа давало ей не только новые ощущения, адреналин и чувство мимолётного счастья, но и стимул, дополнительную мотивацию к жизни.

С детства у Леи было еще одно увлечение. Она влюбилась в цирк, когда бабушка впервые привела её на новогоднее представление совсем ещё маленькой. Девочка обожала праздничную атмосферу и звуки

духового оркестра, сверкающую мишуру и смешных клоунов. Она с замиранием сердца следила за опасными трюками, представляя себя на месте акробатки, помощницы иллюзиониста и даже укротительницы тигров.

Подумывать о цирковом училище Лея стала в средних классах и тогда же начала заниматься художественной гимнастикой. Но потом всерьёз увлеклась рисованием и, решив стать художницей, забыла о цирке, тиграх и спортивных самолётах. А заодно и обо всех чудачествах переходного возраста.

Немного отъехав от отеля, девушка остановила машину вблизи больших камней на берегу бухты, куда иногда приходила понырять, и подошла к воде. Едва заметные волны, как живое существо, ластились к её ногам, убаюкивая монотонным бормотанием. Ночь очаровывала и вдохновляла.

Лунная дорожка на тёмной глади моря тянулась от самого горизонта до места, где стояла девушка. Лея делала шаги в одну сторону, потом в другую, и каждый раз светящаяся дорожка следовала за ней, словно приглашая пройтись.

Этот эффект она видела на одной из картин Айвазовского. Её поразило то, что лунная дорожка перемещалась вслед за взором восхищенного зрителя, куда бы тот ни встал. Как Лея гордилась на своём курсе Факультета изобразительных искусств, что великие художники, почитаемые ценителями искусства всего мира, - её соотечественники! И первый среди маринистов — Айвазовский.

Невозможно передать игру красок в его картинах, оттенки морской воды и неба, мощь волны, кружева пены. А его знаменитый «Девятый вал» она готова была смотреть часами.

Лея была натурой смелой, противоречивой и взбалмошной. Казалось, она должна быть сторонницей всего нового и прогрессивного в изобразительном искусстве, но тем не менее, предпочитала классику. Не понимала и не любила даже импрессионистов.

— Разве могут они передать красоту природы? Или достоверность в изображении человеческого лица, если только это не дружеский шарж или вовсе карикатура? — спорила она с однокурсниками, любителями Ван Гога и Ренуара. В конце концов, у каждого своё представление о красоте.

Покатавшись часа два по побережью и полюбовавшись восходом солнца, которому всегда радовалась, как птица, Лея решила вернуться в отель....

Так и не заснув в ту ночь, Ален вышел на раннюю утреннюю пробежку, но, совсем недалеко от отеля чуть не попал под колёса красного Феррари, внезапно появившегося из-за угла. Юноша успел отскочить от

резко затормозившего автомобиля. Но каково же было его удивление, когда в салоне кабриолета он увидел обладательницу спасённой им вчера сумочки, любительницу сёрфинга и пламенного фламенко. И, как он теперь догадывался, - ночную альпинистку. Юная автомобилистка почти не пострадала, отделалась разбитым лбом и лёгким испугом.

— Это опять вы? — с удивлением произнесла Лея, узнавая парня.

— Синьора, зря вы забыли пристегнуть ремни безопасности.

— Синьорина, — автоматически поправила Лея, пребывая ещё в состоянии шока.

— Прошу прощения. Сейчас обработаю вашу рану.

— Это я должна просить прощения за то, что чуть не сбила вас, и за то, что вы уже дважды спасаете меня за одни сутки, — ответила девушка, в душе поблагодарив родителей, которые когда-то отдали её в английскую школу. — Вы англичанин?

— Нет, австриец. Ваше счастье, что вы снизили скорость перед поворотом, иначе последствия вашей прогулки могли бы быть плачевнее для нас обоих!

— Простите. Я задумалась и слишком поздно обратила внимания на дорожный знак.

— Радуйтесь, что легко отделались, — молодой человек открыл автомобильную аптечку.

— Вы, наверное, доктор?

— Пока только учусь, здесь вы угадали, — ответил он, обрабатывая небольшую ссадину на лбу случайной пациентки.

— А вы кто? «Итальянка?» — с сомнением спросил Ален.

— Нет. Мои отец болгарин, мама метиска. Любимый дедушка у меня русский, к тому же я родилась и выросла в России. Поэтому считаю себя русской.

— О! Русские — умный, смелый и красивый народ. Мой дядя считает его великим, и на это у него есть все основания.

Ален вспомнил, что вчера он правильно определил национальность девушки, а примесь русской крови делало её более загадочной.

Будущий доктор, по просьбе Леи, припарковал автомобиль недалеко от входа в отель к изумлению заспанного портье, прекрасно знавшего арендатора элитного автомобиля. Девушка отметила воспитанность незнакомца, когда он галантно распахнул дверцу машины и подал ей руку, помогая выйти. У неё действительно сильно болел лоб, которым она ударилась о руль автомобиля при резком торможении, она чувствовала головокружение и слабость после пережитого стресса. К тому же немного побаливало колено, ушибленное накануне при падении в клумбу.

— Благодарю вас. Не смогли бы вы оказать мне ещё одну любезность?

— Отнести вас на руках в номер отеля? С удовольствием!

— Нет, никому не рассказывать об этом происшествии.

— Разумеется, не беспокойтесь. «В номере положите холодный компресс на лоб и выпейте таблетку», —и он протянул ей упаковку лекарства из аптечки.

— Кого я должна благодарить за моё, да и ваше спасение?

— Господа Бога и скорость моей реакции. Зовут меня Ален, а как ваше имя, синьорина?

— Родители дали мне редкое имя, которое, впрочем, мне нравится, — Лея.

Увидев слегка прихрамывающую сестру с медицинским пластырем на лице, и не добившись внятного ответа о причине травм, Александр узнал об утреннем происшествии от портье. Мужчина был рад, что происшествие не имело серьёзных последствий, и был благодарен иностранцу за оказанную помощь сестре. Тем не менее, решил сократить их срок пребывания на острове. Отъезд должен был состояться не через месяц, как было запланировано ранее, а через неделю, как только заживет легкая рана на лбу проказницы, а он постарается быстрее закончить свои дела на острове.

— Шефство над тобой, сестрёнка, похоже на экстрим, на американские горки. С меня довольно! Я тебя должен сдать родителям на руки живой и невредимой, пока ты не успела натворить ещё чего-нибудь.

— Санёк, не выдавай меня отцу, а то придётся сидеть дома взаперти все каникулы, и я умру от тоски, так и не дожив до своего совершеннолетия.

— Ладно, Лейка, только веди себя прилично хотя бы до отъезда. Зря ты забросила мольберт. Ты же так хотела рисовать на отдыхе?

— У меня самый замечательный брат на свете! Хорошо, буду писать морские пейзажи.

Всё оставшееся до отъезда время Лея и Ален проводили вместе: занимались в спортзале на тренажёрах, плавали, по вечерам танцевали. Иногда катались на яхте и ныряли с любимых камней. Гуляли целыми днями в парке Лоро, любуясь красивыми растениями и редкими животными. Лею поразило небольшое озеро с розовыми фламинго и огромный павильон с пингвинами, где условия жизни были приближены к природным: искусственная льдина, водоём и даже падающий временами «снег». Смотрели спящий вулкан Тейде, у подножия которого было до того прохладно и ветрено, что Ален заботливо укрыл плечи Леи своей курткой, которую с немецкой предусмотрительностью взял с собой на экскурсию.

Девушка закончила писать начатый ранее морской пейзаж, а на прощание решила нарисовать портрет нового друга. Усадив юношу на большой камень и приготовив остро заточенный карандаш, Лея на мгновение замерла, внимательно рассматривая его лицо, а потом, быстро делая первые штрихи, начала разговор:

— Первые уроки рисования мне дала в детстве бабушка.

— Твоя бабушка — художница?

— Нет, просто хорошо рисует. Она лучшая моя подруга. А у тебя есть бабушка и дедушка? Расскажи о своей семье.

— Моих бабушек, дедушек и более ранних предков я знаю только по их портретам. Отца, трагически погибшего в альпинистском восхождении, заменил мой крёстный отец. На самом деле он приходится мне дядей, старшим братом моей мамы. Её не стало недавно, она долгое время боролась с онкологическим заболеванием, но так и не смогла его победить. Поэтому я выбрал специализацию хирурга-онколога. — Лицо юноши помрачнело от грустных воспоминаний.

— Извини Ален, я не знала, сочувствую.

— Крёстный — единственный родной мне человек. Его непродолжительный поздний брак был бездетным, поэтому он относится ко мне как к родному сыну.

Продолжая рисовать портрет Алена, девушка заметила:

— Мне почему-то кажется, что где-то я видела твоё лицо или очень похожее.

— Получается, что у меня есть двойник? А вот девушки, похожей на тебя, Лея, я ещё никогда не встречал.

— И не мог встретить, я — эксклюзив!

— Интересно, что я должен сделать парень, чтобы ты его полюбила?

— Вычерпать ложкой море или достать звезду с неба, это банальные капризы-фантазии мечтательных пустышек. А не слабо ли будет ему спрыгнуть вон с той горки? И — Лея кивком головы показала на высокую крутую скалу поблизости, нырять в море с которой решались только самые отчаянные смельчаки.

— Ты мне напоминаешь капризную принцессу! Мне никогда не нравились тихони из высшего общества, особенно те, которые изо всех сил стараются произвести хорошее впечатление. С ними скучно, не то, что с тобой.

— Ты ещё не знаешь меня. Я не тихая пристань, я — бурное море!

— Ещё больше ты похожа на дымящийся вулкан! Никогда не знаешь, когда он окончательно проснётся и начнёт извергать раскаленную лаву, поэтому гулять по нему рискованно, но интересно.

— Неужели? Вулкан Тейде, к примеру, был бы польщён таким сравнением со мной! Это признание в любви? Или просто в симпатии?

— Скорее второе. Догадываюсь, что с тобой не соскучишься. Но это меня нисколько не пугает, наоборот. Ты естественная со всеми своими достоинствами и недостатками.

— Надеюсь, достоинств больше, — усмехнулась Лея, — а вот мне никогда раньше не нравились правильные, предсказуемые парни. Ты — приятное исключение. Потому, что в тебе, кроме ума, чувствуется доброта, основательность и надёжность, — качества, которые я особенно ценю в мужчинах.

— А знаешь, как китайцы переводят твоё имя? «Изысканное наслаждение»!

— Похоже, мы только что обменялись любезностями?

Они расхохотались и, взявшись за руки, побежали к морю. Незаконченный портрет так и остался на камнях… На следующий день Ален прыгнул в море со скалы на глазах Леи.

Наградой ему стало побледневшее от волнения лицо перепуганной насмерть девушки, слёзы раскаяния за необдуманные слова, невольно выступившие у неё на глазах.

И её первый поцелуй, полный нежности и смущения.

Глава 26. Долгожданное танго

Жизнь шла своим чередом. Семейный бизнес постоянно расширялся, заключались новые контракты на поставку вина и оливок. Глава семьи подумывал о приобретении очередного участка земли, о будущем его предназначении. Как бывший строитель, он понимал, что на морском побережье Испании вот-вот начнётся настоящий строительный бум, и хотел вложить средства в строительство коттеджей. Его мнение разделял сын со своей невестой, получившей степень бакалавра в области архитектуры. Они решили заняться перспективным строительным бизнесом. Отец готов был материально помочь молодым в их начинании. Он пришёл к выводу, что этот вид инвестиций станет в скором времени одним из самых доходным в стране. Недостатка в рабочей силе не было, в Испанию постоянно прибывали строители – гастарбайтеры из развивающихся стран. Покупателей недвижимости тоже хватало, приобретали квартиры и коттеджи не только испанцы, но и гости солнечной морской страны: англичане, немцы, скандинавы и россияне.

Семья теперь жила в уютной вилле рядом с морем, недавно построенной в рекордно короткий срок. Учитывая предстоящую свадьбу сына и его желание не отделяться от родителей, виллу спроектировали из

двух отдельных половин со своими подъездами. Из каждой половины дома был выход в общую кухню-столовую, сообщающуюся с просторной гостиной и тенистой террасой. Ступени террасы вели в молодой сад, в центре которого располагался бассейн с искусственными волнами и мостиками. В небольшой стеклянной оранжерее даже зимой зрели фрукты и благоухали тонким ароматом цветы. Пришлось нанять помощницу по хозяйству, потому что времени за уходом большого дома и его территории ни у кого из домочадцев не было, не говоря уже о приготовлении пищи. В отличии от медлительных вальяжных испанцев, у которых одним из любимых слов является «manana», все члены семьи работали быстро и продуктивно с раннего утра, без сиесты, до позднего вечера и собирались вместе только вечером. А если был срочный заказ, работали и в выходные дни, вызывая удивление и непонимание у испанцев. Дела никогда не откладывались на завтра или на неопределённый срок. Эту черту ценили пунктуальные немцы и не менее обязательные партнёры-англичане.

Лея с интересом училась. Девушка очень изменилась в последнее время, повзрослела, стала намного серьёзнее относиться к своим обязанностям, бережнее к родным. Ежедневно общалась со своим новым другом по телефону или интернету. Александр ещё на Тенерифе заметил, что Ален увлечён его сестрой, и она отвечала молодому человеку взаимностью. Поэтому брат пригласил Алена в гости на свою свадьбу. Обаятельный и перспективный молодой человек с хорошими манерами произвёл самое благоприятное впечатление на родителей Леи. Его целеустремленность и основательность понравились им. Именно такого мужа они мечтали видеть рядом со своей дочерью.

Следующим летом влюблённые вновь встретились на Тенерифе. Ален уже закончил учёбу и осенью собирался приступить к работе в клинике. Александр, отдыхающий с женой, по-прежнему опекал сестру несмотря на то, что она уже отметила совершеннолетие и успешно перешла на второй курс Академии Художества. Лея и Ален всё время проводили вместе, загорали на камнях в маленькой бухте, плавали, танцевали. Незадолго до отъезда, в один из тихих солнечных дней они ныряли с взятой напрокат яхты. Первой устала Лея и расположилась в шезлонге позагорать, прикрыв лицо широкополой шляпой. Вынырнув из воды, Ален забрался на палубу и с лукавым видом вложил в ладонь девушки небольшую раковину:

— Открой аккуратно, я чувствую, внутри есть жемчужина.

— Первый раз слышу, чтобы здесь водились раковины с моллюсками и жемчугом. Ты не путаешь, случайно, Тенерифе с Таити?

— Открой раковину и посмотри, — настаивал юноша, протягивая девушке маленький нож.

Без малейшего усилия Лея вскрыла раковину и ахнула от удивления: внутри раковины лежало изящное колечко с жемчужиной в окружении мелких блестящих камушков.

— Это мне? Подарок от Нептуна? — с детской радостью, воскликнула она, вскочив на ноги, и не успев услышать ответ, чмокнула своего кавалера в щёку.

Подхватив подругу на руки, Ален закружил её в ритме вальса.

— Какой ты все-таки ещё ребёнок! Вот так и пронёс бы тебя через всю жизнь, — он бережно поставил Лею на палубу.

— Разве это плохо? Ещё успею побыть взрослой, — девушка уже примеряла колечко, — подожди... это что — бриллианты? — воскликнула она, увидев, как заискрились камни на солнце, — в таком случае это дорогой подарок, и я не могу его принять, — тоном капризной, но хорошо воспитанной девочки заявила она.

— Лея, позволь мне быть твоим спутником жизни, всегда заботиться о тебе. Обещаю, что ты станешь самой счастливой женщиной на свете!

— О чём это ты?

— Выходи за меня замуж! Я полюбил тебя с первого взгляда и навсегда!

— Никогда ещё не задумывалась о замужестве. Не знаю, что такое любовь! Но мои чувства к тебе — лучшее, что я испытала в жизни.

Ещё совсем недавно Лея приняла бы кольцо благосклонно, словно делая одолжение поклоннику. Или выбросила бы его за борт, не задумываясь о стоимости украшения, не боясь недовольства отца и осуждения окружающих. Последний год очень изменил девушку. Теперь она мало напоминала ту эгоистичную и взбалмошную мажорку, какой все привыкли её видеть. Переходный возраст закончился вместе со стремлением влиться в чужеродное общество не принимающих её поначалу однокурсников и знакомых, доказать свою состоятельность и значимость. Но главным фактором её преображения стала первая любовь. Такая неожиданная и глубокая.

В начале зимы к ним приехал жених со своим крёстным отцом, одиноким пожилым человеком. Всю свою нерастраченную отеческую любовь он вкладывал в Алена, считая его своим сыном, так как приходился ему дядей со стороны покойной матери. Был ему лучшим другом и наставником. Всей семье понравился будущий родственник. Это был настоящий аристократ с благородной внешностью, ухоженный, сдержанный. На ломаном русском языке, иногда прибегая к помощи Александра как переводчика, он с интересом беседовал с родителями девушки, присматривался к будущей невестке и наконец сказал ей:

— К сожалению, я ещё не знаю Вас и Вашу семью, фройляйн, но уважаю выбор своего сына и не собираюсь мешать его счастью.

Состоялось обручение, назначена дата свадьбы, которую решено было праздновать в Вене, где жила семья жениха.

Не успели проводить гостей, как из России приехала Мария, теперь уже навсегда.

Ей наконец-то удалось продать дом, с которым она рассталась не без грусти, ведь в нём прошла немалая часть жизни семьи и закончил свой земной путь её муж. Все с радостью встретили её, особенно Лея, потому что только бабушке с раннего детства поверяла она всё самое сокровенное. Только бабушка могла выслушать внимательно и не осудить, а посочувствовать, дать мудрый совет и приободрить, как никто другой. Девушка не могла усидеть на одном месте, сосредоточиться за учебником или мольбертом, бралась сразу за несколько дел и, ни одного не доведя до конца, без конца подбегала к Марии, обнимала и целовала её.

— Ты у меня самая лучшая, самая любимая бабуля на свете, и я так рада, что ты наконец-то переехала к нам! Я так соскучилась по тебе! — радовалась Лея, усаживая бабушку в кресло.

— И я тоже, родная. Мне тебя очень не хватало, внученька!

— Как жаль, что ты не познакомилась с моим женихом и его крёстным отцом, они такие славные люди.

— Ничего, на свадьбе увижу всех. А ты, смотрю, порхаешь от счастья как бабочка. Так изменилась! Из подростка превратилась в настоящую невесту. Это твой жених тебе так часто звонит? Расскажи мне о нём.

— Он замечательный, не обыкновенный, самый лучший!

— И кто же этот несчастный? — бабушка обняла внучку, присевшую на подлокотник её кресла.

— Ты хочешь спросить, кто этот счастливчик? — парировала Лея, — он молодой врач и потомственный дворянин. Но ты не подумай, что я польстилась на его титул. Когда мы познакомились, я не знала, кто он.

— Тебя трудно заподозрить в корысти, милая, к тому же мне это очень знакомо. А откуда он родом?

— Из Австрии.

— Из Австрии? — лицо Марии дрогнуло.

— Да, он австриец, из Вены, — стараясь говорить равнодушно, ответила Лея, внимательно наблюдая за бабушкой.

— Ты полюбила его сразу?

— Нет, я поняла это только после того, как мы расстались. Разве в жизни бывает любовь с первого взгляда? О ней только в книжках пишут.

— Бывает, девочка…

— Расскажи о своей первой любви. Это был дедушка? Я знаю, что ты любила его и тоскуешь по нему до сих пор. Он и был твоей первой любовью? — Лея поставила на стол перед бабушкой чашечку старинного фарфора с ароматным кофе и придвинула вазочку с её любимыми конфетами.

— Нет, Лея. Мужа я любила совсем другой любовью, которая была больше похожа на уважение или благодарность. Но я знала, что он любит меня. Вот его любовь была именно с первого взгляда и на всю жизнь, до последнего вздоха.

— Ну, ты даёшь, бабуля! Пусть простит меня дедушка, которого я плохо помню, но знаю, что он был замечательным человеком редкой доброты и благородства. Разве можно выходить замуж только из чувства благодарности?

— Можно, Лея! Когда твой отец сослан на каторгу, мать серьёзно больна, а ты — дочь врага народа. Когда живёшь в чужой стране, в нищете, и тебя некому защитить. Я знала, что никого в жизни больше не смогу полюбить, потому что уже любила. Но это была безнадёжная любовь, без будущего. Поэтому и вышла замуж за твоего дедушку. Знала, что лучшего человека, чем он, я не встречу.

— Почему? Где был твой любимый?

— Очень далеко, мы жили в разных странах.

— И ты его не видела с тех пор? Неужели даже не пыталась разыскать?

— Нет… Сначала это было невозможно, а потом не имело смысла, ведь прошло столько лет... — голос Марии задрожал.

— А сейчас?

— А сейчас ты у нас невеста, тебя нужно замуж выдавать.

Так и не притронувшись к кофе, Мария встала из-за стола, давая понять, что разговор окончен, и ушла в свою комнату.

Когда внучка зашла к бабушке пожелать спокойной ночи, та сидела в кресле, держа в руках старую, давно знакомую Лее тетрадь. Девушка уселась на ковёр рядом с креслом, и по давней привычке положила голову на колени Марии, всем видом показывая, что надеется на продолжении рассказа о первой любви бабушки, как в детстве ждала от неё сказку.

— Ну что же, Лея, ты теперь уже совсем взрослая, скоро у тебя будет своя семья. Надеюсь, ты меня поймёшь.

Мария, неторопливо перелистывая страницы, словно листала не тетрадь, а события жизни, начала рассказывать печальную историю своей любви.

— Невероятно и трагично, как в кино! — воскликнула Лея, с интересом выслушав бабушку. — Бедная моя, сколько же ты пережила,

когда ранили любимого, когда вы расстались, зная, что вряд ли суждено встретиться в будущем...

— Да, моя дорогая, тогда было суровое время, а сейчас все границы открыты и у влюблённых нет преград для счастья.

— Он был красив?

— Да, но я видела только красоту души, она читалась в его глазах, во всём его облике. На вот, посмотри, — и Мария протянула внучке раскрытую тетрадь.

Это был карандашный набросок лица юноши. Тот самый, о котором Лея неожиданно вспомнила год назад, рисуя портрет друга. Она видела его и раньше, когда в детстве иногда тайком залезала в бабушкин тайник. Девочка доставала шкатулку, любовалась украшениями, которые бабушка обещала когда-нибудь ей подарить.

Рассматривала потемневший от времени медальон со странными знаками и буквами, часто листала эту исписанную на непонятном языке тетрадь с рисунками. Ещё не веря в роковое совпадение, внучка спросила:

— А как звали твою первую любовь?

— Максимилиан фон Майер.

Лея опешила, не веря своим ушам: это была фамилия Алена и имя его крёстного отца. Фамилию дяди Ален взял, как последний представитель знатного рода, который в будущем продолжит его. Не выдавая своих чувств, Лея вернулась в свою комнату подавленной, и так и не заснула до утра. Решив, что время расставит все по своим местам, решила рассказать о своих догадках и предположениях только Алену, когда он приедет с родными в Вену. Бередить душу любимой бабушки она не рискнула.

Несмотря на возражения родных, жених с невестой решили праздновать свадьбу без венчания. Обвенчаться и устроить скромное торжество в кругу родных молодые решили позже, через год после того, как Лея примет католичество. Принять чужую веру Лея согласилась без колебаний: бабушка ещё в детстве объяснила ей, что бог един. Да и что бы она ни сделала ради любимого?

Ресторан знаменитого отеля Sacher, что рядом со зданием Венской оперы, был полон гостей. Крёстный жениха, ехавший на автомобиле из своего поместья в Зальцбурге, слегка запаздывал из-за возникших проблем на дороге. Торжественная часть вечера немного задерживалась, как и всё ещё прибывающие гости, среди которых было немало соотечественников семьи невесты. Они осматривались, приветствовали знакомых, рассаживаясь по своим местам. Едва слышно звучала приятная музыка не мешала негромкому говору гостей. Множество красиво сервированных столиков было расставлено вокруг танцевального поля, во главе их, под цветочной аркой стоял столик новобрачных. Александр с

женой, чьи места были рядом с бабушкой, беседовали в сторонке с распорядителем торжества. Мария осталась за столиком одна.

Готовясь к свадьбе, Лея нарисовала воздушный образ невесты и по её эскизам сшили пышное, лёгкое, невесомое платье из тончайшей шёлковой ткани. Похожая в нём не то на цветок, не то на белоснежное облачко, она словно парила в воздухе, не касаясь паркета зала. Постоянно куда-то исчезала со своими подружками или ворковала со своим не менее нарядным женихом, который выглядел озабоченным и не расставался с мобильным телефоном. Оба выглядели взволнованными, счастливыми, время от времени с видом заговорщиков поглядывая на бабушку. Внучка периодически подбегала к Марии, поправляла причёску бабушки или нитку жемчуга на её шее.

— Ну-ка, стрекоза, признавайся, опять задумала какую-нибудь проказу?

— Нет, все в порядке.

— Пора бы остепениться, сегодня ты невеста, а завтра — уже жена.

— Завтра и остепенюсь, бабуля, а сегодня можно ещё пошалить напоследок, — девушка целовала её и вновь убегала.

Глядя на танцующих первый танец новобрачных, — вальс Штрауса, Мария задумалась, вспоминая свою скромную послевоенную свадьбу, и не сразу заметила, как в зал торопливо вошёл высокий седовласый мужчина с букетом белых роз и остановился недалеко от танцующей пары.

«Родственник или запоздавший гость», — подумала Мария, наконец заметив его. Когда прозвучали последние аккорды вальса, и новобрачные закончили свой танец, мужчина подошел к ним и поздравил. Негромко беседуя, вся троица одновременно, словно сговорившись, посмотрела в сторону Марии.

«Наверное, думают, куда посадить гостя», — женщина взглянула на свободное кресло рядом с собой, — видимо, это место и предназначается опоздавшему».

Жених, тем временем, подошёл к дирижёру и что-то шепнул ему на ухо. Не успел он вернуться к невесте, как вновь зазвучала музыка. Её любимое танго «Кумпарсита».

Как же давно она не танцевала...

Вдруг кто-то подошёл к Марии, слегка поклонился и протянул ей руку.

Опоздавший гость, тот самый седовласый мужчина, приглашал её на танец. Он вёл уверенно и бережно. Мария, даже не глядя на партнёра, с первых танцевальных шагов поняла, что перед нею умелый танцор. Угадывала каждое его движение и следовала за ним, стараясь не ошибиться. Эти пожилые люди из разных стран и социальных слоёв, давно

перешагнувшие свой полувековой возрастной рубеж, представляли собой удивительно гармоничную пару, словно бы всю жизнь не только танцевали вместе, но и прошли свой жизненный путь рука об руку. Гордо посаженная голова партнёра почтительно склонилась над партнёршей, в седине его волос всё ещё поблёскивали золотистые пряди.

А она, полностью отдавшись ритму музыки, чувствуя галантное танцевальное объятие мужчины, склонила голову к его плечу, словно полностью доверяя ему себя в танце.

В чёрных волосах Марии проглядывали серебристые нити седины, и эта паутинка была такой естественной, несмотря на яркий контраст, что вопреки всем законам парикмахерского искусства, лишь украшала её обладательницу, делая её благороднее и величавее. Роскошное убранство свадебного зала напомнило Марии картину из её давних девичьих грёз, когда в далёкое послевоенное время она сидела на скамейке парка маленького грузинского городка и с тоской вспоминала Максимилиана после их расставания. Тогда она мечтала о встрече с любимым в сказочной Вене. В так и не сбывшихся её мечтах блистали такие же зеркала в позолоченных рамах, что и сейчас, электрические свечи в бронзовых канделябрах и огромная люстра, спускающаяся с высокого потолка на длинной витой цепи. Повсюду аромат живых цветов, звуки волшебной музыки. Но это не встреча с Максимилианом, а свадебное торжество её внучки.

А её первая и единственная любовь, её так и несостоявшийся суженый, возможно, ещё где-то ходит по австрийской земле?

«Но где же ты, Максимилиан? Почему так и не нашёл меня? Как сложилась твоя судьба? Счастлив ли ты? Суждено ли нам когда-нибудь встретиться? Узнаем ли мы друг друга? Сохранил ли ты те чувства, что заставили тебя когда-то броситься ко мне под дулами автоматов, рискую жизнью?»— эти вопросы проносились в сознании Марии стремительной чередой, и ответа на них не было и быть не могло.

Постепенно танцевальное поле опустело. Настоящее танго мало кто из гостей, в основном, молодёжи, умел танцевать правильно. Статная и элегантная пара, несмотря на преклонный возраст, продолжала танцевать, вплетая в рисунок танца элементы настоящего аргентинского танго, привлекая внимание и восхищенные взгляды гостей. У Марии было необъяснимое ощущение вдруг нахлынувшего счастья и покоя. Вспомнились слова из песни в исполнении Карлоса Гарделя: «Ты не знаешь, что ты всегда со мною, я жив тобой одною, в душе любовь храня…»

Женщина вдруг поймала себя на мысли, что не хочет, чтобы этот танец когда-нибудь закончился, так хорошо ей было в нежных объятиях незнакомого мужчины. Но решив, что в её возрасте неприлично даже

думать об этом и, услышав последние аккорды музыки, хотела было поблагодарить партнёра за чудесный танец, как вдруг увидела кружевной уголок платочка в кармане его смокинга. Марийка не могла спутать кружево с каким-либо другим на свете, — она своими руками когда-то его связала!

«Нет, не может быть, этот платочек с орешками я бросила много лет назад пленным», —молнией пронеслось в её голове и вдруг она услышала над ухом:

— Мария!

Не веря самой себе, словно во сне, она подняла голову и удивлённо посмотрела на партнёра, целующего её руку.

— Наконец-то я нашёл тебя, любимая!

На неё, сквозь слезы смотрели глаза, которые снились ей столько лет!

Это был Максимилиан.

ЮРИЙ ШУМОВ

- Где восходит солнце,
Радует оконце?
- Там, где матушка живёт –
Там и солнышко встаёт!

Этим светлыми и нежными строками остался в моей памяти один из самобытных поэтов Белгородчины - Юрий Шумов.

Впрочем, не только этими, его удивительно искренние, лаконичные и афористичные стихи мгновенно находят дорогу к сердцу и остаются там навсегда.

Нелюбимых
За то не прощают,
Что в любимых
Находят достойным...

Нелогично, верно и парадоксально, но ведь и любовь - «тайна сия велика есть», много у неё граней и оттенков.

Да и сама жизнь гораздо сложнее, чем порой мы думаем, когда смотрим и судим со своей колокольни. И поэт мудро напоминает об этом, хотя сам прожил недолгую жизнь. Но сила его таланта в способности донести точными и простым словами вспышки прозрения и провидения человеческой души.

Твой друг —
упал...
Твой друг —
несчастен.
Пусть жалость
Друга не обидит.
Не говори,
Что мир прекрасен:
Упавший

Мир
Иначе
видит.

Юрий Васильевич Шумов родился в 1954 году в небольшом селе Самойловка, расположенном в Корочанском районе Белгородской области. После девятого класса вместе с родителями переехал в областной центр и закончил школу № 24.

Позже, и во время службы в армии в Прибалтике, и когда демобилизовался, жил и работал на разных предприятиях в Белгороде, впечатления детства и отрочества в родном селе не покидали его.

Любовь к малой родине и односельчанам, среди которых он рос, вдохновляла на творчество и рождала стихи, полные благодарности и восхищения.

Сколько радости, солнца и света –
Этим всем безраздельно владей.
Ожидаю дождливого лета
Для хороших и добрых людей

Сколько ветра, простора и воли!
К чёрту – город, домашний уют…
Земляки мои трудятся в поле –
Как хорошую песню поют!..

Не понаслышке и не по статистике краеведов, была знакома поэту проблема пустеющих российских сёл деревень. Болью отзывалось в сердце поэта сиротство родной Самойловки, в которой к 1989 году осталось всего 42 жителя, пустели дома и зарастали крапивой и полынью палисадники и огороды.

Там вдали, за маревом заката,
Так же пахнет летом и дождем.
Там стоит моя родная хата,
Где я был под звездами рожден.
И зовет, зовет меня родная
С тихою тоскою - не кричит.
Там, в деревне, моя хата с края,
Как упрек покинувшим стоит.
А приеду, пыл мой поостудят,
Спросят вдруг:

- Надолго ли сюда?
Но когда родные люди судят –
Справедливей нет тогда суда!
Доброта людская бесконечна
Тех людей, что связаны с землей.
Лишь была б деревня моя вечна
И сияли звезды надо мной...

Писать стихи Юрий Шумов начал ещё школьником. В Белгороде посещал две литературные студии: сначала «Современник» (руководитель Игорь Чернухин), затем «Слово», которую вёл Владимир Молчанов, где мы и познакомились в 1990 году. И около пяти лет по воскресеньям мы увлечённо общались, обсуждали рукописи и любимые книги, учились у классиков и друг у друга, делились удачами, поддерживали «во дни сомнений».

В пылу литературных дискуссий и баталий, лицо Юрия было всегда серьёзно и сосредоточенно, а замечания немногословны, как и его стихи, которые он читал чуть отстранённо, глуховатым голосом.

К тому времени он уже довольно много печатался в периодике, его стихи выходили в коллективных сборниках Центрально-Черноземного книжного издательства в Воронеже, в столичных журналах «Наш современник» и «Роман-газете XXI век», воронежском «Подъеме» и других.

Но ни разу даже тень звёздной болезни не коснулась его отношений с менее опытными в литературном деле студийцами. Шумов всегда был вежлив и доброжелателен.

Его отношение к творчеству, и не только собственному, выражено ёмко и определённо. Каждому, кто избирает писательский путь, не помешало бы положить руку на сердце и задуматься вместе с автором.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ
— Весь наш род, сынок,
Полю кланялся,
И никто стихами
Не маялся.
В небеса
С земли лишь поднимешься...
... Я задумался,
Закручинился.

Широко известен пророческий феномен Николая Рубцова предсказавшего собственную кончину в стихах: «Я умру в крещенские морозы».

У Юрия Шумова игры с судьбой были не столь эпатажные, скорее похожие на печальный вздох, покорный тайному ходу вещей, скрытых от живущих.

АВГУСТ
Скоро и август увянет.
Первые листья зажглись.
Он паутинку протянет,
Грустно цепляясь за жизнь.

В конце лета 2005 года, не удержавшись за тонкую паутинку августа, Юрий Шумов ушёл из жизни.

С тех пор, как у Юрия Шумова вышла первая и единственная книга стихотворений «Плач» минуло три десятилетия. С самого начала она была раритетом - редкой по своей художественной ценности, по исключительной честности перед самим собой и читателем.

Прозаику-историку потребовались бы не одна сотня страниц, чтобы пронзить словом и соединить времена так, чтобы обозначить кровную связь событий прошлого, настоящего и будущего. А поэт без лишнего пафоса, одним росчерком рисует эпическую картину, выводя из глубины веков в сегодняшний день легендарного, почти былинного русского монаха-воина Пересвета.

Перед тем,
Как насмерть бился,
Перед тем,
Как пал с коня, —
Крепко,
С верой
Помолился
За себя.
И — за меня.

Провидческие откровения Юрия Шумова, сегодня становятся всё более актуальными и пронзительными.

Окровавлен тяжёлый бушлат,
На крапиве лежу сиротливо,
А напротив наводит взгляд
Чёрный ворон.
И смотрит правдиво...

Русской православной церковью Александр Пересвет причислен к лику святых в чине преподобных. И сегодня, как никогда горячо звучат слова молитвы: «Святий преподобний воине Александре Пересвете, моли Бога о нас, грешных».

И ей вторят смиренно и горячо, из самых заветных уголков сердца слова Поэта, сделавшего свой главный выбор.

Прости, Господь, что в звездопад
Загадывал свои желанья,
Что звёзды умирали над
Душой, не знавшей состраданья.
Прости, Господь, за мрак души,
Поверившей и в прах, и в тленье...
Прости, Господь, и сокруши
В душе последнее сомненье...

Людмила Брагина

ЮРИЙ ШУМОВ

МОЯ ДУША — ЖИВОЙ РОДНИК...

* * *

Твой друг — упал...
Твой друг — несчастен.
Пусть жалость
Друга не обидит.
Не говори,
Что мир прекрасен:
Упавший
Мир иначе видит.

* * *

Прости, Господь, что в звездопад
Загадывал свои желанья,
Что звёзды умирали над
Душой, не знавшей состраданья.
Прости, Господь, за мрак души,
Поверившей и в прах, и в тленье...
Прости, Господь, и сокруши
В душе последнее сомненье...

* * *

Моя душа —
Живой родник...
Но кто-то в чёрном
К ней приник,
И пьёт.
И пьёт...
И хмурит брови...
И просит крови...

В ОТЧЕМ ДОМЕ

Будет тихо
Дождик капать,
Буду я
В окно смотреть.
Есть ещё
О ком поплакать,
Есть ещё
Кого жалеть...

* * *

На полях невспаханных,
Где цветы не сорваны,
Там в одних объятиях
Соловьи да вороны.

Кто лежит под звёздочкой,
Кто лежит под крестиком.
Мне бессонной ноченькой
Больно за ровесников...

ПЛАЧ

1.

Ты же был сильным, Иван,
Как ты погиб на чужбине?
Птиц улетел караван.
Стынет рубашка на тыне.

Всё холоднее туман.
Бродят вороны по полю.
Где ты, мой добрый Иван,
Встретил недобрую долю?

Из-за далёких полян
Ветры нерадостно дуют...
Видно, правдивых, Иван.
Пули и смерть не минуют.

Ты же был сильным, Иван,
Как ты погиб на чужбине?
Птиц улетел караван.
Стынет рубашка на тыне.

2.

О скалу ударился прибой.
Встал солдат, очнулся ото сна.
Он поднялся — молодой, живой.
И пошёл домой. Была весна.

Долго, долго он село искал...
Та же горка, та же речка вьётся.
Дома своего он не узнал,
Лишь, как прежде, верба у колодца.

И пошёл тогда он по полям,
По полям полынным вдовьих мук...
Он смотрел, как чёрная земля
Падала из тёплых женских рук.

А в глазах у женщины туман,
Что навек от горя постарела.
Не узнал жены своей Иван —
Лет-годов немало пролетело.

Он подняться женщине помог,
А она к груди его припала
И понять Иван никак не мог,
Отчего так женщина рыдала...

3.

— Иван — головушка, туман...
О чём задумался, Иван?

— Ты видишь, где закат кровит:
Там кум убит и брат убит,
В буфете «Русская» стоит,
Немного выпью... Эх, горчит!..
В кармане пачка сигарет...
Но кума нет и брата нет.
Озноб в душе, озноб в душе.

...Все трое мёртвые уже.

ПЕРЕСВЕТ

Перед тем,
Как насмерть бился,
Перед тем,
Как пал с коня, —
Крепко,
С верой
Помолился
За себя.
И — за меня.

ВОЛК

От воли полшага до боли...
Волк сделал его не спеша,
И слышали братья по крови,
Как плакала волчья душа.
Упал он, ступив в мелколесье,
И взгляд устремил в небеса...
Собаки залаяли, с лестью
Хозяевам глядя в глаза.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

— Весь наш род, сынок,
Полю кланялся,
И никто стихами
Не маялся.
В небеса
С земли лишь поднимешься...

... Я задумался,
Закручинился.

* * *

Окровавлен
    тяжёлый
        бушлат,
На крапиве
    лежу сиротливо,
А напротив
    наводит взгляд
Чёрный ворон.
И смотрит правдиво...

* * *

Он уходил туда,
Где билась Русь,
На повороте только обернулся
И прошептал:
«Вернусь... Клянусь...»
Да так за сорок лет
И не вернулся.

Жена всё ждёт,
Полынь цветёт...

ПАМЯТИ РУБЦОВА

Он встречал чёрных птиц
Над простором российских дорог.
Он смотрел им в глаза,
И глаза их большие не лгали.

И от песен их вольных
Душою совсем изнемог...
В небеса потемневшие
Птицы его зазывали.

ФРОНТОВИК

В День Победы он «горькую» пил.
За братьёв отомстить поклялся.
Кулаком в грудь неистово бил
И — качался...

А потом за сады пошагал,
Падал в травы — не жалко обновы!
Рукавами слезу вытирал —
Не дай бог, чтоб увидели вдовы...

А когда майский день погасал,
Он угрюмо сидел на поляне,
И курил, и так тяжко вздыхал.
И медали звенели в кармане.

* * *

Боль исцеляли ночкою чёрной,
Скорбь исцеляли болью людской...
Метнулась душа сиротой беспризорной,
Душу окликнули там, за рекой.

Те, что окликнули, отмели знают,
Но непременно в омут сведут.
И на одном берегу отрыдают,
А на другом берегу отпоют...

ЭЛЕГИЯ

Шуми, мой ясень, на ветру
И в небеса стремись.
Шуми и пой, когда умру,
Могиле поклонись...

* * *

Гордыню в себе возлюбя,
Забыв о душах ранимых,
Сначала теряем себя,
Потом родных и любимых.

ВОЛ

Старым стал, жилы рвал,
Но хрипел - жить хотел.
И удар по хребту
За его хрипоту
Вынес он, не упал,
Словно памятник стал,
На котором написано кровью:
- От людей с любовью!

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

ЛЮДМИЛА БРАГИНА, ОЛЕГ РОМЕНКО

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК ИГРАЛ В ВОЛОНТЁРА

Заметки волонтёра Дениса Гуцко «Нацики всегда так», опубликованные в журнале «Знамя» (№10, 2022) посвящены началу того, «что в России велено называть СВО».

Денис Гуцко является довольно известным современным российским прозаиком — он лауреат Букеровской премии за 2005 год, автор книг «Русскоговорящий», «Покемонов день», «Домик в Армагеддоне», «Бета-самец», участник Форума молодых писателей России и постоянный автор таких журналов, как «Дружба народов», «Знамя» и «Новый мир». Чтобы в дальнейшем у читателя не возник когнитивный диссонанс относительно «слыть» и «быть», сделаем небольшое уточнение. Денис Гуцко — один из тех авторов, пришедших в литературу в начале нулевых, которых неофициально называют «птенцами гнезда Филатова», потому что они «попали в струю» через Филатовский форум. С. А. Филатов стал ключевой и зловещей фигурой в российской политике первой половины 90-ых. Уйдя из администрации президента после скандальных выборов 1996 года он возглавил Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, а также возглавил Форум молодых писателей. Иными словами, Сергей Филатов создал «инкубатор» по выращиванию и дальнейшей раскрутке «гениев» за счёт средств Фонда.

Итак, события в заметках волонтёра Дениса Гуцко происходят в марте 2022 года на КПП Весёло-Вознесенское Ростовской области. Автор заметок отправляется к ростовской границе с ДНР в обществе двух женщин-волонтёров, одна из которых в дороге жалуется на свою сестру «нацика» из Молдавии.

Умышленно или по недомыслию автор перекладывает неподъёмную ответственность определённых политических сил на плечи оболваненных пропагандой обывателей, членов семей, обзывая их «нациками»?

Кроме того, при всех издержках нашего времени, россияне не называют своих родственников даже на Украине, не говоря уж про Молдавию, «нациками», какими бы озлобленными те ни были, потому что «нацики» в их глазах — это «правосеки», «бандеровцы», «киевская хунта» и подобная им публика.

Выбирая название для своего материала, автор обнаруживает стремление не опоздать и отметиться в острой теме, затронувшей не только Россию, но и весь мир. Только выбранная им интонация и лексика больше подходит для стендапа. Вызывает отторжение и недоумение манерное использование в авторской речи эпитета «противный» в сцепке всё с тем же словом «нацики». Тут уж вырисовывается картина маслом: «Уйди, противный нацик, не для тебя цвету!»

Любое историческое или общественное явление, за которым стоит хоть одна человеческая смерть становится трагической страницей современной истории. А на сегодняшний день тема не только не закрыта окончательно, но и стоит ещё более остро, чем год назад.

Раскрывая цель поездки и мотивацию, автор заметок сразу берёт высокий штиль, столь полюбившийся многим российским литераторам, да и не только им: «Двадцать четвертого февраля стало трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь — чтобы дышать». За этими словами маячит «старца великого тень» с его — «Не могу молчать».

Сразу вспомнился, задуманный как анестезийный, вопрос-бумеранг: «Где вы были восемь лет, когда бомбили Донбасс?» Как могли спокойно «дышать» харьковчане и куряне, москвичи и киевляне, когда сотни тысяч их соотечественников и братьев по крови в 2014-м в одночасье превратились в беженцев? А они смогли — жили-были, ели-пили. Это мы к тому, что, когда автор заметок пишет, что «стало трудно дышать», хочется сказать ему в ответ: «об одном прошу тебя: не говори красиво».

Ведя бесконечные внутренние монологи, автор не может добиться точности и чёткости изложения, его мысли сумбурны, тяжелы и неповоротливы, требуют постоянной докрутки, затяжки, как разболтавшиеся, готовые вывалиться винты и шурупы.

«Прихожу в себя. Наверное, можно так про это сказать: прихожу в себя. Наконец-то. Я больше не в странном фильме, я снова в реальности — в странной, но в реальности, живой и сложной — точнее, сложной, и по наличию этого ключевого признака живой. Вот так вот: является простой человек — в школе на уроках литературы учили называть его маленьким, а тут огромная тетка — и, моментально усложнив, оживляет реальность».

Рефлексирующий главный герой, как енот-полоскун роется лапками у себя в черепе и постоянно достаёт застиранные, оборванные лоскутки разной конфигурации, которые даже на лоскутное одеяло не годятся.

«И не важно, что я начал разговор совсем в другую сторону: «Как мы здесь очутились? Бессмысленная бойня». Все свои, и на правах человека постарше, которому не сложно поправить, подсказать — так могла бы, например, сводная сестра, или тётка: вот таким тебя помню, жопу тебе подтирала — Алёна поспешила на помощь: нет, не то, про это вот что надо говорить».

Огромное количество ненужных, не работающих на образы героев деталей, которые воспринимаются как белый шум, сквозь которые приходится ломиться, как сквозь стену.

«Но попробуй уйди в себя. Когда ты только что узнал, что у сидящего рядом человека, вот у этой Алёны в светлой джинсовой куртке — идеальный маникюр, а причёска неудачная, опустевшим гнездышком, и в чате на аватарке цветок, — что у неё в Кишинёве есть сестра-нацик».

А в Киеве дядька.

И вряд ли такого рода «вишенки на торте» ростовского акына (что вижу — то пою) будут когда-либо представлять интерес даже для самого пытливого читателя: «Алёна уже в фартуке. Кремовый фартук с вишенками в углу». Или: «Кто-то перешёл от одного здания к другому...»

В своё время Лев Толстой взял за правило срывать «маски» со всех и вся, обнажая человеческую натуру, а потом уже не мог остановиться и находил «притворство» даже там, где его в принципе не могло быть. По-своему так же и Денис Гуцко постоянно пытается накрутить у себя в заметках волонтёра «сложность». Особенно умиляют такого рода «искания» автора: «Они должны быть другими — какими-нибудь другими. Потому что — как такое возможно: мы с ними воюем — а они неотличимы от нас». Не будем поминать историю человечества и такой термин как «гражданская война», но может быть автору приходилось видеть, как «неотличимые» друг от друга соседи по лестничной клетке впиваются в глотку друг другу не хуже волков?

Далее в заметках мы встречаем немало нестыковок и огрехов, которые недопустимы в документальном жанре повествования. Так, например, автор, которому при слове «нацики» хочется спрятаться, как моллюску, в своей раковине, пишет на своей странице в соцсети: «Спасибо, суки, за такой русский мир».

И полный апофеоз — на его страницу заходит чиновница из областной администрации и «палится» под «расстрельным» постом дурашливым комментарием: «Это даже смешно, такой накал», — и смеющийся смайлик...»

Заметки Дениса Гуцко ни в коем случае нельзя рассматривать как объективный слепок новейшей истории. Комментариев, типа — «Спасибо, суки, за такой русский мир» — в российских соцсетях действительно было

немало, только, как правило, с фейковых страниц и с украинских аккаунтов. У российских же пользователей уже давно настроена «самоцензура». А уж таких легкомысленных чиновниц тем более не отыщется ни в областных, ни даже районных администрациях. Недостоверно до безобразия.

Дальше в лес — больше дров и дичее лоси:

« — Молодой человек, а прокладки где-нибудь можно получить?

Женщина не стесняется, но я всё ещё не перешагну через условности — я по другую сторону. Ухожу в палатку, прошу Катю отнести ей прокладки».

В каком веке живёт Денис Гуцко и в какой стране? Получается, что от одной мысли попросить себе прокладки женщине должно стать стыдноватенько не меньше, чем автору от её непристойной просьбы. Да и вообще, чтобы не вгонять в краску кассиров-мужчин, которых в сетевых магазинах становится всё больше, современная российская женщина должна заказывать и оплачивать прокладки через приложение «Самокат». А потом, когда велорикша привезёт её заказ, положит свёрток на коврик, позвонит в дверь и убежит, сгорая от стыда, женщина высунется, как белка из дупла, молниеносно схватит прокладки и захлопнет дверь, пока соседи не стали свидетелями этого стыдобища.

Поразительная щепетильность от Дениса Гуцко. Нам думается, что если бы к нему обратился беженец-мужчина с просьбой о туалетной бумаге, то автор, поморщившись и зажав нос, попросил бы напарницу отнести этому пошляку и засранцу пару рулонов, чтобы тот подольше не беспокоил их подобными просьбами.

Интересно, а как автор покупает себе трусы? В несколько заходов, как краснодарские пацаны Славик и Димон из «Нашей Раши»? А может быть, пятидесятилетний ростовский мужик, решивший опроститься, совсем отказался от этого постыдного предмета туалета и ходит в одном плаще?

Далее авторская рефлексия начинает уже не на шутку нас тревожить: «Выгляжу я, видимо, плохо — в смысле, неприятно для глаз. Впахиваю, как робот: таскаю, раздаю, — а выгляжу — тьфу». Волонтёр, видимо, буквально принял на веру постулат Энгельса, что труд сделал из обезьяны человека и оказался разочарован результатом.

Но говоря серьёзно, если мужчину во время работы беспокоит, как он выглядит, то ему явно не хватает тестостерона. Усиливается эта догадка, когда сначала в фокус его зрения попадают ядрёные чиновники с «яйцами вперёд», а за ними «суровые погранцы» с «автоматами мужественно свисающими от груди стволами вниз», к которым автору «хочется подойти и потискать».

Любят ли пограничники, когда их тискают волонтёры за свисающие стволы? Интерпретация подобного невербального поведения темна и запутана, как и авторский статус - «всё сложно».

По прибытию автора заметок на волонтёрский пункт, его сразу сцапал старший по кухне:

«— Юля! — кричит. — Можешь мне мальчика дать на пять минут?

Мальчик — это я, очевидно.

Человек стоит в пяти метрах от меня, Юля же успела отойти далеко. Но обращается он к ней, а не ко мне.

— Мальчика одолжи».

Напомним, что Денису Гуцко на тот момент исполнился 51 год. Возраст «старшого» не указан, но учитывая его больную спину, скорее всего, они примерно ровесники. «Мальчику», с лёгкой руки товарища Бендера, Воробьянинову, как мы знаем, было 52 года. Но Ося и Киса столько всего пережили вместе. А вот один взрослый мужик всё же поостережётся назвать незнакомого ему мужика «мальчиком», может и в глаз прилететь. Затем старший по кухне, который демонстративно игнорировал правосубъектность нового волонтёра, оправдывается перед ним, когда нужно поднять и поставить бидон на плиту: «Я спинник. Мне нельзя».

«Неудачно разворачиваюсь к ветру лицом, и суп из обеих тарелок выдувает прямиком мне на куртку — бурным вермишелево-морковным фонтаном. Теперь и я сам, в жиру и налипших соринках, — человек хотя бы снаружи опростившийся». Вот где собака порылась. Не дышать было трудно человеку, которого эта беда никак не коснулась и не затронула, а «чего-то хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном...», не то куртку изгваздать.

Мы можем представить «опрощение» сиятельного графа Толстого, самолично рубившего дрова в крестьянской рубахе, или отказавшегося от римского трона Диоклетина, уехавшего выращивать капусту, а вот к нашему современнику Денису Гуцко скорее применима другая формула: «Дворяне шли в народ, а мы назад — в дворяне».

И вот яркое подтверждение этому:

«Хочу я быть смешливым, как знакомая чиновница?

А простым народом? Который не замечает?

Нет, точно нет.

Было бы, конечно, проще. Но как там внутри должно быть устроено, без чего нужно остаться — чтобы стало настолько проще?»

А с чего это он вдруг решил, что представляет собой сложноорганизованную систему? Когда и где это началось: сразу после рождения в Тбилиси или при смене местожительства на Ростов-на-Дону? При

получении специальности «Экология и прикладная геохимия» или после трёхкратного участия в Форуме молодых писателей России? И самое главное, до какой стадии опрощения готов дойти автор?

Улыбнул и вот такой фрагмент: «Вот что роднит меня с тем самым маленьким человеком, которого по косточке, под микроскопом разбирали на уроках русской литературы: фига в кармане — внятное, но негромкое, точно рассчитанное, чтобы и высказаться, и не попасться, "пошел ты нахер"».

Когда писатель подобно Творцу, приводящему планету в порядок, пытается упорядочить хаос своих мыслей в голове, то ему не всегда удаётся с этим справиться. В голову лезет всякий вздор, причудливо и нелепо переплетаясь, как впечатления реальной жизни в наших снах.

Так, например, как нам представляется, когда автор решил окрестить «мальчиком» себя любимого пятидесятилетнего волонтёра, раздающего супы и бутерброды беженцам, у него в голове, видимо, как пробка из шампанского, выстрелила знаменитая киношная фраза: «Мальчик, водочки нам принеси, мы домой летим». А когда Денису Гуцко захотелось рассказать о родстве с маленьким человеком с фигой в кармане — «пошёл ты нахер», то здесь ему вспомнились афоризмы армейской мудрости, которые он, наверное, как и все служившие в те времена, записывал в солдатский блокнот: «Здесь назовут тебя «салагой», сотрут достоинство и честь, а ты в душе пошлёшь всех нахер, а наяву ответишь: "Есть!"».

Отдадим справедливость, если основательно покопаться в этом подготовительном материале, среди массы необязательных и случайных фиксаций, обнаруживается действительно интересная художественная находка, достойная дневника писателя: «Голос сиплый, базарный. Голос-шкуродер».

Но пора подводить итоги дня.

Конечно, это не один день молодого дворянина Александра Андреевича Чацкого, и не день простого русского солдата-зэка Ивана Денисовича, но «дольше века длится день» для участников заметок Дениса Гуцко…

И как же чужероден здесь сам автор со своим английским словечком, заимствованным из истории США в период освоения Дикого Запада, крайне неуместным в свете событий новейшей истории России, зримом и незримом натовском участии в конфликте. Некорректно и даже кощунственно звучат эти параллели, описывать народную трагедию и крупнейшую геополитическую катастрофу словами развлекательных шоу и вестернов.

Пять раз употребляет его в повествовании, смакуя:

«Фронтир — если принять картину мира, которую приняла и, несомненно, полюбила Алена — фронтир противостояния с нациками»,

«обитатели тлеющего фронтира земли», «При любом исходе — как волна на возвратной фазе, навоевавшийся фронтир прикатится, нахлынет на Ростов», «люди с фронтира».

Элементы композиции просматриваются очень туманно и расплывчаты. Кульминация, как таковая отсутствует. После завершения волонтёрской смены с автором не случилось ни катарсиса, ни «нравственного перелома». Он снова в исходной точке: «Как собрать воедино, как принять?»

Словно заново начиная поездку, он никак не закроет гештальт: как же уживается его напарница со своей сестрой «нациком». Подобными «сложными» вопросами задаётся и анекдотичный чукча: кто же красит редиску в красный цвет под землёй?

Из нравственных приобретений и утрат даже не сказать, чего больше: «Но теперь от вида расстрелянной машины у меня уже не перехватывает дыхание, как в начале дня». А в эпилоге авторская оценка событий смазана до полного бесчувствия:

«да, да, наверное, ко всему привыкаешь.

И к нацикам, наверное.

Что делать».

Побуждение помочь слабому, накормить голодного присуще любому мало-мальски развитому духовно человеку. И малая помощь иногда помогает выжить, придаёт силы, иногда даже спасает чью-то жизнь. Но раздавая бутерброды беженцам на пропускном пункте, или бросая горсть хлебных крошек в трескучий мороз озябшим воробьям, или покупая пакетик корма в Пятёрочке для бездомной кошки, предварять это спектаклем с пафосными восклицаниями: «трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь — чтобы дышать», по меньшей мере пошло.

И как же финал этого повествования сопрягается с заявленным выше градусом эмоционального накала?

А вот как: «очень даже хорошо, что пятачок моей эмпатии не распахнут на полмира. Что он такой, какой есть. Кем же надо быть, чтобы выжить — если болит абсолютно за всех? Святым, наверное. Мне не подходит».

Рушится вся эта криводушная конструкция, и дыхание у автора очень короткое. А если так было изначально, если эмпатия атрофирована, то и эмоции надуманные, и рациональное — от сих до сих — берёт верх.

Чем больше знакомишься с современной российской прозой, тем чаще приходит на ум сказка Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Как будто кто-то забрал у литераторов человеческие сердца и выдал им искусственные, поэтому и пишут они зачастую так противоестественно и отталкивающе.

НЕСКУЧНЫЙ ЮМОР

АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЁВ

ПРОГНОЗ БЛАГОПРИЯТНЫЙ

Не успел начаться рабочий день, как на телефон главбуха Маргариты Андреевны – дамы, неумолимо приближающейся к пенсионному возрасту, обладающей богатым воображением и умеренным валовым доходом, пришло невразумительное сообщение, от которого она зябко поежилась: «…ходи…пр.. щ…ться…3 бца...».

Это что еще за глупые шутки... Или не шутки?

Самое неприятное заключалось в том, что номер, с которого было отправлено подозрительное смс, принадлежал Маргаритиной, пусть и не сказать, чтобы очень близкой, тете.

«Что с тобой, ты в больнице?» – набрала она в телефоне первое, что пришло ей на ум.

Не дождавшись ответа, дама решила уточнить причину направления депеши у автора лично.

Но сколько она не пробовала дозвониться до тети, аппарат родственницы хранил тяжелое молчание, что еще больше утвердило Маргариту в суровых предположениях.

– Черт, черт. Как ты, тетушка, не вовремя, – тихонько простонала она. – Мне как раз отчет на следующей неделе сдавать, кухню итальянскую привезти должны. В Пафос билеты заказывать на ноябрьские пора. Ты об этом подумала?

При мысли о Кипре у Маргариты тоскливо засосало под ложечкой, а под прической шевельнулась подленькая мыслишка:

«Может тебе, Марго, сделать вид, что ты не поняла ничего. Действительно. Прилетела чушь какая-то, если отбросить мнительность, нелепица. А ты сразу в панику. Тетка же тем временем телефон новый осваивает или в конце концов просто дурачится. Хотя, с другой стороны, кроме меня у нее только кошка. Никто и не почешется, случись что. А вдруг и в самом деле слегла. Интересно, когда мы последний раз виделись?».

После таких неутешительных выводов на сердце у племянницы стало совсем неуютно, и скоро она, забыв про предстоящий отчет, суматошно заводила в навигатор адрес третьей районной больницы.

Несмотря на очередной карантин, Маргарита на удивление легко проникла за флажки в лечебный блок медицинского заведения. Ее попросили лишь купить бахилы с маской и взять напрокат больничный халат.

Побродив по бесконечным коридорам старинной с высокими сводами богадельни, построенной то ли еще до исторического материализма, то ли в эпоху первых ударных пятилеток, она наконец вышла на цель.

В тусклом дрожащем свете люминесцентной лампочки ее взору предстала, раскинувшись поверх одеяла, некрасивая изможденная старуха со свалявшимися сальными волосами, в которой Маргарита с трудом узнала свою еще совсем недавно цветущую и бойкую родственницу.

Судорожно сомкнув веки, та хрипло и часто дышала, тяжело вздымая впалую грудь. На прикроватной тумбочке рядом с ней стоял стакан, к стенкам которого пристали засохшие чаинки.

Маргарита робко встала у входа в палату, не решаясь потревожить теткин не то сон, не то забытье.

– И давно она вот так? – вполголоса спросила она женщину в белом халате, суетившуюся неподалеку.

– Пятый день, вроде. «Или восьмой», —безразлично сказала та, складывая грязное белье на пустующую кровать.

– Температура высокая?

– Высокая, наверное. Она вообще дышит едва, не встает со вчерашнего утра.

– А вы-то тут на что тогда, а? – вспыхнула синим пламенем Маргарита, которой вдруг стало обидно, возможно, даже не столько за тетку, сколько за свои долго вынашиваемые планы на ближайшее будущее, которые, похоже, тоже приказывали долго жить. – Персонал называется. Неужели не видите, что человек у вас того гляди душу Богу отдаст от истощения? Садисты. Ела она давно в последний раз, позвольте узнать?

– Вчера, кажется, – женщина в халате пожала плечами. – Утром, вроде бы. Когда вставала еще.

– Кажется, вроде. Все у вас так, – Маргарита окатила женщину ледяным взглядом. – Больше сказать не можете ничего.

– А знаете вы сколько их тут истощенных таких на мою шею? – вяло огрызнулась та. – Половина отделения. И за всеми уследи. А вам известно, сколько санитарок на всю терапию осталось после оптимизации? Пять!

– Одна пятая отделения за вами тогда всего, – поправила ее Маргарита. – Никакая не половина, не передёргивайте.

– Это только, по-вашему, пятая. На самом же деле одна из нас в отпуске, две на больничном. Считать умеете? То-то. И вообще некогда мне с вами тут. К терапевту идите. Ему делать нечего. А мне пора катетер одному доходяге ставить, а после капельницу еще...

– Капельницу? Вам?.. Санитарке? – остолбенела Маргарита.

– А что вам не нравится? – оскорбленно вскинула брови ее визави. – Медсестер после оптимизации и вовсе наперечет. Одна точнее и осталась только. Дышать боимся на нее теперь. Сегодня, правда, она в урологии весь день. Главврач распорядился. У них там вообще медсестер нет. За неделю второй раз такая фигня уже. Ну а мы потихоньку наловчились сами ставить и колоть, помолясь. Ладно, капельница – это еще семечки.

Лицо санитарки осветилось гордостью.

– Тут в хирургии Степановна на днях наркоз давала. Это да, уровень! И ведь ничего, оклемался апендицитчик, говорят, жить будет даже. Ох, заболталась я с вами совсем. Пошла я.

– Эй- эй, погодите, как вас там…

– Как нас там, вам знать вовсе не обязательно, – подозрительно сощурилась санитарка и, показывая всем видом, что разговор окончен, поволокла куда-то стойку для капельницы.

В коридоре совсем уже отчаявшаяся Маргарита умудрилась поймать за хлястик дежурного врача.

– Что вы можете сказать по поводу ситуации со Смирновой? – холодно спросила она, изо всех сил пытаясь сдерживать пробивающееся наружу возмущение.

– А кто она такая, чтобы я о ней вам говорил?

– Тетя моя.

– Мне неважно, чья она тетя, вы мне палату ее лучше назовите.

– Третья.

– Так, таак, третья. Кровать у окна что ли? «Тогда ничего хорошего», — сказал, как отрезал врач. – Двусторонняя пневмония, осложнённая анемией и обширным сепсисом. А вообще мы тут справок не даем.

Прижатый, однако, к стенке неслабым торсом бывшей биатлонистки, терапевт быстро понял, что вырваться из лап этой посетительницы ему не удастся, поэтому указал ей обреченным взглядом на свой кабинет.

– Так что порадовать вас, гражданочка, нечем, – резюмировал он свой доклад о состоянии больной, тускло глядя в компьютер. – Прогноз, как видите, крайне неблагоприятный, готовьтесь.

– Неужели больше ничего нельзя сделать?

Врач уныло покачал головой.

– Мы и так делаем все, что в наших силах, четко по схеме ведем. Анальгин вон даже давали вчера. Но человек предполагает…

Врач скосил глаз в сторону иконы Господа Вседержителя, висевшую у него над столом.

– … А Он, сами понимаете.

– Понимаю. Ну уход-то хоть за ней наладить можно, умывать ее иногда, кормить, с боку на бок переворачивать?

– Уход, конечно, мооожно, – скуксился, словно прикусил губу, врач. – Только у нас свободных рук не хватает. Поэтому нельзя. Это все они, фонды эти, чтоб их.

– И поэтому ей остается только сгнить тут у вас. Так? С голоду окочуриться.

Доктор оценивающе посмотрел на Маргариту Андреевну и пожал плечами.

– Я-то тут при чем? Нанимайте сиделку, дамочка, договаривайтесь. Это единственное, что я могу вам в такой ситуации посоветовать.

– Как вы лихо умыли руки. Браво. Впрочем, можно, конечно, попробовать, знать бы как это делается только.

– На сайте у нас, не сочтите за труд, посмотрите. На сайте все есть – как, что и почем. Еще вопросы?

Доктор нетерпеливо посмотрел на часы и поднялся.

– Обход у меня сейчас, извиняюсь. Обход.

На работе, едва скинув плащ, Маргарита Андреевна плотно засела за ноутбук. Найти сайт больницы не составило труда. Ага, вот и «Дополнительные услуги». С фотографии в разделе «Паллиативная помощь» ей мило улыбалась многостаночница-санитарка, с которой та уже имела некоторый не слишком жизнеутверждающий опыт общения. Оказалось, что ее зовут Антонина.

– Альтернативы, я так понимаю, тут тебе, Антонина, не имеется, – вздохнула, подперев рукой подбородок, Маргарита. – Ну что ж, за неимением гербовой. Все ж лучше, чем ничего.

И поставила галочку напротив графы-премиум уход за пациентом 24/7 – 400 руб./сут.

Полистав прейскурант, Маргарита решила (эх, гулять, так гулять) заказать тетке, на всякий случай, усиленное медицинское обслуживание под контролем врачей экспертного уровня за две тысячи рублей в сутки, а потом, подумав, подключила услугу «онлайн информирование», еще за сто целковых. Итого, весь банкет, встал ей в две с половиной тысячи рублей в сутки, что, надо признать, совсем не цена, когда на кону стоит жизнь, ну или, по крайней мере, достойное человека умирание родственницы.

Не прошло и часа, как ей на телефон уже пришло первое смс.

«Больная получила терапию ципрофлоксацином, витамины и мукалтин, а также приняла в пищу молочный кисель и фрикадельки. Спасибо, что пользуетесь нашим сервисом. Ваша РКБ № 3».

Еще через пару часов следующее:

«Больной ввели физраствор внутривенно и сделали массаж спины. Стоящая на страже Вашего здоровья Ваша РКБ № 3».

После обеда одно за другим пришли очередные два сообщения.

«В помещении, где находится больная, провели кварцевание. Больной поменяли постельное белье. Температура тела больной 37.5, давление 150/90. Всегда на связи. Ваша РКБ № 3».

«Больная получила сеанс электрофореза с калием йодида и 3 (три) спиртовые салфетки. Оставайтесь с нами. Ваша РКБ № 3».

Вечером у Маргариты состоялся сеанс видеосвязи с курирующим лечение экспертом.

К своему великому удивлению, на экране она обнаружила изображение того же самого не слишком любезного доктора, с которым имела короткую беседу накануне.

– Что ж, – сказал он, светясь доброжелательной улыбкой, – сегодняшний день можно однозначно занести нашей больной в актив. В анализах крови уже видна положительная динамика. Это хорошо. Хоть долгосрочные предположения делать, Маргарита Андреевна, пока еще рано, но в целом, могу вас заверить, прогноз у вашей родственницы намечается вполне благоприятный, а при…

– Вы мне вот что лучше скажите, – бесцеремонно прервала его Маргарита, чувствуя, что имеет на это право, – до ноябрьских праздников получится ее на ноги поставить?

– Думаю, да, – затряс седеющей головой доктор. – Определенно.

– Ну и ладненько, – облегченно выдохнула Маргарита, подтверждая заказ двух билетов на Пафос...

АВТОРЫ НОМЕРА

БОРИСОВА Ольга Михайловна. Автор 18 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр международных фестивалей и конкурсов. Организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья», журнала «Параллельки», член редакционного совета журнала «Белая скала», «Царицын». Член Союза писателей России, член Европейского Конгресса Литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, член международного жюри литературных конкурсов и фестивалей.

БРАГИНА Людмила Петровна. Родилась в Белгороде. Окончила филфак Белгородского государственного университета. Руководитель литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Редактор литературного журнала «Дрон». Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Дрон», «Наш современник», «Нева», «Нижний Новгород», «Дон», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки» и других. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

ВОЛКОВА Марина Георгиевна. Родилась в Санкт-Петербурге, поэт. Публикуется в литературных журналах «Наш Современник», «Север», «Новгород литературный», «Голос эпохи», «Мгинские мосты», «Южная звезда», «Царицын», «Роман-газета», «ВеликороссЪ» и др. Автор поэтических сборников: «Веру храня в рассвет» (2013), «Очарованная странница» (2017), «Наследники» (2022). Автор и ведущая литературного проекта «Виват, Петербург!», редактор одноимённого альманаха.

ГРИШИН Михаил Анатольевич. Прозаик, журналист Член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в селе Саюкино Рассказовского района Тамбовской области. Окончил Саюкинскую среднюю школу, Тамбовский железнодорожный техникум. В 1990-е годы Михаил Гришин занимался торговым бизнесом. Объездил почти все республики бывшего СССР. Был в исламских странах, на Мальдивах и Цейлоне, жил в буддистском монастыре. Печатался в областной и

столичной периодике. Автор книг «Дождь, самогон и коробка конфет», «Вкус мести», «Паутина», «Старая прялка», «В гостях у Бабаси». Его книги экранизируются в Москве, на телевидении – на канале НТВ. Дипломант международного конкурса детской книги имени Алексея Толстого за повесть «Старая прялка».

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич. Родился в Вологде. Служил в армии. Более 10 лет работал тренером дзюдо и самбо. Автор 15 книг прозы. Публиковался в таких изданиях, как «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север», «Москва», «Сибирские огни», «Алтай», «Подъём», «Двина» и других. Лауреат международной литературной премии «Югра» (2012), обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Федора Абрамова, лауреат премии им. А. Куприна «Гранатовый браслет». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

КАТКОВ Иван Олегович. Родился в Казахстане в семье офицера. Закончил филфак Нижегородском государственный университете им. Лобачевского. Живет в Дзержинске Нижегородской области. Автор двух книг прозы - «Еще один день» (2017) и «Маньяк» (2019). Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «День литературы», «Великороссъ», «Нижний Новгород», «Земляки» и других.

КИЛЕСА Вячеслав Владимирович. Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии», «Белогорское РОВД». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

МИЛЧЕВСКАЯ Ирина Константиновна. Родилась в г. Гори (Грузия). Живёт в Москве. Получила высшее медицинское образование, работала врачом. В 90-е годы освоила ещё несколько интересных профессий в разных областях, в том числе - частного инвестора и дизайнера интерьеров. Литературой и историей увлекается с детства, но писать начала относительно недавно.

МИРМОВИЧ Евгений. Родился в Ленинграде. По образованию юрист. Куратор волонтёрских проектов в области работы с детьми инвалидами. Один из редакторов портала «Изба читальня». Выпускник курсов литературного мастерства А.В. Воронцова. Финалист и лауреат

международных и национальных премий и конкурсов: «Писатель года 2021», «Славянское слово 2022», «ДИАС 2022», и других. Публиковался в сборниках «Писатель года», «Художественное слово», «Антология русской прозы», «Славянское слово». Произведения автора неоднократно звучали на радио «Гомель плюс» (Республика Беларусь). В 2021 году у него вышел сборник рассказов «Бессмертие», а на платформе ЛитРес опубликован сборник коротких рассказов «Прими – не возражай».

ПОНОМАРЁВ Александр Сергеевич. Родился в Москве. Образование высшее техническое. Пишет в различных жанрах, в частности в жанре иронической (сатирической) прозы, поэзии. Публиковался в журналах «Нева», «Бельские просторы», «Причал», «Земляки», «Кольцо А», «Дегуста.ру», «Печорин.нет» и других.

РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ Алёна Александровна. Родилась в г. Симферополь. Лауреат и финалист международных и всероссийских конкурсов и фестивалей: «Славянское слово» в 2021 и 2022 г., Болгария-Россия. «Вечные залпы Победы» 2022, Санкт-Петербург. «Пристань менестрелей» 2022, Балаклава. «Берега дружбы» «Литературные Старки», Москва и других. Участник литературных сборников. Медаль «Есенина», 2020. Медаль «Георгиевская лента», 2020. Медаль «Славянское слово-2021». Член Российского союза писателей. Член Союза писателей Крыма.

РОМЕНКО Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Дрон», «Наш современник», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «День и ночь», «Александръ», «Ротонда», «Северо-Муйские огни» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

СМАГЛИЙ Надежда Владимировна. Родилась в п. Первомайский Челябинской области. Живёт в пгт. Борисовка Белгородской области. По профессии медицинский работник. Была главным редактором детского интернет-журнала «Кенгурёнок». Член международного творческого объединения детских авторов. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации детская литература. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Стихи и проза публиковались в газетах и журналах России и Белорусии. В 2016 году вышла первая книга рассказов для подростков «На грани...»

СТРУКОВА Марина Васильевна. Родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Подъём» и многих других. Лауреат

конкурсов «Прекрасные порывы», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, «Добрая лира». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт на Тамбовщине.

ТУХТАРОВ Александр Романович. Родился в 2005 году в городе Термез, республика Узбекистан. В три года переехал с родителями в Пермь, там пошёл в детский сад. В шестилетнем возрасте переехал в Белгород. Закончил школу №43 с золотой медалью. Учится в БГТУ им. Шухова на 2 курсе по специальности программная инженерия. Занимается в литературной студии «Младость».

ЧЕСНОКОВ Илья Владимирович. Родился в г. Чимкенте. Участник команды КВН института, а позже и сборной КВН города. В 2000 году с семьёй переехал в Белгород. Печатался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия» и «Белгородская правда», а также в столичной периодике. Работает преподавателем в Белгородском педагогическом колледже. Член литературной студии «Младость».

ШУМОВ Юрий Васильевич (1954-2005). Родился в селе Самойловка Корочанского района Белгородской области. Служил в Советской Армии. Занимался боксом. Работал на заводах в Белгороде. Стихи начал писать в школьном возрасте. Публиковался в коллективных сборниках «В родном кругу», «Слово», «Свидание», «Третье поле», «Слово о бойце», в журналах «Наш современник», «Подъём», «Роман-газета XXI век», альманахе «Светоч», «Дверь в лето» и других периодических изданиях. Его стихи вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины». Автор книги стихотворений «Плач», за которую был принят в Союз писателей России в 1995 году.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДРОН

№2 (5) ДЕКАБРЬ 2023 г.

Выходит 2 раза в год. Печать лазерная.

Учредитель:
Белгородский центр литературы и искусств.
Для писем:
60267@mail.ru
Редакторы:
Л. П. Брагина, О. С. Роменко

Журнал в интернете
https://dronjournal.ru/
https://magazines.gorky.media/
http://litbook.ru/
http://lit-web.net/

ISSN 2587-7178
9 772587 717008 >

Людмила
Брагина

Олег
Роменко

Марина
Струкова

Дмитрий
Ермаков

Ольга
Борисова

Михаил
Гришин

Марина
Волкова

Иван
Катков

Ирина
Милчевская

Евгений
Мирмович

Надежда
Смаглий

Александр
Пономарёв

Алёна
Родионова-Крымская

Александр
Тухтаров

Вячеслав
Килеса

Илья
Чесноков